

Годъ 19-й.

Кн. LXXIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ университѣтѣ.

1907, № 3.

Подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. О. Миллера

и

Моварища Предсѣдателя Н. А. Янукова.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., д. с.

1907.

Печатано съ разрѣшениемъ Совета Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

Cmp.

I. Изъ воспоминаній этнографа. IV. С. К. Кузнецова	1
II. Алеша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи. В. П. Мансикка	. . . . .
III. Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ свя- тыхъ. А. В. Маркова	42
IV. Цалкинские греки и ихъ современное положение. А. С. Хаханова	49
V. Историческое развитіе этнографії В. Н. Харузиной.	
VI. Смѣсь:	
1. Поліандрія въ Африкѣ. А. Н. Максимова	. . . . .
2. Укусъ у русскихъ крестьянъ. Д. К. Зеленина	. . . .
3. Кургоминские притчи. По записи С. В. И., сообщеніе Н. Козмина	. . . . .
4. Вопли Новгородской губерніи. По записямъ воспитанниковъ Новг. учит. семинаріи, сообщеніе А. Суворовской	. . . .
5. Изъ рукописныхъ материаловъ С. Раевскаго, сообщеніе Е. Н. Е—ой	. . . . .
6. Олянь. Киргизская любовная пѣсня. А. А. Диваева . .	96
7. Киргизские афоризмы А. А. Диваева	97
VII. Критика и библіографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Rév. sz. Rassen und Geisteskrankheiten. В. Н. Х-ой (98).— De Millon et Bod—Joul ou Tibet. Е. Н. Е-ой (101).—Weber. Die Literatur der Babylonier und Assyrier. Е. Н. Е-ой (102).— Ulmer. Hammurabi, sein Land und Seine Zeit. Branden- burg. Phrygien und seine Stellung im Kleinasiatischen Kult- turreis. Е. Н. Е-ой (103).—Pradel. Griechische und südita- lienische Gebete. Е. Н. Е-ой (104).—Delyaue. Les légendes hagiographiques. Е. Н. Е-ой (105).—Мошковъ. Новая теорія происходженія человѣка и его вырожденія. А. Н. Максимова (106).—Перетцъ. Новые данные для исторіи старинной украин- ской лирики. А. Л. Маслова (107).—Гр. Уварова. Материалы по археологии Кавказа. Вып. XI. А. С. Хаханова (108).—Бей- лини. Странствующія поэты въ древнераввинской письмен- ности. Е. Н. Е-ой (109).—Записки Восточ. Отд. Ими. Русс. Археологического общества. Е. Н. Е-ой (110).—Ежегодникъ Тобольского Музея. Вып. XV. Н. В. Васильева (111).—Боль- шаковъ. Община узырянъ. В. П. Налимова (113).—Лыко-	

шинь. О гаданіи у среднеазіатскихъ туземцевъ. Е. Н. Е—овъ. (123).—Mansi kka. Das Lied von Ogoi und Novatitsa. Н. С. Т-го. (124).—Борисовъ. У самовдовъ. Вл. Б. (125).—Шай- жинъ. Олонецкие водопады. Вл. Б. (127).—Отвѣтъ г. Абрамову. Д. К. Зеленина. (129).	98
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	132
3. Новости этнографической литературы	138
VIII. Хроника:	
Отчетъ о дѣятельности Этнографического Отдѣла и Музы- кально-Этнографической Комиссіи за 1905—1906 годъ.— 70-лѣтній юбилей И. Е. Забѣлина.—75-лѣтіе дня рожденія Эд. Тайлора.—Некрологи: Н. К. Зейдлицъ, Р. Р. Штакель- бергъ, А. Биленштейнъ.—Собрание сочиненій С. В. Макси- мова.—О трудахъ Э. К. Пекарского по Якутскому фоль- клору.—Этнографическая выставка въ Петербургѣ.—15-лѣтіе «Правосл. Благовѣстника».—Черниговское Епархіальное Древлехранилище.—Общество для изслѣдованія Приднѣпро- вья.—Международная ассоціація для изслѣдованія Центральной Азіи.—Союзъ изслѣдователей фольклора «F F».—Погребальные статуэтки.—Вновь открытые гречес- ские попирусы.—Древне-египетскіе домики для душъ.— Древняя китайскія зеркала.—Къ изученію цыганъ.—Воз- рожденіе еврейскаго языка.—Къ изученію нѣмецкаго съвера.—Нѣмец. этнографическая экспедиція.—Въ цент- ральную Америку и Мексику.—Вымирающія племена Пата- гоніи.—О племени «пазъ».—О. Бали.—Преданія и мифы «моану».—Дѣтская игра «lufambo».—Премія соликам- скаго земства	145
IX. Объявленія объ изданіяхъ	163

Изъ воспоминаний этнографа.

III. *)

Миссионерство въ эпоху мултанского процесса. Эксперты-миссионеры Верещагинъ и Ергинъ. Нынѣшніе миссионерскіе приходы. Еп. Никонъ среди уржумскихъ черемисъ въ 1904 г. О чёмъ могло бы духовенство бесѣдовать съ преосвященнымъ: 1) секта „большой святыи“ (*кугу сортат*); 2) ревнитель язычества Александър Тамшинерскій; 3) молодежь в старое поколѣніе извродацевъ; 4) богослужение на черемисскомъ языке. Я уклоняюсь отъ встречи съ еп. Никономъ. Цвятельность сарапульского викария по уничтоженію язычества. Исполнители его воли. Характеристика стариннаго миссионерства. Миссионеръ Танаевскій. Уничтоженіе Юманурской языческой рощи. Миссионеръ по призванию—о. Сергій Увицкій. Случай изъ его практики.

Послѣ того какъ я остановился на способахъ закланія жертвъ черемисами и вотяками, способахъ столь мало извѣстныхъ, что эксперты со стороны обвиненія на мултанскомъ процессѣ измыслили невѣроятныя подробности, лишь бы приспособить странное убийство нищаго Матюнина къ жертвенному закланію вотяковъ,—умѣстно будетъ, какъ мнѣ кажется, спросить, что же дѣлали отцы миссионеры въ эпоху мултанского процесса?

Отвѣтъ приходится, крѣпко подумавши. Да и есть надѣчѣмъ. Во-первыхъ, настоящихъ миссионеровъ раньше было чрезвычайно мало, да и сейчасъ ихъ очень немного среди черемисъ и вотяковъ; во-вторыхъ тѣ, которые выдавали себя въ ту пору за таковыхъ, опираясь на назначеніе ихъ на этотъ постъ епархialною властью, были ниже самой снисходительной критики. Въ эпоху мултанского процесса оставался единственный настоящій вотскій миссионеръ—о. діаконъ Верещагинъ, полувотякъ по происхожденію, человѣкъ очень знающій и очень скромнаго о себѣ мнѣнія. Кромѣ него можно было назвать дядю и племянника Канап-

*) См. „Этн. Обозр.“ кн. LXVIII—LXIX, стр. 29—51.

чинскихъ: протоіерея и благочинного въ с. Новомъ Мултанѣ—о. Іоанна, и о. Владимира въ с. Селтахъ.

Надѣвъ рясу послѣ долгихъ лѣтъ учительства среди вотяковъ, о. діаконъ Верещагинъ отрѣзалъ себя оть инородческаго міра, и ему стало крайне трудно теперь наблюдать вѣрованія вотяковъ. Этимъ объясняется, что онъ не успѣлъ изучить таинственныхъ жертвоприношеній кереметнаго характера, катковы у вотяковъ «послѣдняя жертва» (бэр высь) и молеше грозному *Акташу* («блѣлому камню», какъ-бы собирающему свалиться съ одного изъ крутыхъ склоновъ глубочайшаго оврага въ Мамадышкомъ уѣздѣ, Казанской губ.). О. діаконъ честно заявилъ объ этомъ суду въ Мамадышахъ и самъ себя отстранилъ, такимъ образомъ, отъ рѣшенія вопроса о потаенныхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ. Тщетно было потомъ его увѣреніе, что за 25-лѣтнєе знакомство съ вотяками не встрѣтилъ онъ ни единаго слѣда человѣческихъ жертвоприношеній: судъ не обратилъ вниманія на его заявленіе, сопровождавшееся слезами.

Въ сторонѣ осталось аналогичное письменное заявленіе суду настоятеля церкви с. *Старого Мултана*, покойнаго о. Чемоданова, 40 лѣтъ священствовавшаго въ этомъ селѣ. Зато судъ со вниманіемъ слушалъ показаніе эксперта обвиненія, о. Ивана Ергина, прослужившаго въ Старомъ Мултанѣ годъ или два. Анализъ его показанія выясняетъ одно: о. Иванъ, проѣзжая однажды мимо священной рощи вотяковъ, видѣлъ дымъ... И только! Но онъ сообщилъ массу слуховъ и соображеній, своихъ и чужихъ, причемъ одни были невѣроятнѣе другихъ.

Объ экспертизѣ покойнаго проф. И. Н. Смирнова, состоявшей изъ сплошныхъ натяжекъ, я теперь не говорю: этому будетъ посвящена особая глава.

Минувшимъ лѣтомъ я видѣлъ о. Ивана и поинтересовался узнать, что заставило его, опираясь на столь жалкія свѣдѣнія, категорически утверждать то, чего не существуетъ въ вотскихъ вѣрованіяхъ? Онъ сослался на свое *внутреннее убѣжденіе...* Съ такими людьми бесѣдовать совершенно бесполезно: присущаго ихъ натурѣ упрямства, построенаго на убѣженії (*sic!*) безъ фактовъ, не прошибешь никакими доводами. Но въ вопросахъ вѣры, въ дѣлахъ судебныхъ, именно подобные

люди задаютъ тонъ, и иногда за ними надолго остается руково-
дящая роль.

Замѣчательно, что мултанскій процессъ вызвалъ цѣлую литературу сказаний о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ «Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ», но въ этой литературѣ больше проглядываетъ ергинское убѣжденіе, чѣмъ строгая фактичность. А значительное количество батюшекъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ бытомъ инородцевъ, были прямо-таки за обвиненіе мултанскихъ вотяковъ. По ихъ мнѣнію, такое обвиненіе было бы уже потому полезно, что надолго отвратило бы вотяковъ отъ склонности къ язычеству, котораго-де они придерживаются потому, что совсѣмъ отвыкли отъ всякихъ строгихъ мѣръ доброго старого времени...

Въ настоящее время при духовныхъ академіяхъ существуютъ миссионерскія отдѣленія съ двухгодичнымъ курсомъ, выпускающія, такъ сказать, патентованныхъ, дипломированныхъ миссионеровъ. Очень часто въ Казанской академіи эти курсы проходятъ учителя изъ инородцевъ, кончившіе курсъ въ Казанской инородческой семинаріи, миссионерская карьера которыхъ бываетъ обеспечена наилучшимъ образомъ: въ чисто миссионерскихъ приходахъ они получаютъ 600 р. въ годъ при готовой квартирѣ, хотя безъ руги съ прихожанъ, но съ платой за требы, которая колеблется отъ 150 до 300 рублей; кромѣ того, какъ и во всѣхъ старыхъ инородческихъ приходахъ, причту отведена пахотная земля. Жить и трудиться на пользу просвѣщенія инородцевъ имъ вполнѣ возможно, тѣмъ болѣе, что пастырь говорить на языкѣ своихъ прихожанъ, а нерѣдко и самъ, до поступленія въ школу (иногда и дольше), оставался язычникомъ. Такихъ миссионеровъ я знаю много, а лично знакомъ съ десяткомъ подобныхъ лицъ. Однако, и у этихъ миссионеровъ рѣдко встрѣчается надлежащее, цѣлостное знаніе нравовъ и обычаевъ своихъ пасомыхъ; часто они лишены всякой инициативы и рѣшительно не знаютъ, съ которой стороны взяться за дѣло.

Бывшій вятскій епископъ *Никонъ*, объѣзжая епархію въ 1904 г., во время своихъ остановокъ въ инородческихъ приходахъ Уржумскаго уѣзда, часто бесѣдовалъ съ окрестнымъ духовенствомъ. Рѣчь сводилась не къ тому, какъ бы упорядочить миссионерское дѣло,—ибо самаго дѣла не было, а есть только его *призракъ*,—но какъ приступить къ этому дѣлу, съ

чего начать? Всюду наталкивался преосвященный на одинъ по-
чтительный отвѣтъ:

«Какъ прикажете, ваше преосвященство...».

Но бѣда въ томъ, что, по незнакомству съ языкомъ и вѣро-
ваніями инородцевъ, преосвященный и самъ не зналъ, за что
приняться, поэтому не могъ отдать никакого приказанія.

А между тѣмъ было о чёмъ поговорить... Но отцы благо-
чинные, даже послѣ вкушения вина и сикера, упорно отмалчивали-
сь. Выступить рядовому священнику было невозможно: если вы-
несешь сорь изъ своего прихода, тебѣ же непріятность; тро-
нешь чужой приходъ—сживутъ со свѣту. И безъ того кляузни-
чество въ эту пору въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ было
страшное; особенно много жалобъ поступало благочиннымъ на
священниковъ изъ инородцевъ, которыхъ священники-семинари-
сты считаютъ вообще недостойными занимаемаго ими положе-
нія — священства.

А факты были вопіющіе, и какъ бы хотѣлось отвѣсти душу,
непремѣнно побесѣдоватъ на счетъ ихъ!

Во-первыхъ, появившаяся въ 1880 г. въ предѣлахъ Яран-
ского уѣзда, среди язычниковъ, секта *кугурорт* («большая свѣ-
ча») сильно теперь окрѣпла и начала радиусами разростаться
во всѣ стороны. Мѣстныя власти (свѣтская и духовная) дѣйство-
вали дружно въ союзѣ и добились ссылки въ Сибирь основателя
секты. Онъ пробылъ тамъ около 6 лѣтъ и по коронаціонному ма-
нифесту вернулся въ родные края, съ правомъ жить въ г. Царево-
кокшайскѣ Казанской губ. Нѣкоторое время онъ руководилъ
сектой издали; но вотъ уже пять-шесть лѣтъ онъ стоитъ въ
сторонѣ, поставивъ сектантамъ нового главу, живущаго близко
къ центральной святынѣ черемисъ.

Теперь получается такая картина: на разстояніи немногихъ
верстъ другъ отъ друга живутъ — глава новой секты и глава
всего черемисскаго язычества, живутъ совершенно мирно, дѣй-
ствуютъ съ большимъ таکтомъ, съ большою терпимостью. Ны-
нѣшнимъ лѣтомъ я посѣтилъ обоихъ, и если послѣдній мнѣ
понравился, то первый прямо очаровалъ меня.

Чего же хочетъ секта *кугурорт*? Въ моихъ рукахъ есть
исповѣданіе вѣры, написанное основателемъ секты, я видѣлъ
весь ритуалъ этой секты и скажу: секта *кугурорт* есть ба-

городнѣйшее явленіе на фонѣ язычества, съ его кровавыми жертвами, съ его вѣрой въ кереметей. Это—чистая и возвышенная вѣра въ единаго Великаго подателя бога (*Күгү түйриш-Юмо*). Устранивъ кровавыя жертвы, какъ унижающія божество, секта отвергаетъ огонь, какъ очищающую стихію, а признаетъ таковою воду. Поэтому мѣсто моленія всегда соединяется съ текущей влажной стихіей (ручьемъ, рѣчкой, ключемъ), помощью протянутаго холста, а при отсутствіи текущей воды холстъ соединяется съ колодцемъ. Сектанты ведутъ очень воздержный образъ жизни, избѣгаютъ пьянства, а между собою живуть очень дружно, принимая въ свою среду крайне осмотрительно, послѣ продолжительного испытанія. И хорошо дѣлаютъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, памятую ссылку въ Сибирь основателя секты, они совершаютъ свои богомоленія крайне секретно: или въ подпольѣ, или при закрытыхъ ставняхъ, и донынѣ *никто еще не могъ похвастаться*, что присутствовалъ на ихъ моленіяхъ. Обстановка моленій проста до крайности: Великому Богу приносится въ жертву мука, масло и хлѣбъ въ зернѣ; отогнаніе шайтана совершается деревяннымъ мечомъ, оббитымъ холстомъ, такъ какъ желѣзныя издѣлія не допускаются. Всѣ предметы культа располагаются на простомъ деревянномъ столѣ о четырехъ ножкахъ; на другомъ (берестяномъ) столѣ ставится приносимая Богу жертва; посерединѣ берестяного водруженна солиднѣйшихъ размѣровъ и до трехъ пудовъ вѣсомъ восковая свѣча. Это и есть *кугү-сортамъ*, зажигаемая во время моленія. Молитва Великому Богу-подателю немногимъ чѣмъ отличается отъ молитвъ, читаемыхъ въ рощахъ, но она внушительнѣе, потому что не пестрѣеть именами массы боговъ, ихъ женъ, докладчиковъ и ангеловъ.

Мѣстное духовенство ровно ничего не сдѣлало для изученія секты; оно не знаетъ, что секта оазисами распространена по всему уѣзду, дошла уже до границы Малмыжскаго и прихватила часть Царевококшайскаго уѣзда. Оно и не подумало воспользоваться ею, чтобы окончательно уронить разорительныя для черемисъ кровавыя жертвы. Но оно попытало свое обычное оружіе—доносъ, и худшіе изъ представителей священства обвинили кугусортинцевъ ни болѣе, ни менѣе... какъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, въ кощунствѣ надъ Божіей Матерью и Николаемъ угодникомъ... Къ вицѣшему позору доносчиковъ, дѣло

кончилось строгимъ для нихъ выговоромъ и оправданіемъ не-винныхъ жертвъ.

Во-вторыхъ, незадолго передъ проѣздомъ преосвященнаго безславно кончилъ свои дни ярый пропагандистъ кровавыхъ жертвъ, уроженецъ дер. Тамшинеръ — язычникъ *Александръ*. Опираясь на сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ Великаго бога, явившагося ему въ благолѣпномъ бѣломъ черемисскомъ одѣяніи, съ высокимъ посохомъ въ рукахъ, Александръ требовалъ, чтобы че-ремисы были усерднѣе къ своей старой *Адамовой* вѣрѣ. Онъ на-стаивалъ на болѣшей торжественности языческаго богослуже-нія; онъ требовалъ, чтобы *никто* изъ черемисъ не смѣль рабо-тать, если увидитъ развѣвающійся надъ кюсотомъ (священою рощей) бѣлый изъ пеньковаго холста флагъ, но настаивалъ так-же, чтобы въ дни жертвоприношенія въ рощѣ былъ караулъ и не допускали никого посторонняго. Тамъ, гдѣ его слушали, онъ устроилъ прочные алтари предъ священными деревьями, посо-вѣтовалъ обнести рощи высокою оградой, при чемъ часто ведущія внутрь ворота запирались теперь на замокъ.

Въ виду замѣченныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ покражъ свинцовыхъ подвѣсокъ на священныхъ деревьяхъ, онъ рекомен-довалъ опоясывать эти деревья не иначе, какъ на высотѣ полутора сажень, для чего устраивалась около престола легкая лѣстница съ рѣдкими ступеньками. Александръ снова ввелъ полузабытый древній головной уборъ жрецовъ — конусообразный шлыкъ изъ бѣлаго холста, который мы видимъ на рисункѣ у *Олеарія*; онъ возстановилъ также древній обычай вѣшать на священномъ деревѣ голову и хвостъ жертвенного животнаго; онъ настояль-бы и на томъ, чтобы туда же вѣшали самую шкуру, какъ сей-часъ дѣлаютъ это кой-гдѣ въ Уфимской губ., но... нравы такъ пали, что шкура была бы украдена въ первые же дни. Онъ внесъ въ молитву верховному Богу особое прошеніе «объ избавленіи отъ мошенника-исправника, отъ мошенника-попа и отъ всякаго мошенника-чиновника»...

Александръ появлялся на каждомъ моленіи въ предѣлахъ Уржумскаго уѣзда; онъ всегда разѣзжалъ въ плетюшкѣ, на соб-ственной лошади и непремѣнно вмѣстѣ съ богато одѣтой женой, на-ряды которой залиты были серебромъ. Вліяніе Александра было громадно, авторитетъ его — неотразимъ. Самъ главный сновидецъ,

іерархъ язычества, долженъ бытъ на время стушеваться, и только главнѣйшая языческая святыня—күпран-солайнскій кюсotъ, этотъ Іерусалимъ язычниковъ, остался внѣ вліянія Александра. Но на одномъ моленіи онъ обѣлся плохо проваренной колбасы *токтамъ*) изъ конины и въ мученіяхъ умеръ... Съ нимъ умерла и попытка реставрировать черемисское язычество въ древнемъ его обликѣ, о которомъ у черемисъ долго еще не умолкнуть преданія. И кто знаетъ, не возродится ли оно еще?

Что же дѣлало духовенство въ ту пору, когда всѣ и все говорило объ Александрѣ? Оно обвинило его въ томъ, что онъ звелъ *идоловъ* въ черемисскую старую вѣру и, какъ на образчикъ, указало на полуторасаженную куклу изъ хвороста, съ бытчымъ черепомъ и хвостомъ, водруженную Александромъ въ кюсotъ дер. *Вичмары*, близъ села *Лопьяля*. Урядникъ составилъ надлежашій актъ и пустилъ дѣло по инстанціямъ, а мѣстный поэтъ и самоучка *А. П. Грудцынъ* напечаталъ въ «Вятскомъ Краѣ» забористый фельетонъ, содержаніе которого обошло всю Россію.

Передъ самымъ проѣздомъ преосвященнаго я поѣстиль дер. *Вичмари*. Изъ с. Лопьяля я взялъ стражника, изъ дер. *Пилей* (гдѣ волостное правлениe)—урядника, а староста, сотскій, вичмаринскій картъ (жрецъ) и Грудцынъ съ сыномъ сопровождали насъ по собственному желанію.

Дорогой въ рощу я высказалъ свой взглядъ на идола. По моему, это совсѣмъ не идоль, а просто: 1) *вѣничекъ* изъ березовыхъ вѣтокъ, черезъ который пробовали скотину, поливая ее водой; 2) *вѣтка липовая съ развилиной* (*сାନେକ ବୁଷ୍ଟମ୍ପ*), съ помощью которой гадали, угодна ли будетъ богу жертва; 3) *поясъ* изъ лыка (*ଜୁଷ୍ଟୋ*), украшенный условными знаками, обозначающими число вкладчиковъ, а также количество и родъ принесенныхъ этому богу жертвъ; 4) *свинцовыі слитокъ* (*ବୁଲନ୍ଦୋ*), получившійся при отливаніи на щекѣ топора, когда спрашивали бога: тотъ ли родъ жертвы ему предназначаются, какой слѣдуется? Въ липовую вѣтку съ развилиной,—говориль я,—должны быть воткнуты всѣ кусочки липовой коры (*ମୁରେଜ୍*), срѣзанные при гаданіи; тутъ же, вѣроятно, помѣщены 9 кусочковъ мяса, отрѣзанныхъ отъ разныхъ частей жертвы. Все вмѣстѣ это должно составлять нечто въ родѣ вѣника, не больше. Голова же и хвостъ жертвы

могутъ быть добавлены лишь какъ доказательство, что прінесена именно та жертва, которая указана богомъ въ гаданії.

Однъ только картъ быль вполнѣ согласенъ со мной, а Грудцыны отстаивали, что это—громадный идолъ.

Ворота въ кюсotь были заперты: пришлось лѣзть черезъ ограду. Ударившись прямо на полдень, я скоро вышелъ на поляну съ рядомъ священныхъ деревьевъ. Везде были устроены солидные престолы (*шайы*), треноги для котловъ сдѣланы не изъ жердей, а прямо изъ бревенъ. На среднемъ деревѣ, посвященномъ богу вѣтра (*мардэж он*), укрѣплена была пресловутый идолъ. Урядникъ, поддерживаемый стражникомъ, влѣзъ сначала на престоль, оттуда по перекладинамъ добрался до идола. Всѣ напряженно смотрѣли на эту процедуру. Я вновь пересчитывалъ всѣ составные части идола, а урядникъ твердилъ: «Такъ точно!». Все было налицо, кромѣ идола. Теперь я попросилъ смѣрять длину.

— Осмѣлюсь доложить,—говорить урядникъ,—сашка у меня аршинъ съ четвертью безъ рукоятки... А тутъ выходить... такъ что ровно аршинъ будетъ долины этотъ самый вѣникъ.

— Ну, а есть руки и ноги у идола?

— Никакъ нѣть! Чѣмъ вы обсказывали, только то и есть.

— Хорошо, слѣзайте теперь.

Пошли обратно. Я и говорю уряднику:

— Какъ же это вы составили невѣрный актъ осмотра?

Вѣдь, никакого идола-то и нѣть...

— Вижу, ваше-скородіе, большая ошибка вышла у меня... Но повѣрите ли: вотъ эти (онъ съ презрѣніемъ указалъ на отца и сына Грудцыныхъ) клялись и божились, что сами видѣли идола. А сынъ Грудцына на огородѣ устроилъ у себя чучелу съ бычей головой и хвостомъ, съ руками и ногами... Ужъ какъ онъ увѣрялъ, что точка въ точку призвель эвтого самого идола!.. Я, знаете... погода мокрая оченно была... такъ что польнился ити въ кереметище... Думаю, если божится Грудцынъ, значитъ—все вѣрно. Ну, обмѣряль, значитъ, эту чучелу и написать въ протоколъ...

— И совсѣмъ я не говорилъ,—заявилъ старшій Грудцынъ: это сынъ мой ходилъ въ рощу.

— Ходить-то я ходилъ,—возражаетъ Грудцынъ младшій: только при мнѣ идола черемисы еще не сдѣлали, а мнѣ объ

этотъ разсказалъ послѣ руссковѣръ Яковъ. Съ этихъ его словъ я и сдѣлалъ чучелу...

— Вотъ, вѣрь имъ послѣ этого! Если вы, вашскородіе, прибыли на переслѣдство по автому, значитъ, дѣлу, пожалуйста, не губите меня... Виноватъ, повѣрилъ обманщикамъ... Мой грѣхъ, я и отвѣтъ приму!

И урядникъ скорбно поникъ головой. Плутоватая улыбка искривила лицо жреца, и онъ что-то началъ шептать по-черемисски старостѣ и сотскому.

— Успокойтесь,—сказалъ я послѣ нѣкоторой паузы уряднику:—я не для слѣдствія разѣзжаю, а просто интересуюсь разными вѣрами и порядками.

Урядникъ съ облегченіемъ вздохнулъ и мы молча пошли до дому.

Вотъ какъ у насъ пишется исторія инородцевъ! Пройдутъ долгіе годы и, «пыль отъ картій отряхнувъ», историкъ XXIII вѣка будетъ, на основаніи подобныхъ документовъ, лгать про несчастныхъ инородцевъ...

Въ-третьихъ, отношеніе молодежи къ пожилымъ черемисамъ радикально измѣнилось, составляетъ самое болѣе мѣсто въ семейной жизни инородцевъ. Съ 1880 годовъ грамотность все усиливалаась, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Теперь нерѣдкость встрѣтить молодого разсыпку въ волостномъ правленіи, который хорошо говорить по-русски, но испытываетъ страшную нужду въ книгахъ для чтенія. А книгу взять негдѣ; если есть нѣкоторыя изданія казанской переводческой комиссіи, то за нихъ нужно платить деньги. Переводческая комиссія разсылаетъ свои изданія священникамъ и учителямъ изъ инородцевъ только за плату, при чѣмъ не дѣлаетъ никакой скидки. Это обстоятельство отбиваетъ всякую охоту распространять изданія комиссіи.

Между тѣмъ въ дешевой, а особенно бесплатной книжкѣ— большая нужда. Старое поколѣніе или держится язычества съ кровавыми жертвами, или уклоняется въ sectu *кугу сортѣ*, а молодежь устраивается отъ всего этого. Она не прочь бы прочесть старикамъ нѣкоторыя молитвы въ черемисскомъ переводѣ, да взять негдѣ! Припоминаются мнѣ двое юныхъ черемисъ, разсылокъ въ Кузнецовскомъ волостномъ правленіи. Оба почти со

слезами просили у меня книгъ, чтобы почитать роднымъ вслухъ, но со мной, къ сожалѣнію, ничего не было.

Эта воліющая ненормальность напомнила мнѣ время Н. И. Ільминскаго: какъ заботливо относился покойный къ распространѣю изданій комиссіи! Съ его смертью точно душа отлетѣла отъ этого дѣла... Переводы, правда, выходятъ въ свѣтъ, но ониничѣмъ между собой не связаны; правописаніе менѣется съ каждой книжкой; а встрѣчаются и такие переводы, что одно и то же слово имѣеть троякое начертаніе на одной страницѣ. Таковъ «Марла Календарь» на 1907 г.

Во главѣ переводческаго дѣла стоитъ свящ. Глазденевъ, родной братъ Мендиарова, писавшаго въ «Этногр. Обозр.». Онъ теперь окончилъ въ Казанской академіи миссіонерскіе курсы, но, повидимому, оставленъ въ дѣлѣ переводовъ совершенно безъ контроля. Для такихъ людей это крайне опасно, потому что они пытаются все подчинить своей деспотической натурѣ. Особенно печально отразилось это своеольство на «Черемисскомъ календарѣ», представляющемъ шедѣвръ безконтрольности.

Въ Вятской епархіи этой стороной инородческаго дѣла совершенно не интересуются; ни о какой литературѣ для инородцевъ не заботятся. Единственное исключеніе сдѣлалъ вятскій преосвященный Алексій (позднѣе—экзархъ Грузіи), обязавшій всѣ инородческие приходы пріобрѣсти книгу Луппова, «Миссіонерство среди вотяковъ Вятской епархіи». Но книга эта есть результатъ архивныхъ работъ, а не живого наблюденія, и изъ нея рѣшительно научиться ничему нельзя. Одинъ фактъ она устанавливаетъ незыблѣмо: что духовенство неупустительно доносило всякий разъ по начальству объ уклоненіи вотяковъ въ язычество. Но мы напрасно стали бы искать въ этой книгѣ указанія на то, *какими способами* пыталось вятское духовенство вразумить вотяковъ отъ уклоненія...

Въ-четвертыхъ, пора бы вятскимъ преосвященнымъ обратить вниманіе на то, чтобы въ черемисскихъ приходахъ почаще служилась литургія на черемисскомъ языкѣ... А то вотъ въ с. Сернурѣ, напр., одинъ изъ дьяконовъ хорошо знаетъ по-черемисски, но не хочетъ служить, потому что не получаетъ дьяконскаго оклада... Хорошо ли это?

Въ-пятыхъ... Да что—въ-пятыхъ? Въ-седьмыхъ, въ-десятыхъ, въ-двадцатыхъ... И того мало! Когда десятками лѣтъ изучашь народную жизнь, проникаешь во всѣ мельчайшіе ея изгибы, такихъ вопросовъ накопляется множество... Хочется подѣлиться съ человѣкомъ знающимъ посильнымъ рѣшенiemъ этихъ вопросовъ. Но гдѣ взять человѣка знающаго? Если бы еще власть имущіе пытались разыскивать и выслушивать такихъ людей... Но и этого неѣть. Невольно припомнилась мнѣ созданная при министрѣ нар. просвѣщенія В. Г. Глазовѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Будиловича, комиссія по вопросу о просвѣщеніи инородцевъ. Въ составѣ этой комиссіи, кромѣ проff. Машалова и Н. О. Катанова изъ Казани да г. Остроумова изъ Ташкента я не встрѣтилъ въ спискѣ членовъ ни одного лица, обладающаго знаніемъ языка и быта инородцевъ. Мало попало туда трудолюбивыхъ пчель...

Всѣ эти и имъ подобныя мысли приходили мнѣ въ голову, когда я, заблаговременно запасшись въ г. Уржумѣ маршрутомъ преосв. Никона, намѣревался встрѣтиться съ нимъ въ селѣ Т., гдѣ назначенъ быль ночлегъ. Но мнѣ пришло въ голову, что рѣчи мои, основанныя на фактахъ инородческой жизни, только смутять лазурное архиластырское спокойствіе, покажутся непрощеннымъ вмѣшательствомъ, а дѣло едва-ли поправятъ...

И въ двухъ верстахъ отъ ночлега преосвященнаго я круто свернулъ въ сторону... чтобы побесѣдовать со вдовой Александра Тамшинерскаго на счетъ ея покойнаго мужа и его организаторской дѣятельности по возстановленію древняго язычества.

Изъ этого объѣзда еп. Никономъ своей инородческой паству такъ ничего и не вышло, и онъ вскорѣ перешелъ въ другую епархію...

Немного ранѣе въ Сарапулѣ былъ викаріемъ епископъ... (не назову его имени). Чуждый семинарскому и духовно-академическому образованію, не то морякъ, не то военный по своей мірской карьерѣ, онъ хотѣлъ быстро, по командѣ, свести язычество на-нѣть. Русская жизнь ужъ такъ устроена, что было бы кому приказать, а исполнители всегда найдутся. Нашлись и въ этомъ случаѣ. Епископъ сарапульскій быстро сообразилъ, что совершиенно излишне, довольно обременительно, а главное—безполезно изучать вѣрованія черемисъ. Стоитъ ли того? Вѣдь, извѣстно, что черемисы молятся въ рощахъ, что ихъ вожаками въ дѣлѣ

въры являются сновидцы и карты. Достаточно вырубить рощи, штрафовать сновидцевъ и картовъ за каждое жертвоприношение (о чёмъ уже позаботился епископъ вятскій Алексій ¹⁾), и язычество останется безъ почвы, исчезнетъ.

Если бы черемисы боготворили деревья, а сновидцы и карты дѣйствовали бы только изъ корыстныхъ побужденийъ, какъ думаютъ до сихъ поръ власти и духовенство, такое заключеніе было бы еще сносно. Но здѣсь повторилась старая ошибка, которую совершилъ еще въ 1828 г. митрополитъ московскій Филаретъ. Пожелавши уничтожить среди черемисъ почитаніе кереметя Чумбулата, святилище котораго находилось на утесистомъ береговомъ выступѣ р. Немды, митрополитъ Филаретъ настойль, чтобы утесь былъ взорванъ порохомъ, и такимъ образомъ, казалось ему, уничтожилъ «мнимое божество» черемисъ. Но это только казалось; на самомъ же дѣлѣ черемисы чтутъ духа, именуемаго Чумбулатомъ, и повсемѣстно ему донынѣ покланяются, хотя старинная обитель божества разрушена.

Исполнителями воли сарапульскаго епископа явились два ино-родческихъ священника: одинъ—рожденный въ язычествѣ, крестившійся лѣтъ 18-ти, долго пробывшій учителемъ, другой—рожденный въ христіанской семье, но быстро составившій себѣ духовную карьеру. Если первымъ руководило искреннее желаніе просвѣтить единоплеменниковъ, то другой старался ради одной карьеры, чтобы поправить пошатнувшуюся отъ распущенной жизни репутацию.

События шли быстро. Набравъ понятыхъ изъ русскихъ и русковѣровъ-черемисъ, два іерея храбро вторглись въ кюсомъ, самую почитаемую священную рощу близь теперешняго миссіонерскаго села Кѣпранъ-сола водрузили деревянный крестъ и скомандовали рубить священные деревья. Сначала язычники оторопѣли и въ одѣленїи смотрѣли, какъ начали валиться вѣковыя деревья, а потомъ вспомнили, что еще въ 1860 г. по Высочайшему пове-

¹⁾ На основаніи распоряженія вятскаго губернатора, черемисскихъ жрецовъ начали привлекать за уклоненіе въ язычество и штрафовать. Штрафы колебались, по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ, отъ 10 коп. до 100 рубл. Къ стодоревлевому штрафу былъ, напр., приговоренъ въ 1904 г. самъ главный черемисскій сновидецъ.

лѣнію эта роща отдана была имъ *навсегда* для совершеннія языческихъ жертвоприношеній. Вспомнили и взялись за дубины...

Произошла свалка. Понятые были разбиты и пошли на утѣкъ, а миссіонеры въ суматохѣ спрятались въ подпольѣ дома руссковѣра *Абрама Токметева*, на имя которого адресована была нѣкогда бумага на счетъ священной рощи. Странная иронія судьбы! Дѣдь Абрама былъ главой язычества и организовалъ большое моленіе въ 1828 г., отецъ ходатайствовалъ передъ властями о сохраненіи рощи для язычниковъ, а внуку суждено было спасти отъ вѣрной смерти миссіонеровъ, посягавшихъ на древнюю святыню его предковъ...

Двое сутокъ просидѣли отцы іереи въ подпольѣ, пока не углеглись страсти и не умолкли громкія угрозы разъяренныхъ черемисъ. За это время миссіонеры достаточно натерпѣлись отъ страха и голода. Они успѣли даже, будто-бы, исповѣдать одинъ другому свои грѣхи...

Затѣмъ епископа сарапульскаго не получила одобренія, и его перевели. Миссіонеръ-карьеристъ запилъ горькую и уже три года подъ запрещеніемъ, а другой, самъ по себѣ очень симпатичный, рѣзко измѣнилъ свои пріемы къ лучшему. И то слава Богу!

Таково миссіонерство въ новѣйшемъ времени, въ его безпристрастномъ освѣщеніи.

Старое время дѣйствовало въ этомъ случаѣ также безъ особой подготовки. Въ предѣлахъ Казанской епархіи при Грозномъ крестили массами, съ помощью принужденія и нѣкоторыхъ льготъ; въ XVIII в. преобладалъ пріемъ викарія сарапульскаго: казанскій архіепископъ *Лука Конашевичъ* крестиль многія тысячи инородцевъ. Миссіонеръ *Кафтанниковъ* въ началѣ XIX ст. такимъ же путемъ обращалъ вояковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Примитивный способъ крещенія, безъ предварительной подготовки крещаемаго, господствовалъ еще въ 60-хъ годахъ. Скуфья, набедренникъ и камилавка поощряли сельскихъ батюшекъ къ усердію. Часто миссіонерствовали іереи безъ образования, изъ простыхъ церковниковъ, постепенно возвышившіеся до священства.

Таковъ бытъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ священникъ *Михаилъ Тамаевский*, мой духовный отецъ въ пору ранней юности. Онъ считалъ безполезною предварительную подготовку къ крещенію,

а соблазняль, главнымъ образомъ, льготою отъ рекрутства. По близости отъ родного моего города находится огромная (въ 500 слишкомъ душъ) деревня, съ 1866 г. сдѣлавшаяся селомъ. Населеніе здѣсь смѣшанное, но черемисы въ ту пору (конецъ 40-хъ годовъ) преобладали. Изъ четырехъ концовъ деревни, населенныхъ черемисами, три были болѣе или менѣе давно крещены, нѣкоторые — со второй половины XVIII в. Но одинъ конецъ упорно держался язычества, хотя и былъ наименѣе многолюденъ — всего 8 дворовъ.

Постепенно подговорилъ о. Михаиль русскихъ и черемисъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Въ одинъ базарный день всѣ некрещенные домохозяева или сами собирались, или были уговарены другими поѣхать за покупками. Оповѣщенный обѣ ихъ прибытии, батюшка явился въ облаченіи, а русскіе, завидя священника, начали тѣснить язычниковъ къ рѣкѣ, въ которую благополучно и загнали ихъ. Явились импровизированные воспріемники, и о. Михаиль въ одинъ пріемъ окрестилъ всѣхъ ихъ... Иванами.

Дѣло было начато. Вернувшись домой, новокрещенные выдергали баталію съ семейными, а потомъ и послѣдніе, подъ давленіемъ окружающихъ, приняли постепенно христіанство.

За подобные подвиги о. Михаиль получилъ всѣ свои награды, и только протоіерейство досталось ему за 50-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ.

Наряду съ такими миссіонерами изрѣдка встрѣчались симпатичные іереи, знакомые съ бытомъ инородцевъ и языкомъ. Назову для примѣра протоіерея Иоанна Капачинскаго въ с. Мултанѣ и его однофамильца-племянника — о. Владимира въ с. Селтахъ. Совершая свое пастырское дѣло, они въ то же время внимательно изучали вѣрованія вотяковъ, а младній трудился надъ словаремъ. Значительно полезнѣе могъ бы быть въ дѣлѣ обращенія вотяковъ свящ. Борисъ Гавrilovъ (изъ крещенныхъ татаръ), превосходно знавшій вотской языкъ, но его сгубило невоздержаніе.

Среди черемисъ, какъ я сказалъ выше, миссіонерство было до послѣдняго времени поставлено совсѣмъ плохо. Для легчайшаго обращенія преимущественно примѣнялся тотъ или иной видъ насилия. Такъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ посланный митрополитомъ Филаретомъ миссіонеръ Шокровскій, при содѣйствіи татарина-

исправника, въ одну недѣлю крестилъ и *укрѣпилъ* въ православіи немногого и немало — 369 душъ! Въ Яранскомъ уѣздѣ духовенство, не видя толку отъ своей проповѣди, вспомнило, какъ митрополитъ Филаретъ велѣлъ уничтожить Чумбулатовъ камень на р. Немдѣ, и подговорило одного плутоватаго мельника вырубить древнюю Юманурскую рощу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Яранска. Поступокъ мельника донынѣ восхваляется мѣстнымъ духовенствомъ, величающимъ его «юманурскимъ Навуходоносоромъ», какъ будто бы онъ разрушилъ черемисский Иерусалимъ.

Отрадно, при наличности такихъ фактовъ, вспомнить величавыя фигуры немногихъ миссіонеровъ по призванию, дѣйствовавшихъ единственно путемъ убѣжденія, не прибѣгавшихъ ни къ насилию, ни къ доносамъ по начальству.

Вотъ, напр., о. Сергій Увицкій (сначала въ с. Хлѣбниковъ, потомъ въ с. Лопьяль, Урж. у.). Нервная фигурка, средній ростъ при небольшой бородкѣ, вѣчно непокрытая голова... Покойный страхъ не любилъ шляпы и старался по возможности обходиться безъ нея, почему и погибъ отъ солнечного удара. О. Сергій былъ весьма словоохотливъ и пріятный собесѣдникъ, обладавший прекрасною и образною русскою рѣчью. Безъ всякихъ побужденій свыше онъ изготавливъ переводъ на черемисский языкъ чина исповѣди, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, символа вѣры и пр. Онъ настолько зналъ языкъ, что могъ бы перевести и литургію, но въ ту пору у насъ обѣ этомъ еще мало думали. Всѣ свои переводы покойный подарилъ мнѣ.

Присматриваясь къ быту своей черемисской паствы, о. Сергій легко замѣтилъ, что всего чаще черемисинъ прибѣгаешь къ помощи языческихъ боговъ при разстройствѣ хозяйства, которое особенно быстро приходитъ въ упадокъ отъ нетрезвой жизни. На послѣднюю онъ и направлялъ свое обличеніе. Но надо было видѣть и слышать, какъ онъ умѣло дѣлалъ это! Приведу одинъ случай изъ практики о. Сергія.

Былъ въ его приходѣ черемисинъ Трофимъ, трезвый и набожный. Но случился съ нимъ грѣхъ: подпоили его на базарѣ и, вотъ, скака сломя голову домой въ пьяномъ видѣ, онъ испортилъ свою кобылу. Долго ходилъ онъ угрюмый, а потомъ со сѣди надоумили его, что онъ наказанъ кереметемъ за непочтение. Особенно жена набросилась на него. Онъ ее избилъ, а по

томъ раскаялся и повѣсили въ шалашѣ сук, т.-е. узелокъ съ мукой и серебряной монетой, какъ бы въ знакъ того, что принесеть кереметю жертву, но умолчалъ объ этомъ предъ священникомъ. Спустя нѣкоторое время повезъ Трофимъ продавать на базаръ возъ овса, на этотъ разъ на лошади сосѣда, такъ какъ своя еще не поправилась. На базарѣ онъ распилъ свѣ покупателемъ полуштофъ, радуясь выгодной продажѣ, и крѣпко захмѣлѣлъ. Чужая лошадь привезла его домой спящимъ. Жена растолкала своего благовѣрнаго и спрашивается о деньгахъ. Хватился Трофимъ за карманъ кафтана, а тамъ пусто: деньги прошли вмѣстѣ съ платкомъ. Не говоря худого слова, жена взяла палку и крѣпко избила мужа. Отрезвѣль онъ вдругъ, отправился въ конюшню, отрѣзалъ отъ гривы жеребенка клокъ волосъ, пошелъ въ шалашъ и вложилъ этотъ клокъ въ ранѣе подвѣшенный узелокъ. Такимъ образомъ онъ пообѣщалъ теперь принести въ жертву кереметю жеребенка.

Междѣ тѣмъ семейные раздоры, вызванные потерей значительной для черемисина суммы, разгорались все больше, и вѣсть о нихъ дошла до о. Сергія. Вызвалъ онъ Трофима и завелъ съ нимъ бесѣду. Отъ прежняго кроткаго руссковѣра не осталось и слѣда: Трофимъ былъ полуপьянъ и упрямо твердилъ, что ему все дѣло портить кереметь Чумбулатъ, поэтому онъ хочетъ дать ему жеребенка. Напрасно о. Сергій увѣрялъ черемисина, что бесполезно приносить жертву Чумбулату: до тѣхъ поръ пока Трофимъ не исправится, не бросить пьянства,— не прекратятся домашнія непріятности, а ему будетъ казаться, что кереметь продолжаетъ мучить его по-прежнему. Трофимъ настаивалъ на своемъ и угрюмо заявилъ, что черезъ три дня онъ непремѣнно принесеть жертву.

Случилось такъ, что утромъ въ день жертвоприношенія я пріѣхалъ къ о. Сергію. Почтенный пастырь задушевно принялъ меня и посвятилъ въ суть дѣла. Вечеромъ мы пошли въ рощу. Старикъ быстро зашагалъ впередъ, по обыкновенію безъ шляпы на головѣ.

Изъ рощи тянулась малюсенькая струйка дыма отъ разложенаго небольшого костра. Видно было, что Трофимъ суетится около жеребенка. Непримѣтно вошли мы сбоку въ рощу и встали за группой деревьевъ, совсѣмъ близко отъ черемисина.

А Трофимъ въ это время усердно поливалъ изъ чашечки воду чрезъ еловый вѣнчикъ на спину жеребенка. Но напрасно: вечеръ былъ теплый и душный, вода согрѣлась и никако не беспокоила жеребенка, такъ что онъ и не подумалъ встряхнуться отъ воды, какъ бы слѣдовало.

— Слушай, Трофимъ,—началь о. Сергій вкрадчиво,—видно ты не съ того конца поливать началь. Смотри, ладно-ли?..

Трофимъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на насъ, но не сказалъ ни слова, а только насупился и продолжалъ свое дѣло. Но толку все нѣтъ. А о. Сергій ведеть свою линію неуклонно.

— Эхъ, Трофимъ! Говорю тебѣ, не такъ: не отъ головы, а отъ хвоста къ головѣ поливать-то надо, вѣрно... Упрямъ, вѣдь, кереметь!.. А жаль мнѣ тебя: славный ты былъ парень, къ церкви усердный... То-ли дѣло, кабы ты помолился со мной въ церкви! Ужъ такой-ли бы молебенъ хороший отслужилъ я Все-милостивому Спасу... Право слово! И жеребенокъ твой остался бы цѣль...

А Трофимъ все молча, не спѣша, поливаетъ да поливаетъ жеребенка... Вдругъ жеребенокъ лѣниво повель головою въ сторону и слабо, какъ бы нехотя, фыркнулъ. Трофимъ мигомъ произнесъ: «Ой, рахматъ!» (Ой, спасибо!) и пересталъ поливать, а взялся за головешку, чтобы окурить жеребенка.

О. Сергій началъ сердиться.

— Ну, ужъ и «рахматъ»! Какъ бы не такъ! Да было бы еще за что ему, поганому, спасибо-то говорить!.. Развѣ ты не видѣлъ, что въ носъ жеребенку комарь залетѣлъ? Вотъ онъ повернулся голову-то и фыркнулъ. А ты, небось, думаешь, что жеребенокъ встрепенулся. Держи карманъ шире!.. Кереметь хитеръ: не угодна ему твоя жертва. Видно, ужъ и до кобылы твоей добирается... Вѣдь эдакій жадный!

А надо сказать, что кобыла въ жертву совсѣмъ непригодна: обѣщать ее кереметю, значитъ — разозлить его окончательно.

Стиснувъ зубы, весь красный, Трофимъ молча водить головешкой то надъ спиной, то подъ брюхомъ жеребенка и даже подносить ему головешку къ носу.

— И капризенъ же твой кереметь, Трофимъ! Смотри-ка, смотри, какъ онъ воротить рыло: не надо ему твоего жеребенка!

Эхъ, кабы ты, другъ, истинному-то Богу помолился, съ вѣрой да со слезами! Полегчало бы, право слово, полегчало!..

Трофимъ весь даже затрясся, а изъ глазъ его покатились слезы безсильной злобы. А о. Сергій съ участіемъ говорить:

— Вотъ видиши, Трофимъ, на какого злодѣя ты наскачишь: ты ли не усердствуешь, а кереметь хоть бы чтѣ! Да... Знаешь чтѣ: не смѣнить ли тебѣ головешку-то? А то смотри: жеребенокъ нюхаетъ твою головешку и ничего... ровно бы дыму совсѣмъ не было...

Трофимъ вотъ-вотъ зарыдаетъ. А о. Сергій сначала вкрадчиво, а потомъ какъ бы въ сильномъ гиѣвѣ, продолжаетъ:

— Слушай, Трофимъ! Ты бы, знаешь, взялъ новую головешку, да подъ хвостъ жеребенку-то и ткнулъ... Авось, поможетъ! Да нѣть, гдѣ тутъ!.. Подавай ужъ, видно, кобылу. Ну, и кереметь проклятый! Смотри, какъ человѣка-то мучитъ... Да стоить ли послѣ этого и молиться-то ему!.. Тыфу!.. Его бы только рыломъ обѣ лавку угостить, а ты ему жеребенка еще...

Вдругъ по рощѣ раздалась громкая трехэтажная русская ругань Трофима. Плюясь и ругалсь, онъ растопталъ костеръ, вылилъ на него остатки воды, схватилъ жеребенка за обортъ одной рукой, другою прихватилъ большой пестерь и быстро зашагалъ домой.

— Доняль-таки я его! — шепчетъ мнѣ о. Сергій.

— У, подлецъ! Собака-а!.. кричить удаляющійся Трофимъ.

— А какъ вы думаете: по вашему это будетъ адресу, или нѣть, о. Сергій?

— Ни, Боже мой! Я ужъ привыченъ и знаю, что это Трофимъ славословить кереметя.

Утромъ чуть свѣтъ явился трезвый Трофимъ вмѣстѣ съ женой, паль въ ноги о. Сергію и со слезами просилъ отслужить молебень.

— Закатистой, бачка, молебна, пожалста — закатистой (т.-е. съ акаоистомъ)».

О. Сергій исполнилъ его просьбу. Потомъ я узналъ, что Трофимъ бросилъ пить, прекратились у него семейные дрязги, и зажилъ онъ если не лучше, то и не хуже прежняго, когда бѣда къ нему еще не приходила. И кереметь совершенно пересталъ его трогать.

IV.

Необходимость коллекционирования для этнографа. Чѣмъ можно купить и чего нельзя? Колпіи съ этнографическихъ предметовъ. Этнографическая кражка. Случай изъ моей ранней юности (черемисскій гигрометръ). Другой случай—съ вотскимъ воршудомъ, въ видѣ деревянного гуся съ желѣзнымъ ворсомъ. Какъ пришлось мнѣ выпутываться изъ этой истории?

Этнографу чрезвычайно трудно обойтись безъ коллекцій. Въ началѣ своей дѣятельности, странствуя налегкѣ, а то и пѣшкомъ, онъ избѣгаетъ стѣснять себя лишнимъ баражомъ. А потомъ интересъ у него разрастается, и незамѣтно является уже прямо потребность пріобрѣсти тотъ или иной предметъ изъ инородческаго обихода, какъ очевидное доказательство, что известное наблюденіе записано совершенно правдиво.

Сначала я принялъ записывать пѣсни, чтобы, путемъ долговременной бесѣды, расположить къ себѣ молодежь. Скоро, въ первое же лѣто, я перешелъ къ изученію быта и вѣрованій въ широкомъ смыслѣ. Тутъ-то и настала для меня пора искушеній. Если хочется пріобрѣсти какой-нибудь сосудъ или часть костюма, все дѣло решаютъ деньги: есть онѣ—купишь, нѣть—подождишь. Но какъ быть съ такими предметами, которыхъ продавать у инородцевъ не принято совсѣмъ, мало того—считается за великій грѣхъ?

Таковы у черемисъ лычныя украшенія, въ видѣ пояса, надѣваемыя на священное дерево во время жертвоприношенія, посулы, подвѣшиваемые въ шалашѣ или подъ крышей, въ знакъ обѣщанія принести жертву, а у вотяковъ—хранимые въ куалахъ воршуды.

Я пытался выбирать средній путь—заказывать колпіи, но ихъ дѣлаютъ не вездѣ и крайне неохотно. Что же оставалось дѣлать? Я отправлялся одинъ-одинешенекъ въ ночной походъ, съ мѣшкомъ подъ пальто, въ который помѣщалъ лыки одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ срѣзаль ихъ съ дерева. Днемъ я тщательно присматривался, въ какомъ порядкѣ расположены въ рощѣ священные деревья, каждое въ честь особаго божества, составляль имъ списокъ, а ночью снималъ украшенія въ определенномъ порядкѣ. Подобнымъ образомъ добыты мною эти лыки, находящіяся въ настоящее время въ Географическомъ обществѣ, въ Казанскомъ миссіонерскомъ институтѣ, въ музеяхъ Ка-

занского археологического общества и въ Будапештскомъ Этнографическомъ музѣ, равно хранящіяся въ моей коллекціи.

Такъ я дѣлалъ всюду, гдѣ случалось посѣщать черемисскія жертвоприношенія. Бezло ли мнѣ особенно, или что другое, только со мной не случилось ни единой непріятности, не было никакой встрѣчи похитителя съ черемисами. Позднѣе, странствуя при лучшихъ условіяхъ въ Уржумскомъ, Яранскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ, я уже былъ хорошо извѣстенъ черемисамъ, путешествовалъ съ паспортомъ отъ главнаго сновидца, если хотите—черемисскаго цары, и этотъ паспортъ открывалъ мнѣ полную возможность все видѣть, обо всемъ выспросить, не встрѣчая отказа. Опираясь на паспортъ, я требовалъ, чтобы мнѣ изготавляли точную коню со всего, что мнѣ казалось нужнымъ.

Но часто я имѣлъ копію и не довольствовался ею: страстно хотѣлось имѣть подлинникъ. Оставалось одно—совершить этнографическую кражу...

Много накопилось на моей душѣ этихъ этнографическихъ грѣховъ, но всего ярче помнится мнѣ мое первое прегрѣшеніе.

Во введеніи я упомянулъ, что еще гимназистомъ свелъ знакомство со жрецомъ Ельмурзой. Преклонный старикъ Ельмурза жилъ постоянно на пчельнике, официально слылъ жрецомъ, но большинство, особенно русскіе, считали его колдуномъ, потому что онъ мастерски предсказывалъ погоду. Къ немуѣздили издалека, и на весь Малмыжский уѣздъ среди черемисъ было только два такихъ предсказателя.

Отъ меня старикъ не таился и прямо говорилъ, что свои предсказанія онъ основываетъ на наблюденіи облаковъ, смотрить, выпала ли роса, обращаетъ вниманіе на поведеніе домашнихъ животныхъ и птицъ, но больше всего довѣряетъ особому прибору, устроенному подъ навѣсомъ на столбѣ. А на столбѣ я ужъ давно замѣтилъ рядъ зарубокъ, довольно аккуратно сдѣланныхъ ножемъ; надъ зарубками вбитъ былъ въ столбъ тонкій, до $1\frac{1}{2}$ вершковъ длины, дубовый колышекъ, съ закругленнымъ концомъ, вокругъ которого шла нарѣзка, и съ расщепомъ у края. Къ этой нарѣзкѣ, на скрученномъ вдвое и продѣтомъ въ расщепъ конскомъ волосѣ, привязанъ былъ, близкій по формѣ къ кубу, кусокъ вязовой гнилушки. Въ сухомъ видѣ гнилушка очень легковѣсна, и сокращающейся отъ сухости кон-

скій волосъ подтягиваетъ ее кверху. Но по мѣрѣ того, какъ влага начинаетъ появляться въ воздухѣ, гнилушка пропитывается сыростью и вытягиваетъ внизъ влажный волосъ. И чѣмъ сильнѣе влажность, тѣмъ тяжелѣе становится гнилушка и тѣмъ ниже она опускается.

Приборъ этотъ Ельмурза устроилъ еще въ молодыхъ сравни-
тельно годахъ, и служилъ онъ ему не одинъ десятокъ лѣтъ. Онъ
помнилъ, что 35 лѣтъ назадъ была столь страшная засуха, что ва-
лежникъ самъ собою загорался въ лѣсу, и выше сдѣланной въ этотъ
годъ зарубки у Ельмурзы не было помѣтокъ. По поводу самой
нижней зарубки, соотвѣтствующей наибольшей степени влаж-
ности, онъ сказалъ мнѣ, что она относится къ году, когда, послѣ
страшно снѣжной зимы, Вятка разлилась до такой степени, что
изъ его пчельника, стоящаго на крутомъ пригоркѣ надъ лугами,
сдѣлался островъ, а въ свою деревню ему приходилось по лѣсу
ѣздить на лодкѣ. Лѣтомъ, около Ильина дня, послѣ сильныхъ
дождей, рѣка вновь поднялась, точно весной, и сгубила все
подкошенное сѣно, а къ осени снова сдѣлалася паводокъ, и рѣка
опять выходила изъ береговъ.

Вотъ на этотъ-то приборъ у гимназиста-этнографа и разго-
рѣлись глаза. Я упросилъ сначала приготовить мнѣ точную копію
нарѣзокъ на столбѣ на особой липовой дощечкѣ. Ельмурза приго-
товилъ мнѣ такой же, какъ у него, кусокъ гнилушки, привязалъ
къ нему совершенно одинаковой длины конскій волосъ и укрѣ-
пилъ послѣдній на дубовомъ колышкѣ, вбитомъ въ доску. Съ
торжествомъ увезъ я домой этотъ приборъ, приколотилъ его
подъ навѣсомъ, но—какъ оказалось—на вѣтру, и онъ началъ
у меня давать странныя показанія, къ великой потѣхѣ отца.

Тогда-то мнѣ и захотѣлось стануть настоящій гигрометръ
Ельмурзы. Просыпалъ я, что онъ заболѣлъ, лежитъ безъ па-
мяти, и его увезли въ деревню, а на пчельникѣ ночуетъ либо
Авдотья, либо второй сынъ. Меня не испугало разстояніе въ
18 verstъ. Я бойко отшагалъ ихъ, пришелъ къ вечеру на пчель-
никѣ, расшаталъ дубовый колышекъ, снялъ приборъ, завернулъ
въ бумагу, уложилъ въ сумку и удралъ обратно.

Уже дорогой, лишь только я переправился черезъ р. Вят-
ку, мнѣ стало совѣстно своего поступка. А ну, какъ да ста-
рикъ выздоровѣть? Зачѣмъ отнять я у него столь дорогой для

него приборъ? Ужъ онъ-ли не любилъ меня, не былъ со мной хорошъ? Можетъ быть, и вернулся бы я, чтобы водворить украшенный приборъ на мѣстѣ, но начиналась ночь, а мнѣ нужно было дойти еще до деревни, находящейся въ 8 верстахъ отъ пчельника.

Ельмурза умеръ черезъ нѣсколько дней, и его похоронили на косогорѣ подъ пчельникомъ.

Этотъ случай не вызвалъ на меня подозрѣнія, что былъ со мной другой, который навелъ на меня великое подозрѣніе у вотяковъ и могъ кончиться совсѣмъ плохо...

Бѣдилъ я по вотякамъ въ 1881 году, въ сопровожденіи любимаго своего ученика *A. П. Батуева*, погибшаго столь трагически въ 1896 г. на посту предсѣдателя вятской губернской земской управы. Пріѣхали мы въ Мултанъ Новый. Давно былъ я наслышанъ, что въ здѣшнемъ родомъ шалашъ есть оригинальный воршудъ, въ видѣ гуся съ желѣзнымъ носомъ и даже желѣзными ладами.

Родовой шалашъ (*куала*) находился во дворѣ самаго богатаго вотяка, который былъ въ то же время хранителемъ священной рощи (*луд утиц*). Я—къ нему. Время было самое непутевое, бездѣльное—Петровки, называемыя у вотяковъ пьянымъ, вѣрнѣе—«пивнымъ временемъ» (*сыр дыры*). Это—періодъ кайфа, періодъ свадебъ и разгула и время наибольшей половой свободы у вотяковъ. На каждомъ шагу можно видѣть умопомрачительныя картины.

Хозяинъ шалаша, достаточно подпившій, сидѣлъ у себя за столомъ и силился побороть дремоту.

— Послушай, Максимъ, нельзя ли посмотреть твой шалашъ?

Онъ вскинуль на меня глазами и грубо отрѣзаль: «Нельзя!»

— Я знаю ваши порядки и согласенъ дать жертву, потому что я чужого для васъ рода, да еще—русскій.

— Давай, давай! Тогда пускай!

Нужно было достать гуся, утку или курицу. Пошелъ я по деревнѣ и у одной молодушки купилъ за 20 коп. курицу, составлявшую часть ея пернатаго приданаго (*инъчы*), да кстати прихватилъ въ питейномъ полушигофѣ водки.

— Вотъ тебѣ, Максимъ, бутылка за труды твои, а курица— жертву воршуду!

Максимъ прибодрился, взялъ въ сѣняхъ котелокъ съ водой, и мы пошли задворками въ огородъ, прямо къ шалашу. Изъ сухой травы и хворосту, наваленного подлѣ, Максимъ устроилъ костеръ, живо закололъ и очистилъ курицу, плеснула малость воды изъ котла, чтобы омыть кровь, а на самомъ дѣлѣ—размазать ее.

— Э-эхъ! Крупа да соль-та надо бы... Коди бабамъ-то, таши суда.

Нашель я въ клѣти Максимову старуху, добылъ крупы и соли и принесъ Максиму въ чашкѣ.

Закипѣль котель, но дождался ли Максимъ, чтобы курица сварилась, не знаю. Онъ что-то скоро вынулъ ее въ чашку, искропшиль и приступилъ къ молитвѣ, смотря въ открытую дверь шалаша.

— Эй, Иньмарѣ, воршудѣ!—началь читать Максимъ.

Какъ только молитва была окончена, я получилъ право войти въ шалашъ и осмотрѣть все, до воршуда включительно. Шалашъ построенъ былъ такимъ образомъ, что противъ обращенной на югъ двери находилась совершенно глухая стѣна, и только слѣва, въ узкой восточной стѣнкѣ, пробито было маленькое воловковое окошечко съ задвижною ставней. На глухой стѣнкѣ, ближе къ окошку, стоялъ на маленькой полѣ берестяный коробъ, напоминающій собою сундучекъ. Сдвинувъ крышку, я нашупалъ тамъ и разглядѣль при слабомъ свѣтѣ: птичью кость, хвостъ рябчика, клочки овечьей и коровьей шерсти. На днѣ лежалъ серебряный гриненичикъ и три мѣдныхъ монеты.

Это было неинтересно. Зато вдолбленный въ стѣну хвостомъ деревянный гусь былъ куда любопытнѣе! Одна бѣда—при немъ не оказалось ногъ, да никогда и не было, по-видимому. Но жѣлѣзный носъ въ полумракѣ куалы прекрасно выдѣлялся.

Попробовалъ я потянуть гуся за шею, чтобы вытащить его изъ долбежа: не тутъ-то было... И пришла мнѣ мысль испросить у Максима разрѣшеніе нарисовать въ книжкѣ воршуда, а на самомъ дѣлѣ—постараться тѣмъ временемъ его расшатать.

Максимъ торжественно возлежалъ теперь около котелка на травѣ: подлѣ него стояла чашка съ наваромъ и кусками курицы, на полу валялся вытащенный изъ ноженъ ножъ, а въ лѣвой рукѣ онъ любовно держалъ полуштофъ и усердно прикладывался

къ нему. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ и охотно далъ мнѣ разрѣшеніе.

Вернулся я въ куалу и началъ раскачивать гуся. Не знаю, сколько потовъ сошло съ меня, пока я почувствовалъ, что гусь понемногу выдвигается изъ стѣны. Присѣль я на чурбанъ отдохнуть и слышу, что къ Максиму пришла жена, которую онъ угощаетъ водкой. Бесѣда ихъ становилась все оживленнѣе, и я безъ малѣйшей помѣхи добылъ гуся. Живо привязалъ я къ нему петлю за шею, укрѣпилъ гуся на себѣ, прикрылъ своимъ пальто и вышелъ.

Супруги еще малость ворочали языками и могли попрощаться со мной.

До земской станціи было рукой подать. Лошади были впряжены, а А. П. Батуевъ уже сидѣлъ въ экипажѣ. Мы живо выѣхали и двѣ станціи проскакали, не вылѣзая изъ экипажа. На третьей станціи, желая дать на водку ямщику, я полѣзъ въ карманъ: пальто распахнулось и гусь торжественно выставилъ свой желѣзный носъ. Кругомъ была толпа полуপьяныхъ вотяковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ по меньшей мѣрѣ. Но все было или пьяно вдрызгъ, или въ той степени похмѣльного одурѣнія отъ кумышки, когда голова еще держится на плечахъ, но мозгъ отказывается работать, а въ упоръ установленные на вѣсѣ глаза ровно ничего не видятъ.

Мнѣ и спутнику моему казалось, что *всѣ видѣли* украденного идола, а новый ямщикъ даже кнутовищемъ потрогалъ желѣзный носъ—и ничего! Однако, мы не ранѣе успокоились, какъ еще черезъ двѣ станціи. Здѣсь только напились мы чаю, а потомъ ѿхали уже совершенно спокойно.

Прошло недѣли двѣ... Я успѣлъ еще побывать у черемисъ и разбирать свои материалы. Петровки кончались. Была суббота, базарный день. Поднялъ я глаза къ окошку и вижу, что къ нашему дому подходятъ три вотяка. «Откуда это?» думаю.

Только въ передней узналъ я мултанскаго Максима, а спутники его были: одинъ—жрецъ (*босжъ*) мултанской рощи, другой—деревенскій староста.

Поздоровались. Усадилъ я ихъ на лавку въ кухнѣ.
— Ну, что скажете? Зачѣмъ пришли?

— За дѣламъ пришли,— говоритъ староста, бойкій съ виду вотякъ.

— Не знай, какъ твоя сказать-то будемъ... Дѣла-то, вишь, совсѣмъ особой,—поясняетъ Максимъ.

— Да что же у васъ въ Мултанѣ случилось?

— Г-мъ, чего? Ты куаламъ-то кодилъ, вѣдь? Наша богъ-то видаль тамъ?

— Это деревяннаго-то гуся? Знамо, видалъ... Такъ что же?

— То-то видаль, воть! А топерь гусь-то иѣту... Тамаша чисто поспѣлъ... ¹⁾.

— Да куда же онъ дѣвался? Долженъ быть на мѣстѣ!

— Ужъ всяко мы думали,—вмѣшался староста,—нѣкуда гусю дѣваться: не иначе, какъ ты взялъ...

«Воть такъ штука!» — думаю. Однако, я овладѣлъ собою и говорю имъ:

— Послушай, староста! Спроси ты воть Максима: онъ тебѣ скажеть, что я безъ его спроса даже нарисовать гуся не смѣлъ. На что онъ мнѣ, если я смѣряль его аршиномъ и нарисовалъ у себя въ книжкѣ? Воть, сами смотрите!

И я показалъ записную книжку.

Въ это время подали самоваръ. Когда я вышелъ распорядиться на счетъ водки, отецъ съ неудовольствiемъ встрѣтилъ меня въ коридорѣ и шепнулъ:

— Ну что, доигрался воть съ твоими кереметями! Смотри, не было бы хуже...

— Ничего, милый батюшка: Богъ милостивъ!—отвѣчалъ я.

Выпили вотяки по рюмочкѣ. Я имъ сразу по второй, а потомъ налилъ чаю. Вышелъ малый перерывъ. Передъ второй чашкой чаю я подалъ вотякамъ еще по рюмкѣ водки. И вдругъ заговорилъ молчавшій до сихъ поръ *босъясъ* (жрецъ).

— Знамо дѣло: не поймалъ тебя, да какъ ты — не воръ... Только воть староста *кенэш* (сходку) дѣлалъ... Мы всякой сторонной человѣкѣ звали и много обѣ тибя калякали. Видишъ: больно ко-роша знашь ты всякой наша порядка, совсѣмъ ровно *босъясъ*. Гдѣ чѣдѣ есть, какъ молиться нада, ты все знашь!.. Тибѣ ничего не будѣтъ: ты — чужой... А намъ воршудъ голова кончать: таланъ

¹⁾ Т. е. „поднялась настоящая тревога“.

наша не будёть, скотина пропадасть... Воть топерь молить воршудъ нада, а гдѣ возьмемъ ювá? Баба да плачить, мы да плачимъ... Э-эхъ, отдань гусь-то, пожалста!..

И не успѣль я раскрыть ротъ, какъ боясь упасть предо мною на колѣни; оба другіе готовились сдѣлать то же самое, но не успѣли.

— Перестаньте,—говорю я. Кабы у меня былъ гусь, отдалъ бы. Вижу я, какъ вы горюете, да помочь нечѣмъ.

— Ой, пособляй, пожалста пособляй намъ!.. Жалѣй наасъ мало-мало!—твердили всѣ вотяки хоромъ, и въ голосѣ ихъ слышались слезы.

— Можетъ, вы совсѣмъ еще напрасно горюете? Вѣдь, въ Петровки, по-вашему—*сыр дыры*, воршудъ гулять ходить изъ шалаша на зелень, на цвѣты. Подождите малость: онъ и вернется!..

— Это вѣрна: ты все знашь, вѣдь. Старики наша раньше тоже эдакъ каликали. Только... сколько разъ раньше воршудъ гулять, все домомъ прикодить, а топерь стѣна-та пусто-ой!.. Кого молить топерь будёмъ? О-ой!..

И боясь, чувствуя приступъ слезъ, порывисто высморкался въ полу армяка.

Вмѣшался Максимъ.

— Ты каликашь: гулять пошелъ гусь! Три года будетъ, ты кодилъ сюмсинской сторона, этотъ самой порѣ. Утромъ ты пріѣкалъ, вечеръ порѣ воршудъ пропалъ... Другой утра ты приходилъ воршудъ смотрѣть, жертва котѣль ставить. Посмотрѣть козянинъ коробкамъ-то, а воршудъ ушелъ... Тотъ порѣ ты баяль тоже: гулять пошелъ воршудъ... Пошелъ-то пошелъ, да вотъ три годъ домой не приходилъ!... Сюмсинской попъ намъ смѣется, говорить: слово ты знашь... чего закотѣль, то и досталъ! Отдань намъ гуся, пожалста! Больно стара да короша богъ-отъ наша: больше два ста лѣть ему поспѣль!

— Не говорите пустяковъ: отдалъ бы, да нѣть у меня! Мало ли что случится? Нельзя все валить на проѣзжаго! Вы вотъ не думаете, что живете не по-старому: въ работѣ стали лѣнивы, молитесь Иньмарю мало, а водки пьете много. Конечно, воршудъ—ваша первая заступа и оборона... Ну, а за водку

да за лѣнь воршудъ васть не похвалить, вѣдь ! Тошно ему стало смотрѣть на васъ, онъ и ушелъ !

Молчать вотяки. Видно, въ точку я попалъ...

— Вотъ вы про меня говорите, что я бога украдъ вашего. Какъ это можно украсть бога ? Онъ самъ уйдеть назадъ, когда захочеть !... Пустяки вы калякаете, совсѣмъ напрасно.

Вотяки вздохнули, выпили еще по чашкѣ чаю да по рюмкѣ на дорогу и мирно ушли домой, попрощавшись со мной.

Но я просто смотрѣть теперь не могъ на злополучнаго гуся— до того меня мучила совѣсть ! Въ ушахъ моихъ долго еще звучали слезныя мольбы вотяковъ...

Это былъ послѣдній воршудъ, похищенный мною лично. Съ тѣхъ порь я поручалъ эту печальную операцию причетникамъ и псаломщикамъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, или учителямъ.

Осенью того же года я передалъ гуся въ музей Казанскаго археологическаго общества.

С. Н. Кузнецовъ.

Алєша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи.

Взаимныя отношенія между народными преданіями финновъ и русскихъ далеко не выяснены. Многочисленные вопросы всѣхъ отраслей народной поэзіи еще остаются открытыми и ждутъ для своего рѣшенія сильныхъ, опытныхъ рукъ. Пока идетъ черная работа въ собираниі материала и систематическомъ приведеніи его въ порядокъ для облегченія будущимъ изслѣдователямъ. При такой работе, для того, кто хоть поверхностно знаетъ финскія народныя преданія, нерѣдко открываются заманчивыя перспективы сближенія, любопытныхъ параллелей съ произведеніями русской народной словесности, но научное рѣшеніе ихъ можетъ только основываться на почвѣ реальныхъ данныхъ, необходимыхъ для серьезныхъ выводовъ. Впрочемъ, точной грани между национальными и иноземными элементами невозможно провести, потому что они слишкомъ сильно сплетались между собою. Кроме того, всегда остается масса и такихъ параллелей, гдѣ обычныя объясненія «ходячими мотивами» кажутся неудовлетворительными: они имѣютъ свое основаніе,—я повторяю это вслѣдъ за другими,—въ общихъ законахъ мышленія, которые не знаютъ историческихъ датъ и географическихъ границъ. Къ послѣдней категоріи я отнесъ-бы мотивъ о чудесной игрѣ Вайнемайцена, мотивъ, который нѣкоторыми изслѣдователями былъ принятъ первоисточникомъ сходнаго эпизода у Садко. Такое-же, по всей вѣроятности, происхожденіе излюбленнаго мотива дѣвушки-кукушки въ пѣсняхъ о несчастной Айно. Олицетвореніе бѣдной дѣвицы-сиротки въ видѣ кукушки, очень естественно объясняемое, встрѣчается у многочисленныхъ народовъ.¹⁾ Поэтическій образъ: Изъ слезъ матери образуется рѣка, тоже извѣстенъ всѣмъ славянамъ, даже литовцамъ и латышамъ (Потебня, Объясненіе и т. д. с. 219).

1) См. статью Забрта въ Саорівъ тиис. кгл. єевк. 1887, 26, 187.

Покойный акад. Веселовский обратилъ на него свое вниманіе въ связи съ дальнѣйшей эволюціей крестнаго дерева и истекающихъ изъ него рѣкъ. Пріуроченная къ этому мотиву деталь, поражающая своимъ буквальнымъ сходствомъ, гдѣ утопленница запрещаетъ братъ воду, ловить рыбу и пр. на мѣстѣ несчастья, потому что вода и всѣ ближайшіе предметы носятъ въ себѣ части ея тѣла, ждеть выясненія переходныхъ ступеней своего предполагаемаго странствованія въ Ингерманландію съ русскаго юга, гдѣ она получила широкое распространеніе¹⁾. Оставляемъ въ сторонѣ дальнѣйшія догадки о другихъ подобныхъ явленіяхъ въ эпической поэзіи.

Пестрый рядъ лирическихъ и разныхъ обрядовыхъ пѣсенъ, причитаній и пр. входитъ въ кругъ, слишкомъ близкій къ индивидуальному складу народной жизни, къ завѣтнымъ преданіямъ народа и ко всему тому, изъ чего создались народныя особенности, и не легко поддается анализу. Ему болѣе поддаются пословицы, эти «изречения народной мудрости», въ которыхъ народная самобытность иной разъ представляется довольно сомнительной. Поддаются историческо-литературному анализу и заговоры. Мы, финны, обязаны, что касается до этого рода «лѣченія», своимъ отличнымъ здоровьемъ германско-католической культурѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что представители этой культуры, благочестивые пастыри и монахи католической церкви и тайные знатоки германской кабаллическо-фаустовой «науки», снабжали насъ разнообразными молитвами и предразсудками и пугали довѣрчивый народъ нелѣпыми рассказами изъ неисчерпаемаго чернокнижія. Плодами той-же культуры и долговременной политической связи со Швеціей являются у насъ стихотворные легенды и историческая пѣсни. Послѣднія нерѣдко воспѣваютъ войны противъ Россіи. Наконецъ, какими путями пришли къ намъ народныя сказки? Тутъ уже сильно даетъ себя чувствовать посредничество русскихъ. Илья Муромецъ, Иванъ Царевичъ, безыменный буйный Поповичъ и пр. дѣйствуютъ въ нихъ, какъ домашніе герои, не говоря уже о томъ, что цѣлые сказочные сюжеты перешли черезъ русскую границу. Конечные

¹⁾ У Потебни 206 и сл. Зап. ю.-з. о. р. г. о. II, 373, Арандаренко, Зап. о Полтав. губ. 188, Смол. вѣн. сб. IV 223—224, Lud V, 66.

географические пункты всегда имѣютъ важное значеніе въ изысканіяхъ переходныхъ ступеней въ странствованіи сюжетовъ. Съ этой точки зреінія финскіе варианты представляютъ интересъ. Своего рѣшенія ждетъ еще вопросъ о томъ, какъ отражаются русскія библейскія сказанія, апокрифи и легенды въ устной традиції финновъ. Мы возвратимся къ эпической поэзіи.

Результатомъ географического изслѣдованія явилось у насъ открытие, что существуетъ извѣстный путь устной передачи, пѣсенная область, по которой эпические и лирические мотивы плывутъ съ юга къ сѣверу, мало-по-малу разрастаясь и объединяясь вокругъ себя разнородныя поэтическія амплификаціи, такъ что, напримѣръ, самая заурядная игорная пѣсня, перешедшая съ эстонскаго юга въ Финляндію, облекается здесь, гдѣ ея происхожденіе неизвѣстно, въ такую фантастическую одежду, что заставила нѣкоторыхъ ученыхъ видѣть въ ней послѣдніе отзовыки богомильской легенды. Это—руна о сотвореніи міра изъ яйца, миѳъ, какъ извѣстно, знакомый уже восточнымъ народамъ. Географический методъ, примѣненіе котораго возможно тамъ, гдѣ имѣются записи, сдѣянныя въ различныя времена изъ каждого прихода, даже селенія, показываетъ нагляднымъ образомъ, какъ происходитъ постепенный ростъ какой-нибудь иѣсни приставленіемъ къ ней сказателемъ стереотипныхъ строфъ и цѣльныхъ выраженій, путемъ заимствованія изъ готоваго пѣсенного зачата или сочиненіемъ новыхъ стиховъ, по смыслу подходящихъ и необходимыхъ по развитому у финновъ закону повторенія мысли. Сочиненіе новыхъ стиховъ принадлежитъ сказателямъ, стоящимъ по своимъ поэтическимъ дарованиямъ выше обычного уровня. Благодаря той-же свободѣ инициативы, возникаютъ, въ особенности на сѣверѣ, стремленія къ цѣльнымъ эпопеямъ, къ извѣстной централизациѣ, которая обнаруживается въ группированіи воспѣваемыхъ эпизодовъ вокругъ главной идеи главного героя. Этимъ примѣромъ и готовыми уже указаніями руководился Лѣннротъ, собиратель Калевалы.

Среди этой пестрой массы эпическихъ и лирическихъ мотивовъ, тянувшихся цѣнью устной передачи съ юга къ сѣверу, записана пѣсня, распространеніе и своеобразное развитіе которой заставляетъ подозрѣвать въ ней чужое происхожденіе. Она не выходить изъ предѣловъ трехъ приходовъ на сѣверномъ

берегу Ладожского озера, ближайшихъ къ русской границѣ. На русской сторонѣ поють ее въ нѣсколькоихъ сосѣднихъ деревняхъ Олонецкой губ. Во время второй половины минувшаго столѣтія она была записана только 10 разъ, и каждая изъ этихъ записей доказываетъ своими измѣненіями и смѣщеніями, что пѣсня больше не въ силахъ сохранить своей индивидуальности. Когда-то была и для нея золотая пора! она нравилась ладожскимъ пѣвцамъ характеромъ своей завязки, необычайнымъ своимъ трагизмомъ. Нѣкоторые ея эпизоды стали особенно любими, давая богатый материалъ для домашнихъ экскурсовъ. Такъ имъ открылся доступъ въ Калевалу и балладная пѣсни средневѣковаго рыцарскаго характера. Но это только частныя черты, а судьба самой пѣсни походитъ на участъ «чужанина», который зашелъ далеко съ родной стороны и теперь чахнетъ въ одиночествѣ, такъ какъ не имѣть никакой связи съ оставленнымъ отечествомъ и не можетъ мириться съ новой обстановкой. Вотъ содержаніе пѣсни, насколько мы можемъ восстановить его по отрывкамъ и противорѣчиямъ¹⁾:

Сидя за водкой и пивомъ пропиваешь славная мать, купчиха Матревна, свою дочь Огой какому-то молодому человѣку съ условиемъ достать красавицу на берегу озера. Придя домой, мать обманомъ посылаетъ ее на берегъ: «Возьми кусокъ мыла и ушатъ, пойди съ ними на берегъ умыться, чтобы твоя голова стала чистой, какъ ленъ, и шея, какъ комъ снѣга. Подожди тамъ своего брата Гавро!» Дѣвица отвѣчаетъ, что братъ узнаетъ ее и безъ того, но все-же идетъ къ озеру. Оттуда она видитъ, что приближается чья-то лодка. Она обращается къ ней съ желаніемъ: «Если ты лодка брата, то прѣѣзжай сюда переднимъ концомъ, а если чужой членокъ, оборачивайся къ пристани заднимъ концомъ!» Наивное желаніе исполняется: членокъ приближается заднимъ концомъ впередъ. Его владѣлецъ-русскій поповичъ Ховатица, Хобеличу или, по инымъ варіантамъ, Руотшу — шведъ. Онъ просить напиться, получаетъ отказъ и — увозить дѣвицу по морю. Она угрожаетъ выбить дно изъ лодки, но успокаин-

1) Варіанты этой и вліявшихъ на нее пѣсенъ перечислены мною въ послѣднемъ выпускѣ гельсингфорского журнала *Finnisch-Ugrische Forschungen* с. 40 и сл.

вается, когда узнаетъ, что молодецъ имѣть достаточно людей для починки лодки. Издали виденъ другой членокъ, и дѣвица, обратившись къ нему съ вышеупомянутымъ желаніемъ, узнаетъ брата. Начинается бой изъ-за дѣвицы и побѣда остается за братомъ; по иѣкоторымъ варіантамъ, онъ просто «выкупаетъ» сестру. Чтобы защищать ее отъ вѣтреной матери, онъ прячетъ ее за девятыю замками. «Гдѣ моя сестра», спрашивается онъ потомъ у матери. Та отвѣчаетъ, что она умерла уже давно. «Иди и покажи гробовую доску!»—«Она уже сгнила.»—«Покажи гнилушки.»—«Онѣ заросли травой. На травѣ выросъ можжевельникъ, огонь сжегъ его и пепель разнесло по вѣтру».—«Надо бы срѣзать тебѣ голову, не будь ты моя мать!» Потомъ начинается вдругъ разсказъ о какомъ-то пирѣ: Поповичъ Ховатица (вар. Гавро) приглашаетъ къ себѣ въ гости людей со всего бѣлага свѣта: изувѣченыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ. Одинъ хвастается хорошимъ конемъ, другой хвалится молодой невѣстой. Одинъ только Гавро тихо сидитъ. «Отчего ты не хвастаешься», спрашиваетъ Ховатица. «Чѣмъ-же мнѣ хвастаться? Одну я только имѣю сестрицу свою, которая сидить за девятыю замками.»—«Ужъ о ней не говори, прекрасно я ее знаю, я, бывало, проводилъ у нея ночи безъ сапогъ, пояса и рукавицъ». Стыдно стало брату Гавро за сестру и стремглавъ онъ спѣшить узнать правду. Обманомъ онъ бросаетъ комомъ снѣга въ окно ея терема. Она говоритъ оттуда, принимая его за поповича: «Не бросай снѣгомъ, а войди смѣло. Буточки, для тебя приготовленыя, простыли. Она выглядываетъ и, къ величайшему своему изумленію, видитъ брата вмѣсто любовника. Ей становится такъ стыдно, что она вѣшается, выбравъ для того наилучшій кушакъ. Нѣсколько позже идетъ поповичъ на свиданіе и, узнавъ о самоубийствѣ дѣвицы (по варіанту—отъ своей лошади), лишаетъ себя жизни такимъ-жѣ образомъ, возлѣ своей возлюбленной. По одному варіанту, онъ бросается на мечъ. Озлобленный братъ, увидѣвъ ихъ мертвыми другъ возлѣ друга, не даетъ имъ соединиться и въ могилѣ: хоронить ихъ по разнымъ сторонамъ рѣки или церкви. Но сильное чувство любви не признаетъ никакихъ препятствій. На могилахъ вырастаетъ по березѣ, коренемъ и верхушкамъ ихъ сплетаются. И хотя братъ срубаетъ деревья, щепки все жъ смѣшиваются.

Нѣть никакой возможности, за неимѣніемъ данныхъ, уяснить, какъ сложилась эта пѣсня, въ какой формѣ ее слышали впервые изъ уст первого ея пѣвца, было-ли уже тогда въ ней совершенено то сплетеніе чужихъ и народно-финскихъ элементовъ, которое, какъ увидимъ, бросается въ глаза, и пѣлась-ли когда-нибудь подобная русская компиляція, которая была-бы готовымъ источникомъ нашей пѣсни. Мы склонны объяснить себѣ происхожденіе пѣсни такъ, что ея разработка совершилась на финской почвѣ при участіи какихъ-либо опытныхъ сказителей, знающихъ русскіе былинные мотивы и, въ то-же время, обычный способъ «мозаичной» работы у финновъ для составленія новыхъ пѣсень. Что нѣкоторыя части этой пѣсни переведены съ русского, нетрудно показать: размѣръ, который, впрочемъ, у финновъ очень строго соблюдается, хромаетъ и детали переданы иногда даже прозой¹⁾. Съ точки зрѣнія «мозаичной» работы важны нѣкоторые эпизоды, которые, какъ увидимъ, несомнѣнно финского происхожденія. Вотъ составные части пѣсни, насколько мы могли уловить ихъ по бѣглому знакомству съ сборниками русскихъ былинъ и другихъ пѣсень:

Въ Орловской губ. Шейномъ записана слѣдующая великорусская пѣсня.²⁾ У вдовы сынъ Василій и дочь Наталья. Сына отдастъ она на службу, а дочь пропила кому-то на винѣ. За нейѣдутъ кареты и всадники, которые взяли ее съ собой и довезли до синяго моря. Тамъ они дали ей лодку и приказали грести не оглядываться. Такъ она каталась по морю два года; на третью году ей встрѣчается братъ, которому она объясняеться, какимъ образомъ попала туда. Сердитый, онъ пріѣзжаетъ домой къ матери и, не отвѣчая на ея вопросъ, когда она спрашиваетъ о причинѣ его гнѣва, говорить ей:

- Осударыня моя матушка! гдѣ сестра да Натальюшка?
- „Сывокъ Васильюшко! Богу душу отдала“.
- Осударыня моя матушка! да были ли дыки, попы,
- Дыки, попы, да добрые люди? —
- „Поповъ не случилось, а людей не дозвалась“.
- Осударыня матушка, поведи на могилушку!
- „Да были грозныя тучи, да лили синіе дожди,
- Синіе дожди да могилушку размыли“.

¹⁾ Сл. варианты пѣсни въ F. U. F.

²⁾ Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ I. № 1249.

Въ этой пѣснѣ мы можемъ прослѣдить слѣдующія параллельныя черты: 1) Мать продаетъ дѣвицу за вино. 2) Ее увоять по морю. 3) Встрѣча съ братомъ. 4) Сердитые вопросы сына къ матери и ея уклончивые отвѣты.

Ta часть, гдѣ говорится объ увозѣ дѣвицы, получила самостоятельную передѣлку, благодаря вліянію со стороны финской общеизвѣстной пѣсни «О выкупѣ дѣвицы» и ея разновидностей. Онѣ поютъ, какъ безыменный «русскій» увозить дѣвшу по морю и какъ она напрасно обращается къ мимо проѣзжающимъ роднымъ, прося избавленія изъ рукъ немилаго. Что такое вліяніе существовало, доказывается тѣмъ, что варианты пѣсни о Ховатицѣ, забывая дѣйствительность, иногда принимаютъ об обороты, выраженія и цѣлые эпизоды изъ названныхъ пѣсенъ. Новой чертой является у насть обманъ матери и привлеченія къ нему детали. Неизвѣстно, откуда взята мысль объ обманѣ; очень вѣроятно, что мы не имѣемъ въ ней самостоятельное изобрѣтеніе, подсказываемое пѣснями «о выкупѣ дѣвшушки» и «Аннѣ», которая пошла на берегъ за водой». Изъ этихъ пѣсенъ взяты стихи, въ которыхъ изображаются ходьба дѣвицы на берегъ, видъ приближающейся лодки, обращеніе къ ней, прїездъ неизвѣстнаго молодца и т. д.³⁾ Съ точки зреінія тѣхъ-же пѣсенъ мы объясняемъ себѣ и то видимое противорѣчіе, что дѣвица, хотя любить поповича и даже до такой степени, что любовь живеть и «за могилой», всетаки угрожаетъ разбить дно лодки и радуется прїезду брата. Послѣ приключений на морѣ, когда дѣвшушка уже выкуплена заботливымъ братомъ, онъ запираетъ ее за девятью замками и требуетъ отчета отъ матери. Подобная мысль, какъ уже выяснилось, свойственна русской пѣснѣ. У насть она получила осо бую обработку, разраслась и обогатилась въ фантазіи. Устранены были попы и дьяконы, какъ чужды уху сказителя. Благодаря измѣненной оболочкѣ, эту подробность радушно приняли «въ Олимпъ», дали приступить къ эпопѣ: мать Lemminkäinen'a спрашиваетъ и получаетъ подобные отвѣты отъ слѣпого пастуха, который силой пѣнія утопилъ ея сына въ потокѣ (Этого мѣста не достаетъ въ Калевалѣ). А запираніе дѣвицы

³⁾ Подробнѣе въ F. U. F. стр. 56—57. Умываніе головы и именно такъ, какъ это у насть выражено, передается стихами свадебныхъ пѣсенъ.

братомъ и начинающаяся здѣсь вторая половина пѣсни на пирѣ хва-
стающейся толпы заставляютъ насъ обратиться къ распростране-
неннымъ русскимъ сказаніямъ: братья хващаются мнимымъ цѣ-
ломудриемъ сестры. Мотивъ этотъ встрѣчается въ былинѣ обѣ
Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Збродовичахъ¹⁾. Приглашеніе
вельможныхъ гостей, угощеніе ихъ въ гостепріимномъ дворцѣ
князя-хозяина и хвастовство пирующихъ—любимое общее мѣсто
русскихъ старинъ. Такимъ-же вступленіемъ начинается упомя-
нутая былина обѣ Алешѣ (Кирѣевскій II с. 64-66, № 1, 3; Он-
чуковъ № 3 и пр.): Во время пира князь Владимиръ²⁾ обращается
къ двумъ братьямъ съ вопросомъ, отчего они сидятъ печальные,
когда другіе хвалятся,—кто богатствомъ, кто конемъ или невѣ-
стой. У нихъ есть сестра, скромная по ихъ словамъ:

Сидить она во высокомъ теремѣ,
Сидить заперта двумя дверями,
Она замкнута тремя ключами.
На добромъ конѣ мимо добрый молодецъ не проѣдетъ.—

На эту чрезмѣрную похвалибу отзыается Алеша Поповичъ:

Я у вашей сестры былъ
Двѣ поченьки ночевалъ,
Два завтрака завтракалъ.

Чтобы провѣрить правду его словъ, онъ просить братьевъ
тотчасъ поѣхать къ терему,бросить комъ снѣга въ окно и под-
слушать, кого она назоветъ. Оскорбленные братья такъ и дѣ-
лаютъ. Принявъ звукъ отъ брошенного снѣга за условный знакъ
Алеши, дѣвица говоритъ:

Не шути шутку Алеша,
Ступай прямо въ теремъ

Шенкурскій вар. с. 67:

Ужъ ты гой еси, Алешинъка Поповичъ младъ!
Безъ тебя у меня кушанья призачерстпули,
Питыща медянны застоялися.

Братья или срубаютъ голову виновницѣ или согласны вы-
дать ее за Алешу, который благородно предлагаетъ жениться
на ней.

1) Славянскіе его варианты указаны въ Р. фил. Вѣст. 1894. 217—223. См. еще Смол. этн. сб. IV 599 и разные сборники былинъ.

2) Орловскій вар. Кир. с. 66 важенъ вами потому, что пиръ былъ въ домѣ Поповича.

Такимъ образомъ старины обѣ Алешѣ выясняютъ въ нашей пѣснѣ: 1) хвастовство пирующихъ, 2) идею о заключеніи сестры, 3) обличеніе «поповича», 4) подробности, какъ братъ хитростью узнаетъ правду. Приглашеніе дальнихъ гостей испытало значительныя измѣненія. Вельможи превратились, вѣроятно, подъ влияніемъ евангельской свадьбы (Мате. XXII: 1—10), въ собранныхъ отовсюду бѣдняковъ. Тѣ стихи, которыми эта мысль выражается, заимствованы изъ одной эпической пѣсни, находящейся такъ-же въ Калевалѣ, изъ пѣсни о пирѣ Раївлѣ (=мѣсто пребываніе солнца, дня). Послѣднее название очень напоминаетъ, какъ уже замѣтилъ покойный Кронъ, о пирѣ Владимира-Солнышка. Если эта догадка вѣрна, то въ нашей пѣснѣ мы имѣемъ любопытное совпаденіе стараго (пѣсня о Раївлѣ) и и нового заимствованія. Похвальба братьевъ и обличеніе поповича поражаютъ почти дословнымъ сходствомъ. Выраженіе «безъ сапогъ, пояса и рукавицъ» принадлежитъ первоначально пѣснамъ обѣ Ильмариненѣ; онъ долженъ по капризу матери своей невѣсты вспахать змѣйное поле въ такомъ легкомъ костюмѣ. Вліяніе названныхъ старинъ не можетъ объяснить мотива о печальному самоубійствѣ дѣвицы. Зато у насъ поется баллада, очень близкая по своей идеѣ къ пѣснѣ о Ховатицѣ. Въ ней дѣвица вѣшается, не желая выйти замужъ за немилаго. Потомъ и онъ лишаєтъ себя жизни возлѣ нея. Мы склонны думать, что образъ перешелъ оттуда: точно также кончаетъ съ собою и поповичъ, который по одному варианту только теперь «На добромъ конѣ мимо... проѣзжаетъ» и узнаетъ отъ коня о кончинѣ любимой дѣвицы.

Равнымъ образомъ погребеніе и поэтическій образъ сплетенія деревьевъ на могилахъ не находятъ себѣ объясненія въ приведенныхъ пѣсняхъ. Можно предполагать, что намъ неизвѣстные варианты Орловской баллады приводятъ къ подобному окончанію, потому что баллада, какъ будто прерываясь, кажется недосказанной: судьба дѣвицы и неизвѣстнаго жениха остается загадкой. Пока отыщутся эти важные варианты, мы должны только напомнить, что подобный «замогильный» мотивъ, общеевропейскій по своему распространенію¹⁾, не чуждъ и русской народ-

¹⁾ Даже у вотяковъ: Изв. О. А. Каз. Уп. XXII, 5, 339.

ной поэзіи; въ Финляндіи его нѣть. Вѣдь, по смерти Дуная Ивановича и его жены Настасьи, на ихъ могилахъ появляются рѣка и деревья (напр. Рыбниковъ II № 12.). Кромѣ того, любовная баллада поетъ (Гильф., № 31, 134, 285) о томъ, какъ матери не нравился бракъ ея сына, и какъ она подсыпала яда въ невѣстинъ кубокъ, результатомъ чего была смерть обоихъ молодыхъ. Невѣста была погребена по одну сторону церкви и женихъ по другую. Деревья выросли на могилахъ, и верушки и корни сплетались, пока мать не уничтожила ихъ.

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о личныхъ именахъ. Имена Гавро (=Гаврілъ) и Огой, Огафью (=Агафья) взяты изъ русского календаря, потому что народъ въ тѣхъ краяхъ православный, но никакого отношенія къ указаннымъ русскимъ пѣснямъ они не имѣютъ. Вѣдь, личные имена всегда въ пѣснѣ, гдѣ они не относятся прямо къ извѣстному былинному герою, очень неустойчивы. Такія типическія женскія имена, какъ Наталья, Настасья и т. д. примѣняются къ любой пѣснѣ, потому что они или любимыя народомъ или удобныя для риомы (напр. млр. Ганна). Въ названіяхъ «жена купца» и Ховатица, (вар. Ховатиница, Хобеличчу, и т. д.) мы, можетъ быть, имѣемъ дальний отзвукъ старины о Хотенѣ Блудовичѣ. Она очень близко подходитъ къ идеѣ нашей пѣсни, говоря о пирѣ двухъ вдовъ, о скромности *Офимы*, дочери «купеческой вдовы», сидящей въ теремѣ, куда не заглядываетъ ни солнце ни вѣтерь. Хотенъ, вар. Хотинка, Хотѣнушка и т. д. пробирается въ запертый теремъ, находитъ дѣвицу безъ пояса, безъ сапогъ и увозить ее, одолѣвъ ея братьевъ. Иногда герою удается легче достать драгоценную добычу (Рыбниковъ, IV. 7): Дѣвица прямо признается, что она молилась Богу уже три года, чтобы сдѣлаться женой Хотена. Эти слова какъ-будто еще тускло отражаются въ отвѣтѣ Огой въ одномъ вариантѣ. Молодецъ идетъ въ избу и проситъ воды, на что дѣвица говоритъ: «Три года я мыла руки, румянилась румянами, блѣлилась блѣлами».

Приведенные параллели не только показываютъ, изъ какихъ многочисленныхъ элементовъ сплеталась баллада о Ховатицѣ, но и даютъ отличный примѣръ обычного сложенія пѣсень у восточно-финского сказителя. Стремление къ извѣстной поэтической цѣльности, и даже къ эпопеѣ, гдѣ это возможно,

не стѣсняется въ выборѣ материала. Для него иной разъ чужіе разбросанные мотивы не менѣе важны, чѣмъ народные образы, детали и отдѣльные стихи, которые сохраняются въ памяти сказителя.

Лучше посчастливилось Ивану Годиновичу. Онъ сталъ извѣстнымъ уже въ началѣ пѣсенной области, такъ что въ Ингерманландіи мы встрѣчаемъ его какъ популярнаго героя въ любовныхъ пѣсняхъ. Оттуда до крайняго сѣвера мы можемъ прослѣдить его судьбы, болѣе или менѣе ясныя, въ зависимости отъ неустойчивой памяти народа. Тамъ, на сѣверѣ, ему дали доступъ въ кругъ своихъ героевъ: онъ состязается съ прочими героями, желающими получить руку красавицы; такимъ образомъ его включаютъ въ циклъ тѣхъ пѣсенъ, которыя составляютъ центръ Калевалы, и сливаютъ его съ типомъ Ильмаринена, смѣшивая обоихъ между собою. Въ слѣдующемъ мы вкратцѣ приведемъ главные моменты распространенія его пѣсенъ, пользуясь при этомъ материаломъ, собраннымъ въ «Исторіи Калевалы» II 321 Крономъ и его готовыми указаніями.

Ингерманландскій варіантъ начинается крещеніемъ дѣвочки, которое, по нашему мнѣнію, имѣть свой прообразъ въ тѣхъ русскихъ духовныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ разсказывается о крещеніи младенца-Иисуса; тѣ-же священники, тѣ-же книги и неудачный выборъ именъ для новорожденнаго «Какое имя мы ей дадимъ?» разговариваютъ между собой невѣстки. «Дадимъ ей имя Паласа—это некрасивое имя. Если мы ее окрестимъ именемъ Ноича—она можетъ быть будетъ глупая (игра аллитерациами), если Настя—то къ смѣху; Екатерина—постоянно будетъходить въ гости». Привезли священниковъ изъ Патицы, наименователей изъ Луски, они открыли книги, разѣстали листы. Книга сама собой назвала имя, голосъ раздался изъ ея переплета. Было то имя. Некко. Долго не пріѣдутъ женихи, «потому что она не умывала голову вечеромъ и не чесалась утромъ». (Слова эти взяты изъ другой пѣсни.) Наконецъ, когда она уже сдѣлалась чистоплотной, вдругъ быстро пріѣхали сани на дворъ и зацѣпились за уголь. Дѣвица побѣжала въ теремъ, запервшись девятью замками. Игнатъ (вар. Иванъ) Койонсса сынь—имя пріѣзжаго —вошелъ огнемъ въ избу, въ залъ дымомъ, сѣль не стѣсняясь на скамеечку, немедленно за столъ. Принесли ему сладкій медъ,

а онъ отвѣтилъ: «Не хочу я меда, пока не увижу дѣвицы, и не услышу ея голоса». Мать говорить, что она въ теремѣ. Молодецъ идетъ туда за ней, открываетъ двери кулакомъ и пятой, разбивъ такимъ образомъ замки. Взялъ онъ дѣвицу за бусы и бросилъ ее въ сани. Бѣдная дѣвица жалуется: «Скорѣе была бы я во рту у воющаго волка, въ медвѣжьей пасти, чѣмъ въ саняхъ грубаго Койонена». По ладожскому варианту она, увидѣвъ у дороги заяччи, волччи и медвѣжчи (у западныхъ эстовъ: львинные) слѣды, говоритъ, что лучше-бѣй быть на слѣдахъ пробѣжавшихъ звѣрей, чѣмъ въ саняхъ. К. отвѣчаетъ: «Какъ только пріѣдемъ къ рѣкѣ Тора, тамъ перестанемъ ссориться». Пріѣхали туда и начали «измѣрять мечи (аллегорическое выражение боя, поединка): чей мечъ подлиннѣе, тотъ отважнѣе другого. Оказалось, что мечъ дѣвицы длиннѣе. Молодецъ съ досады срубилъ ей голову и послалъ части ея тѣла тещѣ, которая съѣдала «гостинцы», ничего не подозрѣвая.

Тамъ-же на югѣ пѣсенной области Иванъ К. уже вступаетъ въ циклъ пѣсень о сватаніи соперниковъ (I. с. 288). Онъ запрягаетъ огненнаго коня въ огненные сани. Огонь пылалъ изо рта лошади, жиръ текъ изъ конца постромки и на дугѣ кипѣла кровь. Пріѣзжаетъ онъ къ дѣвицѣ, а ея отецъ задаетъ ему довольно трудныя задачи: сдѣлать узель изъ яйца, свить веревку изъ мякины, зажечь избушку и самому сидѣть на застрѣхѣ крыши. Все исполнилъ молодецъ и получилъ дѣвицу. Но когда онъ по дорогѣ домой задалъ ей не менѣе трудныя задачи и она не могла ихъ исполнить, то онъ убилъ ее. Чѣмъ болѣе къ сѣверу, тѣмъ разнообразнѣе становятся задачи жениху. Такъ, благодаря вліянію сказокъ и другихъ сказаний, являются щука изъ Йорданіи¹⁾, змѣйные поля и т. д. Начиная съ финской Карелии, Ильмариненъ уже замѣняетъ Ивана К. Сѣверъ и съ нимъ Калевала знаютъ только первого въ роли жениха, но иногда сохраняютъ, какъ далекій отзвукъ южнаго происхожденія мотива, название родины молодца: Койо (I. с. 333).

Не только по сходству личныхъ именъ, но и по главному содержанію приведенныхъ вариантовъ, въ нихъ нетрудно узнать передѣлку старинъ обѣ Иванѣ Годиновичѣ. По Шенкурскому

1) Ср. известную Йорданскую щуку въ русскихъ заговорахъ.

вар. (у Кир. III. с.9) Иванъ Г. желаетъ себѣ въ жены краси-
вую Авдотью, дочь черниговскаго царя. Владимиръ удерживаетъ
его тѣмъ, что она «хотя красивая, но умомъ слаба». Такія слова
князя кажутся ему оскорбительными:

Показалося Иванушку за досадушку,
и онъ выходить ни съ кѣмъ не прощаюсь.

Онъ двери отпираетъ широко, пѣ-пяту,
Онъ двери запираетъ крѣпко на крѣпко:
Дубовые ободверизы побоялись.

Доставъ жеребца и доспѣхи, онъ быстро поѣхалъ. По вар.
стр. 20, его поѣздка происходитъ нѣсколько иначе: Когда онъ
ѣдетъ съ княжеской силой, по дорогѣ на молодомъ снѣгѣ видны
три слѣда звѣринные: тура, лютаго звѣря и дикаго вепря. Дру-
жина разѣхалась по слѣдамъ. Еще ближе къ финской передѣлѣ
вар. Гильфердинга 188, 179; II 678, 643. Дружина находить
слѣды по ухищреніи дѣвицы.

Съ такой-же быстротой Иванъ прїѣхалъ въ Черниговъ:

Онъ поставилъ коня не привязавши,
Походилъ И. на крылечушко,
Со крылечушки во новы сѣни и т. д.
Онъ двери отпиралъ широко-на пяту и т. д.

На его привѣтъ царь спрашиваетъ, прїѣхалъ-ли онъ по
старому (По Гильф. его просить єсть). Онъ объясняеть, за-
чѣмъ онъ прїѣхалъ, и узнаеть, что дѣвица уже засватана. Бы-
стро идеть онъ въ теремъ за ней, береть ее «за руку за бѣлую»
и увозить ее, отказавшись отъ хлѣба-соли, предложенныхъ ца-
ремъ. Ночью застаетъ ихъ настоящій женихъ, который съ по-
мощью дѣвицы («Изымала Ивана Годиновича за ноги») осилилъ
Ивана. Не долго продлилось счастье побѣдителя: его убиваетъ
стрѣла, и Ивана отвязываютъ съ дуба дружиинники, прїѣхавшие
съ охоты на это мѣсто. По другой редакціи онъ освобождается
такъ, что сабля, которой дѣвица хочетъ срубить ему голову, даетъ
промахъ и перестѣкаетъ привязывающую веревку. Теперь его
очередь «учить» жену: онъ отсѣкъ ей руки, ноги, голову, потому
что они служили царю невѣрному.

Изъ многихъ параллельныхъ черть, отличающихся болѣе или
менѣе яснымъ сходствомъ, быстрая єзда сердитаго героя пере-

дана съ народной окраской: сани зацѣпляются за уголь ¹⁾. Этотъ образъ взять по замѣчанію Крона изъ символической пѣсни о «пѣсенныхъ саняхъ». Подобныя соотвѣтствія онъ нашелъ и для другихъ деталей. Жесткое обращеніе пріѣзжаго, отвѣтъ на предложеніе поѣсть и нахожденіе дѣвицы за девятью замками, все это, хотя основывается на русскомъ оригиналѣ, пересказано выраженіями и словами изъ подходящихъ пѣсенъ. Конецъ сильно измѣнился послѣ того, какъ звѣриные слѣды получили другое назначеніе: на нихъ дѣвица готова промѣнять свое бѣдственное положеніе, какъ невѣсты немилаго человѣка. Такъ помутилось ихъ первоначальное значеніе, когда «княжеская сила» и звѣриная охота забылись, какъ слишкомъ далекіе для народныхъ интересовъ элементы. Точно такъ-же исчезъ изъ памяти соперникъ, царь Идолище, какъ второстепенное дѣйствующее лицо, и остался только странный образъ какого-то боя-состязанія между молодыми. Состязаніе и его результатъ, что дѣвица оказалась сильнѣе и красивѣе Ивана К., являются неудачнымъ вымысломъ, которымъ хотѣли покрыть значительный пробѣлъ, такъ что не только участіе дѣвицы въ борьбѣ двухъ соперниковъ и ея намѣреніе убить привязаннаго Ивана Годиновича, но и бой Ивана съ Идолищемъ отражаются на этомъ образѣ. Его туманность обнаруживается еще въ томъ, что предметъ состязанія варируется, начиная съ красоты и отваги и кончая въ вост. Карелии простымъ мщеніемъ со стороны молодца за оскорбительныя выраженія дѣвицы, которая во время поѣздки, увидя звѣриные слѣды, говорить, что лицо зайца (волка, медвѣдя); красивѣе, чѣмъ у Койонена. Эта неясная картина испорчена каннибалистическимъ окончаніемъ, происхожденіе котораго остается загадкой. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны сходные русские мотивы.

В. Мансиника

Вѣна.

¹⁾ Сл. слѣды на снѣгѣ, стѣдовательно и по русскому оригиналу время зимнее.

Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ святыхъ.

Въ исторіи вѣрованій одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ ложныхъ взглядовъ—тотъ, что при смѣнѣ религій безслѣдно исчезаютъ старыя понятія, замѣняясь новыми идеями. Это заблужденіе особенно часто проявляется тогда, когда дѣло идетъ о распространеніи средневѣковыхъ церковныхъ понятій¹⁾ среди язычниковъ. Въ дѣйствительности эти понятія распространялись очень медленно; они сливались со старымъ міровоззрѣніемъ, заставляли воображеніе работать въ новомъ направлениі, но безсильно были измѣнить основной характеръ этого міровоззрѣнія. Церковныя сказанія давали материалъ для новыхъ образовъ, но эти образы носили миѳическую окраску, свойственную старой религії. Такимъ образомъ, воображеніе строило изъ новыхъ материаловъ зданіе старого типа.

Къ числу культовъ, перенесенныхъ изъ Византіи къ славянамъ, относится иконопочитаніе. Извѣстенъ церковный взглядъ на иконы. Но возврѣнія, которыми проникнуты нѣкоторыя славянскія легенды, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Авторы этихъ легендъ видятъ въ иконахъ не простое изображеніе святыхъ, но предметы, обладающіе сверхъестественными силами и способностями. Икона покровительствуетъ своему владѣльцу или, по крайней мѣрѣ, тому человѣку, который ее чтить, и наоборотъ, наказываетъ его врага за его невѣріе и безчестные поступки.

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду охарактеризовать

1) Ради точности я употребляю этотъ терминъ, а не „христіанство“, такъ какъ между первоначальнымъ христіанствомъ и средневѣковыми церквами слишкомъ мало было общаго.

двѣ легенды, древне русскую и болгарскую, обнаруживающія приблизительно одинъ и тотъ же взглядъ на иконы.

Древне-русская легенда, «Чудо св. Николы о половчинѣ», помѣщается въ описаніи житія и чудесъ Николая Чудотворца. Привожу ее въ переводѣ на современный языкъ, съ небольшими выпусками, которые обозначаю точками ²⁾.

Въ городѣ Киевѣ жилъ одинъ благочестивый и образованный человѣкъ, имѣвши великую вѣру и любовь къ св. Николѣ. Не знаемъ, почему—у него сидѣть въ оковахъ цѣлый годъ половчинъ. Однажды его господинъ сказалъ ему: Сколько времени ты намѣренъ сидѣть у меня? дай мнѣ выкупъ за себя, и я отпущу тебя на родину. Онъ ему отвѣтъ: Если бы ты меня отпустилъ, я бы принесъ тебѣ выкупъ; но если ты меня будешь держать, то мнѣ нечего будетъ дать. Господинъ сказалъ ему: Если бы ты далъ за себя поруку, я бы отпустилъ тебя. Тотъ ему возразилъ: Ты знаешь, что въ Руси некому за меня поручиться. Господинъ его сказалъ ему: Хочешь, я дамъ тебя на поруки св. Николѣ? Онъ на это отвѣтилъ: Я его не знаю. Господинъ повелъ его въ церковь, показалъ ему икону св. Николы и сказалъ: Хочешь, я дамъ тебя на поруки вотъ этому? Половчинъ радостно отвѣтилъ: Хочу и обѣщаюсь исполнить всѣ твои требованія. Онъ думалъ, что въ Руси (христіанская вѣра и молитва святымъ) не имѣютъ никакого значенія...

Чудо св. Николы о половчинѣ, происшедшее въ городѣ Киевѣ.

Господинъ отпустилъ пѣнника, далъ ему хорошую одежду, снабдилъ его конемъ и оружiemъ и сказалъ ему: Смотри, не

²⁾ Переводъ сдѣланъ съ рукописи XVI в., пожертвованной мною въ московскій Историческій музей. Другая рукопись, также XVI в., издана въ 1878 г. Общ. Люб. Др. Письм. „Житіе Николая Чудотворца“. Спб. Чудо о половчинѣ помѣщается здѣсь на листахъ 182 об.—192 об. Листы перепутаны: страница на оборотѣ 186 листа должна слѣдоватъ за первой стр. 188 листа. Сравнивая вту рукопись съ рук. Ист. музея, видно, что вѣкоторыя древнія фразы здѣсь выпущены, другія—искажены вставками. Характерное мѣсто съ названіемъ „русскаго Бога“ здѣсь (л. 186 об.) читается такъ: „Видѣвъ явленіе первое и второе, не убоися. Мы бо иахомъ, яко самъ рече: кому мя даси на поруцѣ? Не безъ ума данъ еси Богови рускому“. Онъ же рече:—Не самому Богу, но святю Николѣ.—Они же рекоша: „То—кому, аще не Богу? Не вси ли, велики есть Богъ рускыи и дивна чудеса творить, не токмо самъ, но и святыми его“. Слова, измѣненные въ рук., изд. О. Л. Д. П., я ставлю въ скобки.

соги тому, передъ которыемъ ты дасть свое обѣщаніе. Будь тебѣ известно, что если ты солжешь, то тебѣ не убѣжать никаку отъ руки сильнаго, который поручился за тебя. Онъ отвѣтилъ: Все исполню, что тебѣ сказалъ. Но на сердцѣ у него была злая мысль: Глупый человѣкъ этотъ русскій! Что можетъ сдѣлать этотъ образъ какого-то Николы? Теперь я вижу его въ церкви; только бы мнѣ выйти изъ города—а тамъ ужъ больше ни я не увижу его, ни онъ меня. Выкупа я не принесу; я не боюсь того, кому былъ данъ на поруки изъ оковъ. Съ такими мыслями (окаянныи) уѣхалъ въ свою землю. И другие половцы говорили, что онъ былъ отпущенъ по глупости; не зная Божьей силы и чудесъ св. Николы, эти безумныи животныи, гордые суетнымъ богатствомъ, совѣтовали ему не бояться его поручителя, считая все это за шутки. И самъ онъ, безумный, не позаботился объ этомъ.

По прошествии нѣкотораго времени явился къ нему вѣрный и скорый защитникъ христіанъ, святитель Никола, и сказалъ ему: Знаешь ли ты меня? Половчинъ ему отвѣчалъ: Нѣть, не знаю, кто ты такой. (Онъ ему сказалъ: я—архіерей, старѣйшина Христа и священный слуга, святой Никола.) Я поручился за то, что ты принесешь выкупъ. Что жъ ты медлишь? (Иди) въ Русь и даи за себя выкупъ, а то тебѣ будетъ худо. Съ этими словами, онъ исчезъ.

Половчинъ удивился видѣнію, но потомъ, думая, что это—пустяки, совсѣмъ объ этомъ забылъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда онъ осѣдалъ коня и выѣхалъ въ поле, св. Никола явился ему вновь. Онъ сдернулъ половчина съ коня, такъ что тотъ весь задрожалъ, и сказалъ ему: Не говорилъ ли я, чтобы ты отправился въ Русь и дасть за себя выкупъ? А ты забылъ мои слова. Если опять забудешь, то увидишь, что тебѣ будетъ отъ меня! Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ (свой) домъ. Боясь другого явленія, онъ рѣшилъ послать выкупъ. Но такъ какъ онъ много пилъ и жилъ по-скотски, то забылъ о второмъ явленіи святого; онъ думалъ, что все кончилось и ничего съ нимъ не будетъ...

Вскорѣ послѣ этого происходило собраніе князей и знатыхъ людей. Собравшись много народа; туда же пріѣхалъ и тотъ половчинъ съ дружиною. Когда онъ подѣхалъ и остановилъ коня, неридимая сила сбросила его съ коня и стала его трепать. Всѣ

съ удивлениемъ смотрѣли на него... Странно было, братья, смотрѣть на его мученіе: то вытягивалась вверхъ его голова, то его подымало съ земли и было о землю, то онъ свивался въ кольцо, и невидимая Божья сила била его словно палками. Стоявшие возлѣ него разбѣжались, а онъ лежалъ какъ трупъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, о происшествіи съ нимъ рассказали его роднымъ; они пріѣхали и взяли его еле живого. Долго онъ лежалъ больной; наконецъ, онъ поправился, такъ что могъ уже ъѣсть. Онъ рассказалъ своимъ роднымъ по порядку объ явленіяхъ св. Николы и о наказаніи, которому онъ подвергся. Рондые его, ничего раньше не знавшіе, услышавши о случившихся съ нимъ происшествіяхъ, съ досадой сказали: Что ты за глупый человѣкъ! Какъ ты, увидѣвши два явленія, не испугался? (Не напрасно ты бытъ данъ на поруки русскому Богу: дивныя чудеса творить русскій Богъ—не только самъ, но и черезъ своихъ святыхъ...) ¹⁾

Половинъ тотчасъ же велѣлъ рабамъ приготовиться въ путь и отдѣлить часть стада для выкупа св. Николь. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, онъ поѣхалъ не въ домъ своего прежн资料的 хозяина, а къ церкви св. Николы, гдѣ онъ бытъ данъ на поруки. Издалека еще онъ слѣзъ съ коня и пѣшій подошелъ къ церкви, гоня предъ собою стадо. Не мучь меня, господинъ мой, сказали онъ: я тебѣ соглагъ, но вотъ весь обѣщанный мною выкупъ, а это—даръ тебѣ, чтобы ты на меня не сердился...

Потомъ онъ отправился къ своему хозяину и рассказалъ ему обо всемъ по порядку... Хозяинъ созвалъ друзей и сосѣдей и сказалъ имъ: Радуйтесь за меня: дивную милостьоказалъ мнѣ, убогому, Христовъ архіерей Никола!..

(Онъ рассказалъ и мнѣ обо всемъ, что случилось съ половчиномъ).

Этотъ благочестивый человѣкъ устроилъ въ честь св. Николы праздникъ—всенощное стояніе и пѣніе. Онъ пригласилъ на обѣдъ священниковъ и монаховъ и надѣлилъ милостынею нищихъ.

А мы, братья, узнавши о чудѣ этого святого въ Русской землѣ, постараемся угодить Богу, за то что Онъ не пренебрегъ

¹⁾ Это мѣсто въ изд. О. Л. Д. П. искажено вставками.

людьми, вновь познавшими его... (Неисчислимы Его чудеса: ихъ невозможно ни словами разсказать, ни описать въ книгѣ.)

Историческая основа легенды не подвержена сомнѣнію. Въ легендѣ довольно ярко обрисованы отношенія между киевлянами и половцами; хорошо охарактеризована роль церкви, какъ посредницы между хозяиномъ и его плѣнникомъ: половчинъ, отдавая выкупъ, вносить даръ въ церковь св. Николы.

О раннемъ составленіи легенды (XI—XII в.) говоритъ то, что русскіе называются въ ней «людьми вновь познавшими» Бога. По понятіямъ автора легенды, икона святого заключаетъ въ себѣ самый духъ его. Св. Николай является мстителемъ за неисполненное обѣщаніе; половчишъ отданъ на поруки иконѣ—и его хозяинъ спокоенъ за обѣщанный ему выкупъ: «Тебѣ не уѣхать никуда отъ руки сильнаго, который поручился за тебя».

Убѣжденіе въ томъ, что духъ святыхъ живеть въ ихъ иконахъ, отражается въ слѣдующей болгарской легендѣ, записанной въ наше время.

«Купилъ одинъ селякъ двѣ иконы, Богородицы и св. Николы, и стасть жечъ предъ ними, за неимѣніемъ свѣтъ, лучину, чтобы найти въ нихъ заступничество отъ разбойниковъ. Случилось ему разъ уйти съ женой въ гости. Жена говорить, что домъ нужно запереть, но селякъ ограничился тѣмъ, что зажегъ предъ иконами лучину и поручилъ имъ хранить домъ. Пришли супруги изъ гостей и видяты, что домъ ограбленъ. Напустился селякъ на икону Богородицы съ бранью и ужъ приготовился бить ее, но за Богородицу вступилась жена: «Нѣвиновата она»,—говорить баба:—«видиши—у ней ребенокъ на рукахъ; можетъ быть, она его убаюкивала; можетъ быть—выносила на дворъ,—оттого и не видала разбойниковъ». Селякъ призадумался: «Можетъ быть, такъ и было,—у Богородицы было дѣло; ну, а старый что дѣлалъ? почему онъ не видалъ? Онъ старъ; ему нужно было бы не спать, а караулить домъ». Слушай, старику»,—обратился селякъ къ Николаю:—«сегодня я тебя не стану бить; но вотъ тебѣ мой наказъ: этой же ночью разыскать покражу; иначе я тебѣ влѣплю триста палокъ». Видитъ Никола, что селякъ разсердился, пошелъ къ вору, который обокрали домъ, явился ему во снѣ съ огромнымъ пожомъ и пригрозилъ разсѣчь на части, если онъ не воротить

украденного. Воръ проснулся въ испугѣ, собрать покражу и отнести обратно»¹⁾.

Въ этой легендаѣ прежде всего интересно воззрѣніе на иконы, аналогичное съ римскимъ представлениемъ о пепатахъ: иконы являются хранителями дома и имущества. Древне - русская легенда отличается отъ болгарской лишь тѣмъ, что говорить объ иконѣ, находящейся не въ домѣ, а въ церкви, хотя и въ той, и въ другой легендаѣ св. Николай является защитникомъ имущества. Такимъ образомъ, болгарская легенда носить домашній характеръ, тогда какъ русская—общественный: въ первой святые являются защитниками одной семьи, тогда какъ во второй—Никола является «вѣрнымъ и скорымъ защитникомъ христіанъ», посланникомъ «русскаго Бога».

Какъ записанная у простонародья, болгарская легенда отличается грубостью воззрѣній, которой нѣтъ въ русской. Эта грубость напоминаетъ отношеніе примитивнаго человѣка къ его фетишамъ. «Въ Китаѣ простой народъ, не получивъ отъ своего идола просимаго, бранить и бѣть его; его обвязываютъ веревками, срываютъ все, что на немъ находится, и волочатъ по улицамъ, по грязи и навознымъ кучамъ. Если послѣ этого молившися получать желаемое, они извиняются передъ поруганнымъ идоломъ и просятъ его забыть нанесенную обиду»¹⁾.

Не имѣя грубости болгарской легенды, русская — тѣмъ не менѣе отражаетъ въ себѣ воззрѣніе на икону, какъ на фетишъ, такъ какъ фетишизмъ, какъ извѣстно, есть вѣрованіе въ сверхъестественные силы и способности даннаго предмета или животнаго; въ фетишѣ примитивный человѣкъ видитъ силу, содѣйствующую ему въ его предпріятіяхъ и охраняющую его выгоды; если предпріятіе окончится успѣшно, онъ приносить ей жертву, празднуя свою удачу. То же мы видимъ и въ легендаѣ: кіевлянинъ, получивши выкупъ, устраиваетъ въ честь св. Николы праздникъ, приглашаетъ на обѣдь священниковъ и монаховъ и наѣляетъ нищихъ милостынею.

Итакъ, обѣ легенды отражаютъ одно и то же воззрѣніе на иконы, весьма сходное съ воззрѣніемъ примитивнаго человѣка:

¹⁾ Легенда приведена у И. Н. Смирнова: Очеркъ культурной истории южныхъ славянъ, вып. III, 478—9.

¹⁾ Н. Харузинъ, Этнографія, лекція. IV, 176.

на фетишъ. Если болгарская легенда сохранила до настоящаго времени такое древнее воззрение, то нѣть ничего удивительного въ томъ, что областной языкъ хранить название «боги» для обозначенія иконъ. Этимъ терминомъ иконы называются, какъ на крайнемъ сѣверѣ Славянщины, въ Архангельской губерніи, такъ и у южныхъ славянъ, въ с. Италии, гдѣ записанъ разсказъ о томъ, что одинъ калелантъ продавалъ бого въ («*bogè prodâju*»)¹⁾, т.-е. иконы. Название «боги» для обозначенія иконъ могло произойти слѣдующимъ образомъ: очевидно, въ языческую пору «богами» называли идоловъ, а при распространеніи церковныхъ представлений этотъ терминъ сталъ прилагаться къ обозначенію иконъ¹⁾.

А. Марковъ.

1) Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. 78. *Бодуэн-де-Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии*, стр. 153, № 843.

1) Употребленіе слова „богъ, боги“, въ смыслѣ „икона, иконы“ отмѣчено словаремъ *Даль*, словаремъ Олонецкаго нарѣчія *Куликовскаго* и словаремъ Архангельскаго нарѣчія *Подвымсоцкая*. Приводится слѣд. выраженія: „боги ходять“, (иконы несутъ), „только съ богами своими и знается“, „бога снять“ (икону). Въ записанномъ мною духовномъ стихѣ Михайло Архангель говоритъ грѣшникамъ:

„Вы во Божью-то церковь-то ве ходили,
Ужъ вы намъ-то, богамъ, да не помились“.

Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе.

Цалкой именуется нагорная равнина, расположенная между Тріалетскими и Мокрыми горами, въ районѣ трехъ уѣздовъ—Тифлисского, Борчалинского и Ахалкалакского. Рѣка Храмъ, протекающая по этой равнинѣ, и дѣлить ее на двѣ части: сѣверную и южную.

Цалкинская равнина примыкаетъ къ Джавахетіи и Верхней Карталиніи. Въ XI—XII вв. здѣсь шла мирная работа, воздвигались церкви и монастыри, процвѣтала образованность и культурная жизнь. Памятники искусства, сохранившіеся въ большомъ количествѣ, свидѣтельствуютъ, что Цалка въ это время была плотно заселена грузинскимъ народомъ, оставившимъ надписи на храмахъ церковнымъ алфавитомъ хуцури. Но начиная съ XIII в., съ эпохи нашествія монголовъ, край этотъ пришелъ въ упадокъ. Запустѣніе Цалки особенно усилилось въ XVII в., въ періодъ политического ослабленія Грузіи подъ ударами персовъ и турокъ, лезгинъ и прочихъ кавказскихъ горцевъ. Часть верхней Грузіи (Ахалцыхскій и Ахалкалакскій уѣзды) была оторвана Турцией и переведена въ исламъ, частью въ католицізмъ. Цалка, лишенная защиты изъ центральной Грузіи, подверглась вторженіямъ турокъ и лезгинъ: уничтожались поселенія, подвергались мученической смерти жители, или уводились они въ плѣнъ и обращались въ магометанство. Горсть уцѣлѣвшихъ жителей этой беззащитной части грузинского царства бросила свои родныя поля и переселилась въ Кизикію, щынѣшній Сигнахскій уѣздъ.

Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія Цалкинская равнина представляла пустынную мѣстность съ остатками деревень и развалинами храмовъ. Въ началѣ XIX в. главнокомандующій на Кавказѣ генералъ Паскевичъ по присоединеніи къ Россіи въ 1829 г. Ахалцыхской провинціи, озабочился объ оживленіи Цалкинской

равинны, непосредственно связанной съ этой отторгнутой отъ Турции провинціей. По иѣкоторымъ политическимъ соображеніямъ, имъ были вызваны изъ Турции армяне и греки и поселены въ Джавахетіи и на Цалкѣ. Переселеніе турецкихъ христіанъ въ предѣлахъ верхней Грузіи относится къ 1830 г. Съ тѣхъ поръ и проживаютъ греки на Цалкѣ и число ихъ въ настоящее время доходитъ до 25000 душъ. Впослѣдствіи для поднятія здѣсь культуры были поселены иѣмцы, по ихъ колоніи не имѣли того благодѣтельного вліянія, на которое разсчитывали кавказскія власти. Въ особенности поражаетъ разница въ благосостояніи иѣмцевъ и цалкинскихъ грековъ, бѣдныхъ и певѣжественныхъ поселянъ нагорной равинны. Занимая очень высокія мѣста (до 5000 фут. надъ уровнемъ моря), лишенная лѣса и подвергающаяся частымъ дождямъ, Цалка не обезпечиваетъ жителямъ награды за потраченный трудъ земледѣльца. По словамъ грековъ, почва на Цалкѣ «гнилая», хлѣбные злаки рѣдко дозрѣваютъ; питаются они ячменнымъ хлѣбомъ; одинъ картофель даетъ хороший урожай и служить важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Экономическому упадку цалкинцевъ способствуетъ еще то обстоятельство, что греки менѣе обезпечены, чѣмъ иѣмцы, въ колоніяхъ Александерстильфъ и Якубли, которые процвѣтаютъ не только благодаря своей энергіи и культурности, но и соответствующимъ ихъ силамъ повышеннымъ размѣрамъ земли (до 30—35 дес. на душу). Переселившіеся изъ Трапезундскаго вилайета цалкинцы-греки не освоились съ характеромъ и климатическими особенностями новой отчизны, въ противоположность иѣмцамъ, которые вѣрно поняли, что Цалка не туть углокъ, где можетъ быть насаждаема земледѣльческая культура, а предназначена лишь для скотоводства. Жалкое и унылое впечатлѣніе производятъ селенія цалкинскихъ грековъ, огражденныя стѣною изъ кизяковъ, которые зимою служатъ единственнымъ топливомъ. Еще печальнѣе видѣть жилица грека, пріотившагося въ грязной и сырой землянкѣ, безъ достаточнаго свѣта и вентиляціи. Рядомъ съ греческими поселеніями селенія армянъ смотрятъ зажиточнѣе и благоустроеннѣе. Цалкинскіе греки живутъ въ 28 селеніяхъ, изъ которыхъ одни сохранили грузинскія названія

¹⁾ Авранло 124 дыма (т-е. дома), Ердиклиса 115 д., Джинисъ 86 д., Кумбатъ 78 д., Оланцъ 73д., Тарсонъ 180., Реха 120 д., Хандо 40 д., Башковъ 108 д., Ка-

(напр. Реха), другія носятъ, рѣдко, греческія (Имера), чаще же турецкія названія. Во многихъ изъ нихъ имются старинные храмы съ грузинскими надписями (Кярекъ, Едиклиса, Бешташенъ и др.), подобно тому какъ это видимъ въ татарскихъ и армянскихъ селеніяхъ. Изъ 28 селеній, населенныхъ греками, только четыре деревни говорятъ на родномъ языке, остальные объясняются на татарскомъ языке, на которомъ говорятъ только армяне и грузины, живущіе на Цалкѣ ²⁾). Греки и гречанки одѣваются, слѣдуя татарской модѣ, поютъ татарскія пѣсни, и скучная ихъ пища—татарской кухни (пилавъ, чихиртма). Въ церкви православный священникъ, всюду пользующійся большімъ уваженіемъ богомольныхъ грековъ, произносить проповѣдь на татарскомъ языке; евангелие, писанное и напечатанное греческими буквами, но на татарскомъ языке, можно встрѣтить тамъ и сямъ. Даже типъ ихъ подвергся большому измѣненію и немногимъ напоминаетъ древніаго эллина-красавца *kalos-kagathos*.

Цалкинскіе греки отстали отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и въ экономическомъ и духовномъ развитіи. Образованныхъ грековъ-цалкинцевъ знаютъ на перечеть. Новое движение ихъ почти не коснулось, хотя и къ намъ приходили, какъ они говорятъ, зробщики, «проповѣдники» единія (отъ груз. слова ეրთօբա). Мракъ невѣжества и суровая бѣднота окружаютъ цалкинскихъ грековъ попрежнему. Эта отсталость цалкинцевъ, скромныхъ и набожныхъ поселянъ, свято чтущихъ всѣ догматы и обряды православной церкви, вплоть до храненія поста по средамъ и пятницамъ, объясняется тяжелыми экономическими условіями въ связи съ общимъ состояніемъ ихъ культурнаго развитія.

Школьъ на Цалкѣ очень мало и тѣ не на высотѣ своего призыва. Обученіе въ нихъ ведется по такъ называемому натуральному методу, т. е. на русскомъ языке безъ помощи родного языка. Сами преподаватели греки, несвѣдущіе въ области родной

ракомъ 39 д., Ливатъ 54 д., Кирекъ 99 д., Бешташенъ 159 д., Имера 76 д., Шипакъ 48 д., Сафаръ Хараба 31 д., Бармаксызъ 157 д., Хараба Екканой 69 д., Хафыкъ 41 д., Ахапызъ 44 д., Гуніакала 134 д., Салта 65 д., Санамды 49 д., Цинмары 70 д., Такъ-Килиса 66 д., Демурбулакъ 90 д., Амбарло 57 д., Кабванъ-Булчасаль 87 д.

²⁾ Армянскихъ селеній 13, грузинскихъ 6. Названія послѣднихъ слѣдующія: Кладенія, Гомареты. Больше и Малые, Аха, Каклани, Мамука-сапели.

старины и языка, не въ силахъ помочь родному народу изучать грамоту на родномъ языкѣ. Имъ недостаетъ педагогической подготовки и знаній на родномъ языкѣ; они получили образованіе въ городскихъ училищахъ или въ учительской семинаріи, гдѣ ихъ не обучали родному языку, не готовили къ дѣятельности среди своихъ соглеменниковъ. Единственная двухклассная школа въ Гуніа - Кала, призванная поднять сельско-хозяйственную культуру среди грековъ, оказалась бесплоднымъ учрежденіемъ, не отвѣчающимъ своему назначению. Даже молитвы въ школахъ изучаются на родномъ языкѣ, усваиваются безъ пониманія; а если кто и прочтеть «Отче нашъ» на греческомъ языкѣ, то этимъ знающіемъ онъ обязанъ не школьному учителю, а своей безграмотной матери, по традиціи обучающей дѣтей молитву Господню читать по-гречески. Для поднятія современного низкаго уровня культуры грековъ-цалкинцевъ было бы полезно вести школьнное обученіе на родномъ языкѣ, и съ помощью его изучать русскій языкъ. А въ этихъ видахъ слѣдовало бы при одной изъ закавказскихъ учительскихъ семинарій открыть греческое отдѣленіе для подготовки контингента преподавателей, подобно тому какъ при Горійской учительской семинаріи существуетъ татарское отдѣленіе, подготавливающее учителей для татарского населенія.

А. Хахановъ.

Историческое развитіе этнографії *).

Девятнадцатый вѣкъ принято называть вѣкомъ великихъ изобрѣтений, вѣкомъ пара и электричества. Нерѣдко этимъ на- званіемъ стремятся опредѣлить материалистическое направление вѣка, сдѣлавшаго столько для развитія материальнаго благосо- стоянія человѣчества. Не слѣдуетъ, однако, быть несправедли- вымъ въ отношеніи предшествующаго столѣтія. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ человѣческая мысль и въ другой области достигла вели- кихъ результатовъ. Въ теченіе его отчасти возникли, отчасти пышно расцвѣли многія научныя системы: сравнительное языко- вѣдѣніе, антропология, соціология и др. Въ девятнадцатомъ же вѣкѣ опредѣленное и вполнѣ заслуженное мѣсто среди наукъ заняла и этнографія.

Бывшая столица долго лишь *описаніемъ народовъ*, слагавшаяся изъ записей путешественниковъ, купцовъ, миссіонеровъ — она къ концу девятнадцатого столѣтія развила свои научные методы, представила рядъ научно - обоснованныхъ выводовъ—и, несмотря на протесты однихъ, на сомнѣнія другихъ, твердой ногой стала въ кругъ научныхъ дисциплинъ.

Позвольте мнѣ въ качествѣ введенія къ нашему курсу про- слѣдить *исторический путь* развитія нашей науки, отмѣтить тѣ факторы, которые вызвали ея ростъ и дали ей развиться въ научную систему.

Прежде всего мнѣ придется остановится на исторіи накопле- нія этнографического материала.

Первѣйшимъ и древнѣйшимъ источникомъ этнографіи — опис- санія народовъ—служили, конечно, тѣ данные, которыхъ были до- быты эмпирическимъ, опытнымъ путемъ. Въ древнѣйшія времена

* Вступительная лекція къ курсу этнографіи, прочитанная на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Москвѣ 9 октября 1907 г.

человѣческія группы, вступая другъ съ другомъ въ сношенія, будь то въ военныхъ цѣляхъ, будь то въ цѣляхъ обмѣна — несомнѣнно находили свою выгоду въ знаніи взаимныхъ быта и обычаевъ. Постепенно, въ средѣ каждой группы, позднѣе племени, еще позднѣе народа составлялось извѣстное понятіе о „нравахъ и обычаяхъ“ сосѣдей. Насколько богатый матеріаль былъ уже въ древнійшія времена накопленъ опытной этнографіей доказываютъ повѣствованія Геродота. Уроженецъ малоазіатскаго города Галикарнаса, Геродотъ объѣздилъ Грецію, Египетъ, часть Азіи. Въ девяти книгахъ своей Исторіи, носящихъ названія девяти музъ, Геродотъ оставилъ намъ описание вѣрованій, обычаевъ, преданій многихъ народовъ, напр. египтянъ, вавилонянъ, скиоеовъ. Его упрекали въ склонности къ чудесному, потому что многое, переданное имъ за слышанное и видѣнное, казалось невозможнымъ, недѣльнымъ. Лишь современная этнографія, археология и исторія во многомъ оправдали Геродота и заставили видѣть въ его „Исторіи“ цѣнныій источникъ для этнографіи.

Древній міръ не обладалъ совершенными способами передвиженія — по жажды расширить рамки вѣдомаго міра одушевляла его. Къ тому же войны переносили народы съ одного материка на другой, сталкивали племена и языки, сближали ихъ. Священныя книги іудеевъ освѣщаютъ исторію и вѣрованія египтянъ, ассирийцевъ, вавилонянъ и другихъ народовъ, соприкасавшихся съ ними. Многія данныя Бібліі подтверждаютъ теперь ставшіе доступными папирусы и клинообразныя надписи Ассиро-Вавилонії. Персидскія войны бросили на небольшое европейское государство полчища объединенныхъ деспотической волей народовъ. Слѣдствіемъ греко-персидскихъ отношеній былъ знаменитый походъ десяти тысячъ грековъ въ Малую Азію, давшій начало весьма важному для этнографіи сочиненію Ксенофonta: Анаказису (или Отступленію). Греческій завоеватель, имя котораго сохранила народная словесность многихъ странъ, Александръ Великий, двинулся безстрашно до предѣловъ Индіи, а преемники его, греческіе владыки Египта, завязали прочныя торговыя сношенія съ этой сказочнной страной. Чувническія войны, интересы римлянъ въ Африкѣ вызвали знакомство съ этимъ материкомъ. Съ другой стороны вниманіе Рима привлекали дикие народы по ту сторону Альпъ — и мы видимъ въ „Запискахъ“ Цезаря серьезное

описаніе обычаевъ и нравовъ тѣхъ племенъ, сокрушилъ которыя во славу мірового владычества Рима онъ явился въ Галлію и Британію. На рубежѣ двухъ эръ—старой и новой—появилась знаменитая „Географія“ Страбона. Часть ея въ 17 книгахъ дошла до нась. По этому своду всего имѣвшагося въ древнемъ мірѣ матеріала видно, что классической географъ не довольствовался описаніемъ странъ, но удѣлялъ большое вниманіе нравамъ и обычаямъ народовъ. Въ началѣ христіанской эры идущая неуклонно къ своему паденію римская имперія даетъ намъ двухъ писателей, оставившихъ весьма интересные для этнографіи труды: это Тацитъ и Пліний. Тациту принадлежитъ знаменитое описание быта германцевъ — темной силы, надвигавшейся на Римъ изъ вѣдъръ вѣковыхъ сѣверныхъ лѣсовъ. Его сочиненіе: *De origine, situ, moribus, ac populis germanorum* (98 г.), составленное на основаніи свѣдѣній изъ первыхъ рукъ и всей предшествующей литературы предмета, позволяетъ начать исторію Германіи съ I-го вѣка. „Естественная“ исторія Пліния (*Naturalis Historia*), въ нѣкоторыхъ книгахъ которой даются свѣдѣнія о географическомъ раздѣленіи земли и о народахъ ся населяющихъ — особенно важна въ томъ отношеніи, что Пліний въ этомъ компиллятивномъ трудахъ пользовался источниками, частью навсегда утраченными.

Классический міръ гибнетъ. Остатки его, позверженную и измельчавшую Элладу, смѣшанные культуры эллиновъ и эллинизированныхъ и романизированныхъ азіатскихъ варваровъ описалъ Павзаній во II-мъ вѣкѣ по Р. Хрис. въ своемъ путешествіи по Греціи—(*Ἑλλάδος περιγγῆς*) сочиненіи, неопѣнимомъ для исторіи вѣрованій.

Новый міръ возникаетъ на развалинахъ древняго — передвиженія народовъ, завоеванія. Среди хаоса, при которомъ зарождаются средніе вѣка, новая сила, проникшая въ міръ — христіанское ученіе — проекладываетъ себѣ все новые пути. Сочиненія просвѣтителей языческихъ странъ средневѣковья, еще мало изслѣдованны, но они нерѣдко представляютъ серьезный интересъ для этнографа. Іордану, епископу Равенскому, готу по происхожденію (VI в.), принадлежать обстоятельный свѣдѣнія о готахъ (*De gotorum origine e rebus gestis* или *de origine actuque getorum*), дьяконъ Павель Варнефридъ (въ VIII в.) писалъ о лангобардахъ; св. Бонифаций (VIII в.), просвѣтитель Германіи, — предавія обѣ его

дѣятельности до сихъ поръ живы въ живописныхъ горныхъ деревняхъ Тюрингіи — писалъ для папы отчетъ о народахъ Эсклавоніи. Монахъ Анскаръ посѣтилъ Швецію, Шлезвигъ-Гольштинію и Данію въ IX в. Позднѣе, въ XI в. Адамъ Бременскій пользовался его данными въ своей знаменитой „Исторії сѣверной церкви“, которая служить серьезнымъ источникомъ для этнографовъ.

Все шире раздвигались границы міра для той части человѣчества, въ которой несомнѣнно въ тѣ времена сосредотачивалась наибольшая культурная сила прошлаго — для народовъ Европы. Неустрашимые скандинавскіе мореплаватели бoroадили Ледовитое море къ западу и востоку отъ ихъ суровой страны. Потокъ другихъ странствователей, смиренныхъ и мирныхъ, съ VI вѣка отправляется во Святую Землю, принося оттуда знакомство со странами ближніаго Востока. Въ усиленной борьбѣ съ арабами, съ персами, съ славянами Византія знакомится съ этими народами, съ ихъ бытовыми особенностями.

Новые горизонты, устрашающіе своей ширью и далью, открыли народамъ Европы нашествія монголовъ. Папы и государи посылаютъ въ Великую Татарію—въ ту Монголію, изъ которой вышли новые страшные завоеватели, своихъ пословъ. Плано Карпини (1245 г.), Рубриквісъ (1253 г.) совершили съ честью этотъ далекій путь. Имъ во слѣдъ двинулись монахи міссіонеры проповѣдывать христіанство дикимъ монголамъ. Путь въ Великую Татарію былъ уже до нѣкоторой степени позѣстенъ, когда въ концѣ XIII в. (1271—1295) совершилъ свое знаменитое путешествіе въ Монголію, Китай, Индію, на нѣкоторые острова Индійскаго океана венецианецъ Марко Поло. Его книга, изобилующая интереснѣйшими данными, и теперь читается какъ сказка. Описаніе дворца великаго хана, напримѣръ, (кн. II, гл. LXXXIV) его пира и охоты (ib. гл. LXXXVII—XCV) напоминаютъ преувеличенія въ описаніяхъ былинныхъ сказочныхъ богатствъ. Увлекательная, написанная легкимъ стилемъ, сна, навѣрюс, своими яркими картинами зажгла не одно горячее воображеніе стремлениемъ поѣтить далекія волшебныя страны.

Паступаетъ великий поворотный пунктъ исторіи — Европа вступаетъ въ эпоху великихъ открытій. Въ 1492 году Колумбъ во имя испанской короны вступаетъ въ обладаніе новымъ материкомъ и прилегающими къ нему островами; въ 1497 г. Васка

де Гама, по порученію португальского короля, огибаетъ Африку и находить морской путь въ Индійскій Океанъ. Потокъ завоевателей, искателей приключений и легкой наживы, купцовъ и миссіонеровъ двумя руслами направляется въ неизвѣстныя страны. Испанцы стремятся къ западу, къ богатствамъ новооткрытаго материка; португальцы заводятъ свои торговыя факторіи на берегахъ Африки, входятъ въ Красное море, Персидскій заливъ, огибаютъ Индостанъ и Индо-Китай, изслѣдуютъ берега Китая, доходятъ до Японіи. Рядъ путешественниковъ, преимущественно португальцевъ и итальянцевъ, въ XV и XVI в.в.: де Конти (1444) Клавихо, (1403), Барбаро (1436—1475), Людовико Бартема (1502—1508) и др. расширили знакомство европейцевъ съ Азіей. Китай довольно часто посѣщался европейцами. Предпріимчивые купцы генуэзцы и венецианцы завели торговыя отношенія съ Китаемъ и Индіей.

Папа проводить свою знаменитую демаркаціонную линію; новооткрытыя земли къ востоку (на 100 миль) отъ Азорскихъ острововъ отдавались португальцамъ, къ западу испанцамъ. (Позднѣе демаркаціонная линія была отодвинута къ западу, захвативъ часть Бразиліи, которую открылъ португалецъ Кабраль (въ 1500 г.). По жизнью промышленная, торговая, политическая европейскихъ странъ, быстро развиваясь, стерла демаркаціонную линію папы, и другіе народы устремились въ дальнія страны, движимые жаждой обладанія: голландцы осѣли на островахъ Малайскаго архипелага, по берегамъ Африки. Джонъ Каботъ (1497) во имя Англіи завладѣль сѣверомъ Америки, французы Жакъ Картье (путеш. 1534 и 1541) колонизировали Канаду и т. д.

Въ этомъ неудержимомъ стремлениіи въ неизвѣдомыя страны, вызванномъ преимущественно материалистическими видами, нельзя не отмѣтить идеалистической струи—труды, весьма часто безкорыстные, миссіонеровъ. Всльдь за первыми европейскими пionерами въ глубь неизвѣстныхъ странъ двинулись и они. Мы не будемъ входить въ оцѣнку тѣхъ способовъ, которыми они нерѣдко наносили ущербъ великой ідеѣ проповѣдуемаго ими христіанства; отмѣтимъ, что для этнографіи ихъ сочиненія съ описаніями посѣщенныхъ странъ и народовъ до сихъ поръ зачастую имѣютъ большую цѣну.

Начало XVII в. было ознаменовано открытиемъ еще Нового

материка — Австралії (1605) существование которого, впрочемъ, предполагали уже въ XVI в. португальцы. Рядъ путешествий въ XVII в. относится къ изслѣдованию Австраліи—изъ нихъ наиболѣе замѣчательнымъ можно считать путешествіе Тасмана, въ 1642 совершившаго вокругъ нея плаваніе. Далѣе слѣдуетъ знаменитое путешествіе Кука (1769—1779), относящееся уже къ XVIII в. и путешествія, захватившія конецъ XVIII в. и начало XIX в. Фюрио (1773), Лаперуза (1788); Дюмонъ Д'Юрвиля (1826), открывшія на многочисленныхъ островахъ Великаго Океана — новый міръ, до сихъ поръ поражающій europейцевъ удивленіемъ.

Мы были бы несправедливы, если-бы въ нашемъ перечинѣ забыли упомянуть путешествія русскихъ странствователей. Прежде всего вспомнимъ о хожденіяхъ во Святую Землю, начиная со знаменитаго путешествія Даніила въ нач. XII в., далѣе діакона Игнатія (1389—1391), Трифона Коробейникова (XVI в.) и наконецъ іеродіакона Іону и Арсенія Суханова (1651). Изъ русскихъ путешествий въ дальнія страны Востока слѣдуетъ упомянуть о путешествіи въ Индію тверскаго купца Афанасія Никитина (1466—1472), который посѣтилъ Индію на четверть вѣка раньше, чѣмъ Васко де Гама. Записки Никитина обнаруживаются человѣка наблюдательного; они, по словамъ Срезнєвскаго, „принаадлежать къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы Ди-Конти и отчеты Васко-де-Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ ними; не ниже ихъ это изложеніе ни по слогу, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разсказамъ туземцевъ“. Къ царствованію Іоанна Грознаго относится путешествіе въ Китай казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Буряши Елышева; а въ 1654 г. въ Китай же совершилъ путешествіе Феодоръ Исакіевичъ Байковъ.

XVIII в. и начало XIX в. изобилуетъ въ Россіи путешествіями, имѣвшими громадное значеніе для этнографіи. Правительство наше того времени ясно сознавало всю пользу всесторонняго изученія странъ и народовъ, ему подвластныхъ. Оно не жалѣло средствъ для снаряженія далекихъ экспедицій—и мы имѣемъ рядъ блестящихъ изслѣдователей Сибири, Киргизскихъ степей, Камчатки, русскихъ владѣній въ С. Америкѣ. Я назову лишь нѣсколько именъ: Стеллера и Крашенинникова, Чалласа, Рычкова, Сарычева, Литке, Китлиса, бар. Майделя; ихъ труды

представляют неопытный вкладъ какъ въ русскую, такъ и всеобщую этнографию. Не забудемъ упомянуть, что наша миссия среди инородцевъ уступленныхъ впослѣдствіи Америкѣ владѣйши справедливо гордится однимъ свѣтлымъ именемъ—о. Иоанна Венiamинова. Одушевленный горячей любовью къ своей инородческой настѣ, о. Венiamиновъ составилъ „Записки объ алеутахъ и колошахъ Уналашкинского отделья”—трудъ, по справедливости отмѣченный западноевропейскими учеными.

XIX-му вѣку не предстояло открывать новыхъ материковъ. Но ему выпала другая, не менѣе благородная задача: изслѣдовывать уже открытые міры. Въ этомъ отношеніи наиболѣе, пожалуй, сдѣлано относительно Африки. Припомнить, что еще на картахъ 60-хъ годовъ XIX столѣтія, почти вся средина Африки представляла бѣлое, т.-е. неизслѣдованное, пятно, и сравнимъ съ ними хотя бы карты въ *Handatlas Andree*, покрытыя густой сѣтью надписей. Вспомнимъ исторію первыхъ путешественниковъ Африки: несчастнаго Мувго Парка (1795 — 97; 1806), погибшаго во время своей экспедиціи, страданія благороднаго Ливингстона, нечеловѣческія трудности и лишенія, перенесенныя неустранимыми Стэнли, еще въ 70 годахъ XIX вѣка. Вспомнимъ, что лишь въ 1876 г. подъ покровительствомъ бельгійскаго короля въ Брюсселѣ создалась международная ассоціація для изслѣдованія Африки въ цѣляхъ научныхъ, торговыхъ и промышленныхъ. И сопоставимъ съ этимъ новѣйшія данныя. Въ августѣ 1905 г. состоялся въ Капштадтѣ научный съѣзъ Британской ассоціаціи для пропаганды науки (*Britisch association for the advancement of science*). Члены съѣзда, приѣхавши изъ Англіи, Германіи и другихъ странъ, имѣли случай, пользуясь всѣми удобствами курьерскаго поѣзда въ полтора сутокъ проѣхать черезъ всю страну бечуановъ, а 20 часовъ спустя они были уже у знаменитаго водопада Викторія на р. Замбези, намного превышающаго величиемъ паденіе Ніагары.

Пути сообщенія въ Африкѣ съ каждымъ годомъ все увеличиваются и становятся удобнѣе. Европейскія пароходы разныхъ странъ обслуживаютъ многочисленные береговые порты Африки, судоходность многихъ рекъ опредѣлена, желѣзнодорожныя линіи построены или помѣчены уже на картѣ прерывчатыми линіями. Африка становится мало-по-малу ареной путешествій для люби-

телей-охотниковъ, для туристовъ, и пресловутая компанія Кука за 4000 фр. съ человѣка, уже нѣсколько лѣтъ возить пассажиrowъ отъ Парижа въ глубь англійскаго Судана на поѣздахъ экспрессахъ и первоклассныхъ пароходахъ.

Надо признать не однѣ научныя цѣли содѣйствовали изслѣдованию Чернаго материка. Даже набросанный обширнымъ умомъ покойнаго кардинала Лавижери планъ проповѣданія христіанства въ неизслѣдованныхъ частяхъ Африки, дѣятельность учрежденного имъ ордена Бѣлыхъ братьевъ (*frères blancs*), широкая пропаганда противъ торговли рабами имѣли въ виду, вмѣстѣ съ гуманными цѣлями, упроченіе французскаго могущества въ Африкѣ. Можно сказать, что культурныя государства Европы, нерѣдко прикрываясь евангельскимъ словомъ и попирая его, нерѣдко выступая во имя высшей культуры и становясь ея недостойными,бросились на эту часть древняго міра съ той же жадностью, какъ когда-то испанцы—искатели золота и португальцы—скупщики пряностей на отведенныя имъ папой новооткрытыя земли. Авглія, Германія, Франція другъ передъ другомъ захватывали въ Африкѣ обширныя области, сталкивались другъ съ другомъ въ интересахъ своей колоніальной политики. И надо признаться, большинство африканскихъ экспедицій XIX вѣка имѣли цѣлью не столько изученіе народовъ Африки, ихъ быта и вѣрованій, сколько желѣзводорожныя изысканія, топографическія съемки, открытие новыхъ торговыkhъ и военныхъ путей, изслѣдованія ботаническія съ цѣлью опредѣлить возможность акклиматизаціи полезныхъ растеній и т. п. Тѣмъ не менѣе, изъ этого лихорадочнаго открытія Африки этнографія извлекла не мало пользы. Проводившіе колонизаторскую политику скоро поняли, что они теряютъ отъ незнанія покорляемыхъ народовъ; торговые интересы также страдали отъ незнакомства съ вкусами туземцевъ. Поэтому собираніе этнографическихъ свѣдѣній скоро стало входить въ программу даже начальниковъ карательныхъ экспедицій. Мы имѣемъ теперь, кромѣ сочиненій прежнихъ путешественниковъ, превосходныя этнографическія монографіи по различнымъ племенамъ Африки—изъ послѣдняго времени. По практическіе интересы изслѣдованія, препнебреженіе къ духовному міру покорляемыхъ сказалось въ этнографической литературѣ Африки; материальный быть туземнаго населенія мѣстами прекрасно изслѣдованъ, въ

этнографическихъ музеяхъ западной Европы африканскій отдѣль представленъ богато — но о вѣрованіяхъ темныхъ обитателей Африки, ихъ настоящемъ характерѣ и сущности, можно сказать, точного и достовѣрного извѣстно еще очень мало.

Другія страны были счастливѣ. Чисто научное этнографическое изслѣдованіе направилось на области Южной Америки. Рядъ блестящихъ этнографовъ вступили на дѣственную почву незнакомыхъ иногда европейцамъ земель: Эренрейхъ, ф. д. Штайненъ, Т. Кохъ и др. Центральная Америка съ ея сказочными развалинами въ глубинахъ вѣковыхъ лѣсовъ заговорила новымъ языкомъ, благодаря изученію мексиканскихъ письменъ и раскоцкамъ. Отмѣтимъ имена Сапнера, Селера, Преусса и др. Безконечную заслугу передъ этнографіей имѣютъ сѣверо-американскіе этнографы, въ число которыхъ надо отнести иѣмца Босса. Боасомъ, также какъ и Нельсономъ и пр. изслѣдованы эскимосы съ величайшей подробностью. Интереснѣйшія въ этнографическомъ отношеніи племена сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки, Калифорніи, племена пуэбло нашли въ лицѣ сѣверо-американскихъ этнографовъ добросовѣстныхъ изслѣдователей. Можно по справедливости сказать, что ихъ работы, проведенные чисто научнымъ путемъ, открыли столь важныя данныя этнографіи, что ей стало возможно выставить совершенно новые положенія и вѣско подтвердить старыя. Цѣлый переворотъ въ этнографической литературѣ сдѣлали книги Спенсера и Джиллена. Эти два изслѣдователя, послѣ долголѣтняго пребыванія среди иѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, вооруженные знаніемъ ихъ языка, представили интереснѣйшія данныя объ этой отрасли австралійцевъ. Острова Тихого океана имѣютъ также своихъ изслѣдователей: Финша, Эллиса, Эджъ Шартингтона, Мейера, Паркинсона, Форнандера. Наконецъ, голландцы — сочиненія ихъ, къ сожалѣнію, не столь доступны намъ — дѣятельно изучаютъ свои владѣнія въ Индійскомъ океанѣ. Путешествіе Ньюенхауза по Центральному Борнео и его книга подъ тѣмъ же названіемъ справедливо оцѣнены этнографами.

Я постаралась въ бѣгломъ очеркѣ представить исторію накопленія этнографического материала, преимущественно среди нарсовъ другихъ материковъ. Это одинъ изъ первѣйшихъ факторовъ, давшихъ возможность этнографіи выработаться въ проч-

ную, опытную науку. Мы должны обратиться теперь къ другому, не менѣе важному фактору. Какъ вамъ извѣстно, начало XIX вѣка, подъ вліяніемъ политическихъ событій, ознаменовалось сильнымъ развитіемъ национальныхъ идей. Въ этнографической литературѣ Германіи это националистическое направление навсегда останется связано съ крупными фигурами двухъ братьевъ Якова и Вильгельма Гриммъ. Одушевленные горячей любовью къ родному, германскому, бр. Гриммъ видѣли въ знаніи родной старины залогъ мощнаго расцвѣта своей народности. Родная старина казалась бр. Гриммъ тѣмъ живительнымъ источникомъ, изъ котораго нѣмецкій народъ станетъ черпать свои самобытныя силы. Съ горячей ревностью людей, глубоко вѣрящихъ въ свое дѣло, оба Гриммъ предались изученію нѣмецкой старины: юридическихъ древностей (*Deutsche Rechtsalterthümer*. 1828.), преданий (*Kinder & Hausmärchen*. 1812.—*Deutsche Sagen*. 1816—18.), вѣрованій (*Deutsche Mythologie*, 1835) нѣмецкаго народа. Ихъ энтузіазмъ воспламенилъ многихъ. Изысканія всего того, въ чемъ выражался, какъ говорили тогда, „народный духъ“: произведеній народной словесности, обычаевъ, народныхъ вѣрованій, суевій—вызывали къ жизни обширную этнографическую литературу о нѣмецкомъ народѣ, до сихъ поръ составляющую настоящій кладъ для этнографіи Германіи. Казалось, ни одна область Германіи съ ея разнохарактернымъ населеніемъ не осталась не изслѣдованной. Къ этнографическому изученію родины въ то время многими прилагалось не столько научныхъ знаній, сколько горячей искренней любви къ народу и тому самобытному достоянію, которое онъ, въ противоположность культурнымъ классамъ, неизмѣнно донесъ черезъ столѣтія въ полной, какъ казалось тогда, цѣлости. Но идеи Гриммъ принесли обильные плоды не только въ Германіи. Всюду, во всѣхъ странахъ Европы оживаетъ любовь къ собиранию мѣстныхъ обычаевъ, вѣрованій, преданий. Народная вѣра притягиваетъ къ себѣ вниманіе и интересъ, знакомство съ народной словесностью выгодно отражается и на литературѣ и оживляетъ ея содержаніе и форму. Въ Россіи также появилась плеяда этнографовъ, воспитавшихся на идеяхъ Гриммъ—Буслаевъ, Аѳанасьевъ и др. Ихъ сочиненія проникнуты любовью къ народу, они передали ее и нынѣшнему поколѣнію русскихъ этнографовъ. Ихъ труды — образцовые по

добросовѣстности, окрашены чувствомъ любви ко всему народному, родному. Это составляетъ ихъ неподдельную прелестъ.

Въ 1846 г. впервые англичаниномъ Томс—омъ было предложено слово folk-lore для опредѣленія области изученія народныхъ обычаевъ, вѣрованій, словесности. Оно было принято повсемѣстно. Фольклоръ быстро вербовалъ себѣ армію сочувствующихъ, сотрудниковъ. Созидались кружки для специального изученія фольклора отдѣльного народа, отдѣльной области—они существуютъ и сейчасъ. Основаны многочисленныи періодическія изданія, имѣющія исключительную цѣль—въ точныхъ записяхъ сохранить гибнущее подъ напоромъ городской культуры самобытно-народное.

Наконецъ, въ XIX в. было быстро двинуто впередъ изученіе древняго міра: Греція, Рима, Египта, странъ Востока. XIX в. сумѣлъ разгадать гіероглифы Египта, клинообразныи надписи Ассири-Вавилоніи. Аргостъ и Микена, Троя съ городами, послѣдовательно погибавшими одинъ подъ другимъ, и другіе центры древнихъ культуръ въ Сиріи, Месопотаміи, въ области распространенія финикиянъ, благодаря раскопкамъ, открыли множество новыхъ данныхъ о бытѣ, вѣрованьяхъ, культѣ, о сферѣ распространенія уже угасшихъ племенъ и народовъ.

Итакъ, матеріалъ, на которомъ этнографія строитъ свои выводы, составился изъ данныхъ, добытыхъ изученіемъ, съ одной стороны народовъ отдаленныхъ, полу и малокультурныхъ, съ другой, низшихъ классовъ тѣхъ народовъ, которые уже прошли длительной путь цивилизациі, наконецъ, изъ свѣдѣній о бытѣ, вѣрованіяхъ, миоахъ народовъ древности. Невольно явилось со-поставленіе, сличеніе матеріала. Къ чему же оно привело? Постепенно, длительнымъ путемъ, этнографія разрушила одну великую иллюзію, при свѣтѣ которой европейскіе народы вступили въ XIX столѣтіе: это увѣренность, что блѣдноличные народы, вышедшие будто-бы изъ глубины Центральной Азіи, представляютъ цвѣтъ человѣчества, наиболѣе благородную его часть, которой принадлежитъ владычество надъ вселенной. Этнографія, оперируя падъ фактами, низвела съ вымышленной высоты благороднаго ария, о которомъ въ свое время говорилось такъ много. Она заставила взглянуть вдумчивѣе и на вопросъ о первобытномъ человѣкѣ.

Всѣмъ извѣстенъ взглѣдъ XVIII вѣка на состояніе „перво-бытныхъ людей“, дикарей, близкихъ къ природѣ и потому счастливыхъ, по мнѣнію Руссо. Хотя XVIII же вѣку принадлежала книга о. Лифто (1724), который, лично ознакомившись съ бытомъ дикарей Сѣверной Америки, вынесъ совершенно другое впечатлѣніе объ ихъ жизни — общество XVIII в., восторженно поклонявшееся женевскому философу, предпочитало трезвому взглѣду очевидца сентиментальная фантазія геніального провозносителя „естественнаго состоянія человѣчества“. Даже позднѣе, Шатобранъ, отказывавшій отъ сочувствія представленіямъ Руссо о дикаряхъ, самъ побывавшій среди индѣйцевъ Сѣверной Америки и сравнительно хорошо освѣдомленный объ ихъ бытѣ, не могъ, очевидно уйти подъ очарованія господствовавшаго въ его время сентиментализма. Въ знаменитомъ своемъ разсказѣ „Atala“ онъ представилъ точную въ бытовыхъ деталяхъ, но ложную по духу идеалистическую картину быта дикарей. Въ Шатобранѣ борются требованія здороваго реализма, которыя напршивались на перо добросовѣстному наблюдателю, и сентиментальность. Его Ревэ восклицаетъ: „Счастливые дикари! Отчего я вѣ могу пользоваться миромъ, который является вашимъ всегдашнимъ спутникомъ! Въ то время, какъ я съ столь малой пользой пробѣгалъ столько странъ вы сидѣли спокойно подъ вашими дубами, и дни для васъ протекали безъ счета. Разумъ замѣняли вамъ однѣ ваши потребности и вы лучше меня достигали итоговъ мудрости, подобно ребенку, между игрой и сномъ. Если та меланхолія, которая зарождается отъ чрезмѣрнаго счастья, иногда достигала вашей души, вы скоро освобождались отъ этой переходящей грусти, и вашъ взглѣдъ, обращенный къ небу, растроганный, искалъ то неизвѣстное, что милосердствуетъ надъ бѣднымъ дикаремъ“. Этнографія даже того времени знала, какъ мало соответствуетъ дѣйствительной жизни некультурныхъ народовъ такое представление. Если бы эти восклицанія не были продиктованы искренней чувствительностью, они могли бы показаться жестокой насмѣшкой надъ дѣйствительнымъ состояніемъ некультурного человѣка, надъ той ожесточенной борьбой, которую ему приходится вести, шагъ за шагомъ отвоевывая себѣ у природы условія возможнаго существованія.

Уже въ Шатобранѣ, однако, проявляется новое отношеніе

къ дикарю: всѣмъ благамъ, связаннымъ будто бы съ естественнымъ состояніемъ человѣчества, Шатобріанъ и его современники предпочитаютъ свѣтъ, принесимый человѣчеству культурой. „Я не энтузіастъ по отношенію къ дикарямъ, какъ Руссо,—заявляетъ Шатобріанъ въ предисловіи къ „Atala“,... я не думаю, что природа, какъ она есть, самое лучшее въ мірѣ. Я далекъ отъ воззрѣнія, что думающій человѣкъ есть испорченное животное; я думаю, что человѣкъ дѣлаетъ мысль“. Вѣра въ силу поднимавшей человѣчество культуры, такой живительной струей охватившая образованные круги XIX столѣтія, рѣзко измѣнила восторженное отношеніе къ жизни дикарей. Въ глазахъ XIX столѣтія, дикарь, лишенный свѣта цивилизациіи, представлялся несчастнымъ отсталымъ членомъ человѣческой семьи. Съ развитіемъ естественно-историческихъ наукъ, поставившихъ человѣка на степень лишь отдѣльного звена въ единой цѣпи зоологическихъ видовъ, отношеніе къ первобытному человѣку приняло весьма опредѣленную и вполнѣ сознательную окраску. Если, дѣйствительно, зоологический видъ *Homo sapiens* L. человѣкъ имѣлъ въ числѣ своихъ предковъ длинный рядъ постепенно эволюціонировавшихъ животныхъ видовъ—каково должно было быть это человѣчество на зарѣ своего существованія, на той грани, где первая человѣческая группа отдѣлилась отъ послѣдняго своего животного звена? Когда человѣкъ впервые перешагнулъ эту грань, отдѣлившую его отъ животнаго міра — не долженъ быть онъ еще долго хранить слѣды животнаго своего происхожденія? Разумъ его, черезъ тысячелѣтія вознесшій его такъ wysoko надъ міромъ животныхъ, освѣтившій весь міръ, не долженъ быть развѣ походить на едва брежжущій въ темнотѣ робкій проблескъ грядущаго, но далекаго еще дня? Начиная со второй половины XIX ст., этнографія разрѣшала вопросъ о первобытномъ человѣкѣ, одушевленная сознательно или безсознательно именно этими идеями. Были высказаны a priori положенія о дикихъ племенахъ, не знающихъ употребленія огня, не имѣющихъ религіи и т. п. Было обращено особенное вниманіе на изученіе первобытныхъ семьи и брака, первобытныхъ юридическихъ отношеній. Труды многихъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей представляли ихъ намъ какъ результатъ естественной дикости первобытнаго человѣка. Коммунальный бракъ,

коммунальная собственность, отсутствие подчиняющей власти и т. п. казались неоспоримыми фактами, на низшей ступени развития, какъ отсутствіе идеи добра, альтруистическихъ чувствъ, понятія о божествѣ и т. п. Но этнографія, какъ наука опытная, требовала не априорныхъ положеній, но фактовъ для индукції. Она тщательно прокопыряла тотъ опытный материалъ, надъ которымъ орудовала, требовала нового, если имѣющій у нея оказывался недостаточнымъ. Она неустанно работала и не боялась откидывать теоріи, которые разрушали новопріобрѣтенные факты, какъ бы красивыми, стройными и прочными эти теоріи ни казались. Она знала, что она наука молодая и что ошибки ея прежнихъ работниковъ были естественными ошибками на темномъ еще пути; что всякая наука движется впередъ умами смѣлыми и свѣтлыми, освѣщающими лишь нѣкоторое пространство впередъ на предстоящемъ великому пути. Такъ работала этнографія, и къ такой работѣ призываешься она всѣхъ своихъ приверженцевъ.

Теперь, въ началѣ ХХ столѣтія, мы должны признать, что вопросъ о первобытномъ человѣкѣ стоитъ передъ этнографіей въ томъ же нерѣшенномъ видѣ, какъ полстолѣтіе, какъ столѣтіе тому назадъ. Въ этомъ сказывается не безсиліе науки, а ея быстрый ростъ, ясный и трезвый умъ ея работниковъ. О первобытномъ человѣкѣ еще недавно судили по быту всѣхъ малокультурныхъ народовъ. Слово „дикарь“ еще не такъ давно покрывало въ этнографической литературѣ всѣ народы и племена, не имѣвшіе высокой чести принадлежать къ европейцамъ; исключеніе дѣжалось только для представителей, прошедшихъ длительную культуру государствъ Азіи, для Египта и культурныхъ государствъ Америки. Этнографія постепенно научилась различать среди всѣхъ этихъ разноплеменныхъ народовъ — народы съ болѣе и менѣе высокой культурой, народы съ разнымъ соціальнымъ устройствомъ, отъ бродячихъ семей охотниковъ до выработавшихъ прочный патріархальный строй и деспотическую или ограниченную второстепенными вождями верховную власть. Она прослѣдила у различныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ культуры весьма различные и детально разработанные экономические условия. Все болѣе и болѣе расширяя поле своихъ изслѣдований, все глубже проникая въ жизнь народовъ, она все болѣе ограничивала кругъ такъ называемыхъ „дикихъ“ народовъ.

Она доказала и ложность термина „народы не знающие истории“ и отодвинула начало истории въ далекія неизвѣстныя глубины прошедшаго. Она открывала въ жизни такъ называемыхъ некультурныхъ народовъ глубокіе слои культуры. На неизслѣдованныхъ доселѣ материкахъ она обнаружила слѣды огромныхъ народныхъ передвиженій, въ обломкахъ миологическихъ преданій давнишній процессъ религіозной мысли, въ материальной культурѣ—длительный путь, пройденный человѣкомъ въ борьбѣ своей съ природой.

Еще недавно готтентоты, бушмены считались стоящими на нижайшей степени человѣческой цивилизациі, такъ что имъ отказывали въ самыхъ примитивныхъ свойствахъ вкусившей хоть немнога культуры человѣческой души. Труды новѣйшихъ изслѣдователей Африки показали, что не только готтентоты, выработавшіе уже довольно сложный строй, но и бродячіе бушмены имѣютъ за собой значительный исторический путь, никогда не остающійся безследнымъ въ развитіи народа. Спенсеръ и Джилленъ нашли у изслѣдуемыхъ ими австралійскихъ племенъ не только развитую религіозную систему, но такую, которая представляется уже дегенеративныя формы болѣе древнихъ религіозныхъ представлений. Наконецъ, у туземцевъ центральныхъ областей Зондскихъ острововъ, у андаманцевъ, у веддовъ Цейлона, у племенъ Бразиліи, у огнеземельцевъ — все племена, у которыхъ искали состоянія, близкаго къ первобытному состоянію человѣчества — наука этнографія нашла довольно развитыя формы юридического строя, семейной или племенной организаціи, обломки болѣе древней религіозной мысли въ эволюціонирующихъ религіозныхъ представленихъ. Въ началѣ XX столѣтія наука этнографія можетъ съ полной увѣренностью сказать, что первобытного чѣловѣка, человѣка-дикаря, близкаго къ животному состоянію, она не знаетъ ни въ одной части свѣта. Что картину первобытныхъ отношеній, схему первобытного мышленія она можетъ лишь возсоздать длительнымъ и труднымъ путемъ систематизаціи своихъ данныхъ, строгой классификацией этнографическихъ явлений. Мало того, она можетъ съ полной увѣренностью сказать, что она встрѣчается и до сихъ поръ человѣческія группы, болѣе или менѣе вооруженные для борьбы съ природой, обладающія болѣе или менѣе богатымъ запасомъ культурныхъ приобрѣтеній, племена, понимающія различно требованія морали

добро и зло — но племенъ, не имѣющихъ этого великаго залога культурнаго развитія, она не знаетъ.

Сравненіе этнографическихъ данныхъ у некультурныхъ народовъ съ собранными въ низшихъ классахъ народовъ Европы, съ чертами быта и религіозныхъ представлений народовъ древнихъ — привело еще къ одному великому выводу. Было найдено столько поразительныхъ аналогій, почти тожествъ въ вѣрованьяхъ, возрѣніяхъ, обычаяхъ народныхъ массъ всѣхъ материиковъ и временъ, — что красивая иллюзія въ высотѣ, особомъ значеніи, великой миссіи европейскихъ расъ пала сама собой. Она была замѣнена идеей объ единыхъ свойствахъ человѣческой души. Это — плодотворное приобрѣтеніе для человѣческой мысли подтвердила прочными фактами этнографія.

Этнографія открыла намъ душу человѣка — во всѣхъ стра-вахъ земного шара; человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его я, ставящихъ грань между нимъ и остальнымъ міромъ, человѣка, мощно проявляющаго присущую ему творческую индивидуальную силу, — и человѣка, какъ члена соціальной группы, неразрывно связанного съ ней, материально и духовно, носящаго на себѣ неизгладимый отпечатокъ ея внутренней жизни, ся колебаний и перемѣнъ — однимъ словомъ, коллективную душу человѣка.

И вотъ въ чемъ великое значение этнографіи. Этнографія мѣстная, изученіе одного народа, даетъ намъ глубокое, настоящее познаніе его, — потому что нельзя ни управлять народомъ, ни служить ему, ни воевать съ нимъ, ни имѣть съ нимъ торговыя и иные сношенія, не зная всего того, что составляетъ основы его жизни, его самобытности, его вѣру, его вкусы и идеалы. Но этнографія общая вводитъ эту одну народность въ кругъ другихъ народовъ. Наука этнографія, изучая отдѣльные народы, имѣеть всегда передъ собой великое — человѣчество. Она классифицируетъ явленія, принадлежащія отдѣльнымъ вѣтвямъ его, но изучаетъ общіе законы его развитія.

Такъ опредѣлилось значеніе этнографіи въ концѣ долгаго исторического пути ея развитія. Объ ея положеніи среди другихъ наукъ, ея цѣляхъ и границахъ изслѣдованія, объ ея методахъ мы скажемъ въ ближайшихъ чтеніяхъ.

С М Ъ С Ъ.

Поліандрія въ Африкѣ.

Въ послѣднемъ выпускѣ „Journul of the Anthropological Institute“ помѣщена статья J. Roscoe „The Bahima: a Cow Tribe of Enkole“, показывающая, какіе неожиданные факты можно еще находить въ области первобытнаго права. Вопросъ о существованіи поліандріи на африканскомъ материкѣ можно было считать вполнѣ решеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Правда, Mac Lennan (Studies, p. 143) говорить, что „polyandry is found in several parts of Africa“, но это слишкомъ общес указаніе, основанное, повидимому, исключительно на свидѣтельствѣ Reade (Savage Africa), было отвергнуто въ свое время уже Леббокомъ („Начало цивилизаций“, стр. 96). Не подтвердились равнымъ образомъ глухая ссылка Спенсера на готтентотовъ и не менѣе глухое, безъ указанія источниковъ, утвержденіе Гельвальда о существованіи поліандріи въ области Акра (Die menschliche Familie, p. 246). Единственнымъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ фактомъ можно было считать своеобразный обычай Овагереро, но то, что наблюдали у этого народа Фричъ и Гань, можно было лишь съ большими натяжками сближать съ поліандріей, такъ какъ тутъ скорѣе было нечто вродѣ частичной общности женъ внутри небольшого круга, связанного особыми братскими связями. Болѣе же поздніе авторы (напр. Viehe въ сборникѣ Steinmetz'a, стр. 306—307) и совсѣмъ отрицаютъ существование такихъ случаевъ, чтобы женщины одновременно были въ супружескихъ отношеніяхъ съ двумя или большими числомъ мужчинъ. Поэтому Постъ, просмотрѣвши для своего Afrikanische Jurisprudenz довольно обширную литературу, пришелъ на основаніи ея къ вы-

воду, что существование определено выраженной полигандрии въ Африкѣ нельзя констатировать (Th. I., S. 301). Равнымъ образомъ и въ болѣе поздней работѣ, въ извѣстномъ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Steinmetz'a и содержащемъ въ себѣ отвѣты на разосланную лицамъ, близко соприкасающимся съ жизнью африканскихъ и океанійскихъ туземцевъ, программу во всѣхъ пятнадцати статьяхъ, касающихся Африки, на вопросъ о полигандрии категорически дается отрицательный отвѣтъ, и только Августъ Крафтъ говоритъ о народѣ Wapokomo, живущемъ въ восточной Африкѣ, дословно слѣдующее: „Es herrscht unbeschränkte Vielweiberei, doch haben wenige mehr als vier Frauen. Fast jedes Weib hat einen oder mehrere Liebhaber. Aus Armut hat ein Mann wohl auch nur ein Weib. Die Männer einer Frau sind keine Brüder. Die Ehe ist im allgemeinen ein festes Verhältnis, doch gibt es Ausnahmen“ (S. 286). Хотя тутъ употребляется такое выраженіе какъ „Die Männer einer Frau“, но, очевидно, это просто не достаточно обдуманное и точное выраженіе. Весь контекстъ фразы позволяетъ говорить только о распущенности нравовъ и равнымъ образомъ подробности семейной организаціи и брачныхъ отношеній, приводимыя Крафтомъ, совершенно не содержать въ себѣ рѣшительно никакихъ указаний на полигандрию.

И вотъ оказывается, что полигандрия въ Африкѣ все же существуетъ и найдена она не въ какой-нибудь особой глупи, а у племени, съ которымъ европейцамъ приходилось уже сталкиваться, именно у народа Bahima, живущаго въ Угандѣ. Правда, и здѣсь полигандрия отнюдь не является господствующей или хотя бы общепринятой формой брака, но все же тутъ мы имѣемъ дѣло не съ распущенностью нравовъ, а съ правильно организованными союзами, въ которыхъ нѣсколько мужчинъ живутъ съ одной женщиной. Roscoe, уже раньше зарекомендовавшій себя, какъ хороший наблюдатель, говорить дословно слѣдующее:

„Иногда человѣкъ находить, что онъ слишкомъ бѣденъ для женитьбы, такъ какъ коровъ у него недостаточно, чтобы снабжать молокомъ для повседневныхъ надобностей хотя бы одну жену, или онъ можетъ быть не въ состояніи доставить нужное количество скота въ качествѣ выкупа за невѣсту; въ такомъ случаѣ онъ предлагаетъ одному или нѣсколькимъ своимъ братьямъ присоединиться къ нему и вмѣстѣ они собираютъ необхо-

димое число головъ скота; женщина охотно соглашается на такого рода сдѣлку и становится женою двухъ или трехъ братьевъ. Они имѣютъ право поочередно раздѣлять ея ложе, пока она не забеременѣеть, послѣ чего доступъ къ вей имѣть только старшій братъ; дѣти, рожденныя при такихъ обстоятельствахъ, принадлежать старшему брату. Такое соглашеніе не лишаетъ младшихъ братьевъ возможности обзавестись впослѣдствіи женами, если они могутъ добыть ихъ. (J. A. I. XXXVII, p. 105). Сообщеніе это достаточно отчетливо тѣмъ болѣе, что Roscoe отдельно отъ этого говорить вообще о большой половой свободѣ и распущенности замужнихъ женщинъ. Въ примѣчаніи онъ глухо говоритъ, что поліандрія имѣется еще у одного народа Baziba, живущаго къ югу отъ Уганды, но мнѣ не известно, была ли она описана кѣмъ нибудь.

А. Максимовъ.

Уксусъ у русскихъ крестьянъ.

Не такъ давно однимъ изъ редакторовъ журнала «Живая Старина» было высказано мнѣніе, будто бы «перецъ и уксусъ для большинства (русскихъ) крестьянъ недоступны; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ даже не знаютъ, какъ о приправѣ къ кушаньямъ» («Живая Старина» 1906 г., кн. III, отд. V, стр. 57, примѣч.). Почтенный авторъ, видимо, считаетъ уксусъ чѣмъ-то чуждымъ коренной русской деревни, видить въ немъ культурное пріобрѣтеніе новѣйшаго времени. Тѣмъ возможнѣе подобное недоразумѣніе у лицъ, менѣе компетентныхъ въ области этнографии.

Все это и даетъ намъ поводъ навести маленькую справку объ употребленіи уксуса въ домашнемъ обиходѣ великорусскихъ крестьянъ.

У славянскихъ народовъ существуютъ два различныхъ слова для обозначенія рассматриваемаго нами предмета: оцетъ и уксусъ. Въ древнепечерковнославянскихъ евангеліяхъ уксусъ называется

«оцьтомъ» или же: «оцътино вино» (Мр. XV, 23). То же слово употребляется и теперь у западныхъ и южныхъ славянъ: сербовъ, болгаръ, чеховъ и поляковъ, а также у малоруссовъ и бѣлоруссовъ (в оцѣтъ); у этихъ послѣднихъ — врядъ ли безъ польского вліянія.

Слово *бѣтъ* славянскіе народы заимствовали, вѣроятно, вмѣстѣ съ обозначаемымъ имъ напиткомъ отъ готовъ (akeit), а эти послѣдніе, въ свою очередь, взяли его у римлянъ (acétum; удареніе латинскаго слова исключаетъ возможность выводить славянское слово непосредственно изъ латинскаго источника).

Великоруссы не знаютъ теперь слова *бѣтъ*, а употребляютъ только название *уксусъ*. Это послѣднее ведетъ свое происхожденіе отъ грековъ (греч. *ἄξος*). Характерное измѣненіе греческаго слова на русскій ладъ не оставляетъ сомнѣнія, что заимствованіе въ данномъ случаѣ было народное, а не книжное.

Въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ у великоруссовъ «перецъ, горчица и уксусъ» ставились всегда на столъ, какъ необходимость обѣда»; съ уксусомъ также заготовляли въ прокъ разные овощи и плоды (Н. И. Костомаровъ. Откѣзъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 88, гдѣ и ссылки на свидѣтельства современниковъ).

Въ наше время на всемъ сѣверо-востокѣ Россіи уксусъ выдѣлывается крестьянами домашнимъ способомъ. Извѣстны два вида этого уксуса: 1) красный, т. наз. хлѣбный и 2) бѣлый — винный. — Въ послѣднее время можно встрѣтить въ деревняхъ и «ренскій» (т. е. рейнскій, нѣмецкій) уксусъ, также домашнаго приготовленія, но его умѣютъ приготавливать очень немногіе: главная трудность состоитъ въ необходимости достать для него такъ называемое «гнѣздо», т. е. особые уксусные грибки.

Хлѣбный, красный уксусъ особенно распространенъ среди великоруссовъ. Дѣлается онъ изъ сусла (первый сливъ при варкѣ домашнаго пива, т. е. самое густое пиво, еще безъ хмѣля). Для приготовленія употребляется особый глиняный сосудъ, такъ наз. «уксусникъ». Это довольно высокій, суживающійся кверху и книзу горшокъ съ носкомъ вверху, различной величины — смотря по надобности. Уксусники выдѣлываются деревенскими горшечниками. Самое приготовленіе уксуса состоится въ томъ, чтобы дать суслу вскипнуть. Для этого въ сусло кладутъ кусокъ кваса

хлѣба и ставятъ уксусникъ, обвязанный сверху тряпицею (носокъ оставляютъ открытымъ), въ теплое мѣсто. Иногда въ сусло кладутъ еще нѣсколько ягодокъ изюма или, за неимѣніемъ его, малины. Черезъ недѣлю или нѣсколько болѣе уксусъ готовъ.

Описанный способъ приготовленія домашняго уксуса я наблюдалъ въ Саралгульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. У крестьянъ Тюменскаго уѣзда Тобольской губ. приготовленіе уксуса нѣсколько сложнѣе: въ сусло здѣсь кладутъ двѣ горсти толстой крупы; кусочки сырого березового дерева, пряникъ и поль-стручка краснаго перцу; уксусъ бродить шесть сутокъ въ теплѣ, а потомъ его еще ставятъ въ натопленную печь, въ вольный жаръ, парить («Живая Старина» 1898 г., кн. II, стр. 198—199: статья Ф. Зобнина «Усть-Ницынская слобода»).

Въ различныхъ мѣстахъ Вятской губерніи, Уфимской и Оренбургской, а также въ Акмолинской области (у сибирскихъ казаковъ), гдѣ мнѣ приходилось живать,—и всюду встрѣчалъ у крестьянъ этотъ «хлѣбный», красный уксусъ, приготовленный домашнимъ способомъ. Готовятъ его крестьяне почти всякий разъ, когда у нихъ бываетъ сусло, т.-е. при варкѣ домашняго шива; иногда и нарочно «ставятъ сусло». Достать уксусъ въ деревнѣ всегда не трудно: кто-нибудь изъ сосѣдей ссудить его даромъ, въ крайнемъ же случаѣ возьметъ 1—2 коп. за цѣлую бутылку.

Бѣлый, винный (отнюдь не «рененій») уксусъ, также домашняго изготавленія, употребляется, напримѣръ, въ Архангельской губерніи. Приготовленіе его описано С. П. Кораблевымъ въ 1853-мъ году. «Въ бочку, хорошо выпаренную, вливаютъ ведро или два простого хлѣбнаго вина и три или около четырехъ ведеръ воды; въ эту смѣсь опускаютъ фунта три краснаго меда со ржанымъ тѣстомъ; бочку оставляютъ лѣтомъ на открытомъ воздухѣ съ большою втулкою, которая покрыта, для свободнаго доступа воздуха, кускомъ рѣдкагонатянутаго холста; послѣ восьми или десяти недѣль уксусъ образуется и сливается въ стеклянную посуду, а закваска, называемая «маткою», сохраняется особо до слѣдующаго лѣта, для употребленія снова въ дѣло съ прибавкою меда и муки. Самый уксусъ—безъ цвета, какъ вода, крѣпокъ и имѣть вкусъ, совершенно отличный отъ рененаго уксуса» (С. Кораблевъ «Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги», М. 1853, стр. 24—25).

Употребленіе уксуса весьма разнообразно. Это—обычная пріправа къ кушаньямъ, особенно къ постнымъ. Онежане готовятысь весьма помногу уксуса въ качествѣ пріправы къ соленої рыбѣ, составляющій здѣсь главную пищу (Тамъ же, стр. 24). Въ пріуральскихъ губерніяхъ и въ Сибири уксусъ прежде всего и больше всего употребляется съ пельменями. Изъ какихъ источниковъ г. Н. Виноградовъ узналъ, будто бы «какъ въ Сибири Западной, такъ и во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи пельмени подаются вмѣстѣ съ водою, въ которой они варились» (а, значитъ, и потребляются безъ уксуса¹⁾),—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Изъ Западной Сибири (Тюменскій уѣздъ Тобольской губ.) имѣется свидѣтельство какъ-разъ на страницахъ той же «Живой Старины», что тамъ «пельмени ёдятъ вилками, горячіе, съ уксусомъ» (Жив. Стар. 1898, стр. 138: цитированная статья Ф. Зобнина). Правда, надъ вотяками и пермяками русскіе иногда смыются, что будто бы тѣ ёдятъ пельмени безъ уксуса; но, по свидѣтельству В. М. Яновича, для пермяковъ это утвержденіе не вѣрно: «пельняни всегда и у всѣхъ ёдятъ съ домашнимъ уксусомъ, приготовляемымъ изъ-подъ лива; въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ» («Живая Старина» 1903-го года, вып. I — II, стр. 102: статья Яновича: «Пермяки»²⁾).

Кстати замѣтимъ, что пермяки, это самое бѣдное и захудалое финское племя, и тѣ, какъ оказывается, приготовляютъ уксусъ домашнимъ способомъ, изъ пива.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи русскіе зажиточные крестьяне въ уксусѣ еще «отвариваются» (русскій туземный терминъ, соотвѣтствующій иностранному «мариновать») рыжички.

Помимо кухни, уксусъ употребляется въ народной медицинѣ, особенно при желудочныхъ болѣзняхъ и при головной боли; на уксусѣ же иногда наговариваются деревенскіе знахари и знахарки (срв. цитированную статью Ф. Зобнина, стр. 129; Т. Поповъ «Русская народно-бытовая медицина», стр. 302).

Дм. Зеленинъ.

¹⁾ „Живая Старина“ 1906, кн. III, отд. V, стр. 57.

²⁾ Зыряне ёдятъ пельмени тоже съ уксусомъ, но покупными.

Кургоминские причеты.

(Свадебные причитыванія Кургоминской волости, Шенкурского уѣзда, Архангельской губерніи).

Извѣстный своими изслѣдованіями по этнографіи Архангельской губерніи П. С. Ефименко въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритьъ: „Вступленіе въ супружество есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастія, а бракъ сопровождается самыми затѣйливыми обрядами... Затѣйливые и вмѣсть съ тѣмъ старинные обычай и обряды очень занимателны... А между тѣмъ патріархальные обряды мало-по-малу измѣняются и изъ употребленія вытѣсняются новыми обычаями“...

Означенные слова сказаны были изслѣдователемъ нашего края въ семидесятыхъ годахъ. Если, по наблюденію Ефименко, въ то время уже было замѣтно вытѣсненіе старыхъ, патріархальныхъ свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ этихъ обычаевъ остались только одни воспоминанія.

Намъ лично приводилось бывать въ разныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи, случалось присутствовать на крестьянскихъ свадьбахъ и на дѣлѣ убѣждаться, какъ далеки современные свадебные обряды и обычай отъ тѣхъ, которые были, по народному выраженію, въ „доброй старинѣ“. Чѣмъ ближе то или иное селеніе къ городу, тѣмъ сильнѣе оказывается на немъ городское вліяніе, и только въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ отъ города, деревняхъ можно встрѣтить еще патріархальные свадебные обряды и обычай. Къ числу такихъ глухихъ мѣстечекъ относится Кургоминскій приходъ, Шенкурского уѣзда, или попросту— „Кургоминъ“.

Расположенный на правомъ берегу рѣки Сѣверной Двины, въ 330 верстахъ отъ губ. г. Архангельска и въ 140 в. отъ уѣзднаго г. Шенкурска, приходъ этотъ, состоящій изъ 15 деревень, издавна населенъ былъ раскольниками. По устному преданію, первымъ расколоучителемъ, поселившимся въ предѣлахъ Кургоминского прихода, былъ московскій выходецъ Батраковъ. Условія мѣстности здѣсь были благопріятны для разселенія

раскольниковъ. Особенно удобнымъ мѣстомъ считалась рѣка Нондрусь, которая протекаетъ среди огромнаго лѣса, тянущагося верстъ на 50 по направлению къ Пинежскому уѣзду. Лѣсъ этотъ въ стариу служилъ убѣжищемъ для раскольниковъ, укрывавшихся въ немъ отъ взора правительства и устроившихъ по рѣкѣ „Нондрусь“ много скитовъ и часовенъ. Хотя послѣдніе (скиты и часовни) въ царствованіе императора Николая I упразднены, однако вліяніе ихъ сказалось очень сильно,—прихожане Кургоминского прихода въ прежнія времена почти поголовно держались раскола. Съ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія расколь началь здѣсь ослабѣвать, но, оставляя его, мѣстные крестьяне оставались вообще приверженцами, любителями старины. Въ этой любви къ старинѣ кроется причина особой устойчивости, вѣрности кургоминцевъ разнымъ древнимъ, патріархальнымъ обычаямъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и свадебные обряды и обычаи.

Не вдаваясь въ подробное описание всѣхъ обрядовъ и обычаявъ, которые соблюдаются на свадьбахъ у крестьянъ Кургоминской волости, мы намѣрены познакомить пока читателей съ такъ называемыми „Кургоминскими причетами“, т.-е. свадебными причитаніями, которая „причитается“ (т. е. произносить на распѣвѣ) передъ свадьбой дѣвица, выходящая замужъ.

Въ виду характернаго содержанія этихъ „причетовъ“ и оригинальныхъ выражений, мы приводимъ ихъ дословно, какъ они записаны для насъ С. В. И. со словъ мѣстной крестьянки А. А. Чураковой, съ подраздѣленіемъ ихъ на двѣ группы—причтанья на „рукобитьѣ“ и причтанья на „дѣвичникѣ“.

На „рукобитьѣ“¹⁾ невѣста обращается съ причитаніями сначала къ своему отцу, называя его „всхожимъ солнышкомъ“ и прося „не вставать съ брусовыя лавицы, не молиться, не кланяться Свѣту Господу Богу и не давать руки правыя на чужу-далнюю сторонушку“, затѣмъ—къ свату (по мѣстному—„сватовцу“), выражаясь про него, что его „чортъ носиль ни путемъ, ни дорогою, по собачьей тропиночкѣ...—потомъ снова къ отцу и, далѣе, къ матери, сестрѣ, братьямъ, невѣсткѣ и

1) „Рукобитье“—иначе говорѣ—одна изъ важныхъ предсвадебныхъ церемоній, на которой разрешеніе свадебнаго вопроса закрывается угощеніемъ.

дѣвицамъ. Основная мысль причитаній родственникамъ—выраженіе сожалѣнія по поводу ранней выдачи замужъ,—„зачѣмъ отказалъ ее батюшка отъ хлѣба-соли, отказалъ отъ дѣла-работовки... зачѣмъ не дала ей матушка-кормилица на ножки подынуться, съ вышнимъ ростомъ сверстаться“...

На „дѣвичникѣ“¹⁾ невѣста обращается съ причитаніями сначала къ молодымъ людямъ или, по мѣстному выражению,—„къ парнямъ“, затѣмъ, къ отдѣльнымъ лицамъ изъ компаний молодыхъ людей, величая ихъ по имени и отечеству, а эти послѣдніе должны въ отвѣтъ на причитанія давать невѣстѣ и ея подругамъ гостины, далѣе, причитаетъ дѣвицамъ, въ отдѣльности нѣкоторымъ своимъ подругамъ, замужнимъ женщинамъ, мужику, имѣющему дѣтей и, наконецъ, старостѣ или кому-либо изъ сельской власти. Основная мысль причитаній на дѣвичникѣ—сожалѣніе о веселомъ времени дѣвичества.

I. На руобитьѣ^{2).}

(Отцу). Не вставай ты, всхожее солнышко,
Со брусовыя лавицы,
Не молись—не кланяйся
Свѣту Господу Богу,
Не давай ты руки правыя
На чужу-дальнюю сторонушку.
Тебѣ не выкупить правой руки
Ни селомъ ни деревнею;
Только выкупить правую руку
Моей буйной головой.

(Подходитъ „сватовецъ“ и накидываетъ на невѣstu фату).

(Невѣста). Пала-пала на талу землю
Пороха, бѣлый снѣгъ—
На мою буйну головушку
Фата шелковая.

¹⁾ Послѣднее передъ свадьбой торжество сопровождающееся обильнымъ угощениемъ.

²⁾ Иначе—говорь.

Сватовду). Тебя чортъ носилъ сватовца
 Ни путемъ, ни дорогою —
 По собачьей тропиночкѣ.
 Колотился ¹⁾ большой сватовецъ
 Подъ косящатымъ оконечкомъ.
 Батюшковъ высокъ теремъ
 Съ краю на край пошатался ²⁾,
 Наши брусовыя лавицы отъ стѣнъ отпадали,
 Столы наши дубовые съ краю на край пошатались,
 Шиты-бранныя скатерти въ трубу завивались,
 Хлѣбы бѣлы-ситніе колесомъ покатились,
 Я во ту пору погодилася середъ высокаго терема,
 Стояла-молилася Свѣту Господу Богу.
 У меня да тутъ подломилися
 Съ колѣнъ рѣзвыя ноженьки,
 По локотъ опустилися бѣлыя рученки.
 Испугалось-перепалось въ груди дорого сердце.

(Отпу). Отказалъ меня батюшка отъ хлѣба-отъ соли,
 Отказалъ, всхоже солнышко, отъ дѣла-работонки,
 Не сказалъ мнѣ, всхоже солнышко,
 Ни въ теремѣ мѣста, ни въ лавѣ бесѣды.
 Какъ у тебя, батюшка, уста отворилися?
 Въ устахъ языкъ поворотился?
 Ужъ я ли была у батюшки не слуга, не работница,
 Не замѣна великая?
 Благословите, родители, меня мыкать горе великое!

(Матери). Кормилица-жалостница, моя родимая матушка!
 Хотя вы меня избудете, богаче не будете.
 Вамъ не два свѣта освѣтить, не два солнца огрѣсть.
 Хотя только вамъ прибудеть, что меня въ дому не
 будетъ;
 Въ терему меня не увидите, голоса не учуете ³⁾.
 Ты встанешь, моя кормилица, рано-по-раннему утру,
 Ты добудешь, моя кормилица, огня-свѣту,
 Ты поднимешь очи ясныя, обведешь брови черныя,—

¹⁾ Стучался.

²⁾ Покачнулся.

³⁾ Не услышите.

Ты кого тогда побудешь рано-по-раннему утру?
 Ты кого тогда нарядишь на дѣло-работоньку?
 Ужъ на что я была у матушки не слуга, не работница?
 Ужъ на что я была не замѣна великая?
 Не дала ты мнѣ, кормилица, на ножки подынуться?
 Не дала мнѣ, кормилица, съ вышнимъ ростомъ свер-
     стatisя ¹⁾).

Я кабыть вѣтка-вѣточка, молода отрастелиночка,
 Мнѣ не въ годы привязалось зло-великое горе,
 Не въ пору мнѣ привязались горючія слезы,
 Молодымъ я молодехонька, зеленымъ-зеленехонька.
 Годовилиы-ровесницы во ребенкахъ шатаются,—²⁾
 Меня красаву дѣвицу стали замужъ давать.

(Сестрѣ: если остается старше не выданная).

Я росла, бѣдная, вырастывала
 За горой за высокою—за сестрицей родимою,
 Не слывала красна-дѣвица взрослой дѣвицей,
 Не держала я на головѣ дорогой дѣвьей красоты.
 Ты, кормилица моя родимая матушка,
 Какъ издается на чужой сторонѣ житѣе неиздаточно,
 Ужъ я вѣкъ буду забѣдовать ³⁾ на родимую матушку.
 Какъ издается—накрасуется, не издается—напозо-
     рится ⁴⁾).

Мнѣ отъ матушки родимой все горе привязалось,
 Отъ кормилицы-жалостницы всѣ слезы проливалися.
 Вы чего убоялися, чего устрашилися?
 Моего ли недородства, худого худославыца?
 Я худого худославыца падъ людьми ненавидѣла,
 Надъ собой вѣкъ не взначалася.
 Я жила у родителей тише воды, тише вешной,
 Ниже травы шелковыя.
 Не въ доростѣ траву шелковую съ корешка подкосили,
 Не въ доцвѣтѣ цвѣты лазуревы сорывали,—

¹⁾ Съ вышнимъ ростомъ сверстatisя—сравняться съ совершенно взрослыми дѣвицами.

²⁾ Сверстницы собираются на пражъ и вечеринкахъ съ малолѣтними.

³⁾ Досадовать.

⁴⁾ Натерпится худого.

Не въ доростѣ меня красну дѣвицу стали замужъ
выдавать.

Мнѣ не дали родители пожить покрасоватися.

Меня вздумала кормилица давать на чужу-дальню
сторону.

Мнѣ не ровня чужъ-отецкой сынъ ни ростомъ, ни до-
роднествомъ¹).

Мнѣ не ровня чужъ-отецкой сынъ ни бѣльствомъ, ни
румянствомъ²),

Май не ровня чужъ-отецкой сынъ ни умомъ, да ни
разумомъ.

Вы не съ ровней сверсталися, честные родители!

Вы не съ ровней спозналися, честные родители!

Я была роду не малаго, была роду славо-славнаго,

Я была въ роду почетная, во всемъ міру хваленая.

По тому роду-племени надо бы не въ томъ мѣстѣ быть,
Не за тѣмъ человѣкомъ.

Да не тѣ вы кони кованы во дворѣ постояли,

Да не тѣ бы люди добрые за столами сидѣли,

Да не та бы сватья княжая понизку поклонилася.

У меня бы тѣ кони кованы въ сторонѣ постояли,

Меня бы тѣ люди добрые въ умѣ подержали,

У меня бы та сватья княжая на печи посидѣла.

Ужъ счастки мои бѣдны! худой талантъ горе-горькій!

(Братьямъ). Кабы у меня были въ домѣ соколы-братцы родимые,
Меня не дали бы соколы братцы давать на чужу сторону.

По росту я недоросточекъ, по годамъ не невѣста:

„Ужъ пускай живетъ-красуется красной дѣвицей“.

У меня тѣ соколы-братцы въ долгу не случилися,

У меня тѣ соколы-братцы въ гульбѣ молодецкой.

Ужъ какъ много наживаются самаго золата-серебра.

(Дѣвицамъ). Крестовая сестрица³), по правую руку подружница!
Крестовая сестрица, по лѣвую руку подружница!

Вы красуйтесь, мои сестрицы, на запасъ накрасуйтесь!

Веселитесь, мои сестрицы, да на вѣкъ навеселитесь!

¹⁾ Дородствомъ.

²⁾ Ни бѣлизною, ни румянцемъ.

³⁾ Дочь крестпаго отца или матери.

Я рада бы красоватися, да красота не красуетъ,
Сердце не веселить.

Покуль¹⁾ добры-жалостливы до васъ честные родители,
Жалость у родителей до поры до времени,
До часу до единаго.

Какъ пойдутъ съ чужой стороны большіе сватовцы,
Какъ пойдутъ у твоего батюшки рѣдкіе отказы,
А съ чужой-то стороны того чаще приказы²⁾.
Такъ тебѣ бы послѣ меня зимы не зимовать, лѣта не
лѣтовать!

Какъ тебя красну дѣвицу бѣемъ³⁾ отбиваютъ,
Отымбомъ отымаютъ.

(Дѣвушки подносятъ подарокъ).

Спасибо тебѣ, сестрица, на большомъ подаренъицѣ,
На честномъ приношеньицѣ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ.

II. На дѣвичникѣ.

(Парнямъ). Летѣли ясны соколы съ перелету-лету дальняго
О золотѣ крыльѣ, о серебряномъ перѣѣ,

У темныхъ лѣсовъ вершинокъ крыльемъ не задѣвали,
Съ слѣсу хвойки зеленые на землю не опускали.

Прилетѣли ясные соколы къ намъ на широкую улицу,
Заходили добрые молодцы къ намъ на дворъ въ новый—
городъ.

Посидите, ясные соколы, во саду во зеленомъ,
Посмотрите, ясны соколы, на мой садъ на зеленый.
Я во томъ саду вспоена была, вскормлена,
Мнѣ во томъ саду во зеленомъ рядили прѣтное платье.
Изъ того саду зеленаго я ходила-красовалась,
Изъ того саду зеленаго стали замужъ выдавать.

(Парню). Не быть саду зеленому, а быть двору нову-городу,
Не быть ясну соколу, а быть удалу добру молодцу.
Удалой-то добрый молодецъ чужой жалостливѣе брателка.

1) Покуда.

2) Предложеніе.

3) Ви. боецъ. Бѣемъ отбиваютъ—сильно отбиваютъ.

Жалостливый брателко (имя, отчество)!
 Твоя жалость великая на моей буйной головѣ!
 Твоя милость да сердечная по дорогой дѣвьей красотѣ
 Какъ умѣть было со брателкомъ жить-красоватися,
 Было жить красоватися, было ходить-веселитися!
 Не доходиши, а сымаешь со большую шапочку,
 Бѣльна¹⁾ меня человѣка именемъ называешь,
 Бѣльну красну дѣвицу на вотчину взвеличаешь,
 Одного мы Ваги—городу²⁾, одной подвинскія четверти,
 Одной четверти подвинскія, да Кургоменскія³⁾ волости.
 Наша славная-преславная Кургоменская³⁾ волость,
 По правленью волость первая, по уѣзду волость славная!
 Въ Кургоменской славной волости
 Бѣжильцы живутъ богатые—купцы-гости торговые.
 Откуль купцы торговые? Изъ Кургоменской волости.
 Откуль нищіе-просающіе? Изъ.....⁴⁾ волости.
 Костари⁵⁾ тамъ живутъ, братчики, проклятые табачники^{6).}
 (Имя). Ужъ мы вмѣстѣ съ тобой ходили
 Во всѣ четыре стороны,
 Мы сидѣли съ яснымъ соколомъ долгіе вечеренечки,
 Ужъ мы шутку съ тобой шутили въ перебой говорили,
 Я такая была шутливая, ветляная⁷⁾, говорливая.
 Меня по той шуткѣ суровой⁸⁾ называли
 Суровая не смиренная душа красная дѣвица,
 Не слыхала я отъ яснаго сокола
 Ни проносу, ни выносу, смѣху, переговорокъ.
 (Имя). Много далъ тебѣ Господь росту-дороднества,
 Твоему росту-дороднеству много бѣльства и румянства,

¹⁾ Совершенно непонятное слово, м. б. вм. бѣдна.

²⁾ Название тоже непонятное, м. б. отъ слова Вага, тогда следуетъ писать Важ-городу. (Прим. ред.: Вага или Важская область принадлежала В.-Новгороду, занимая часть Арх., Волог. и Олон. губ.).

³⁾ Простонародное Кургоменская отъ Кургомень, правильнѣе официального Кургоминская.

⁴⁾ Название той волости, куда выдаются невѣсты.

⁵⁾ Игрошки въ кости.

⁶⁾ Вел. братчики правильнѣе бражники.

⁷⁾ Неартачивал, пеупримая.

⁸⁾ Земляника.

Тебѣ въ буйну голову ума да разума.
 Твоя умная-разумная на плечахъ голова.
 Горою не матаешь, валомъ не всколыбаешь ¹⁾
 Какъ у тиха-поздня вечера тиха-темная ночь,—
 У смиренна отца-матери живутъ дѣти смиренныя
 У мудрена отца-матери живутъ дѣти мудреныя,
 Живутъ умные-разумные души красныя дѣвицы.
 Пойдешь срядишься-нарядишься лучше князя боярина,
 Лучше купца-гостя торгового.

Тебѣ иѣть цѣны-мѣры ни въ гостяхъ ни въ базарахъ,
 Только есть тебѣ цѣна у солнышка-батюшка
 У своей кормилицы родная матушки.

У отца ты у матери одинъ сынъ одинокій ²⁾

Не для ради работоньки—

Для веселья—для радости—на посмотреньице.

Свѣчи Богу ставить, молебны служать

Да дома вѣку наставлять.

Подай Богъ вспомить-вскормить одинокаго сына
 (парень даетъ гостинцы невѣстѣ и чѣвушкамъ).

Спасибо добру молодцу на любыхъ дорогихъ гостинцахъ!

Ужъ какъ мнѣ несешь, ясенъ соколь, много злата и серебра,
 несешь медовыхъ сладкихъ пряниковъ,

Ты кругомъ всѣхъ одаряешь любыхъ-милыхъ подруженекъ,
 Не жалѣшь ты, добрый молодецъ, ни злата, ни серебра.

(Дѣвицѣ). Не землянка ³⁾ ягодка на горѣ вырастала,

На горѣ на высокой, на крутой на хорошей.

Тутъ не быть землянкѣ ягодкѣ,—

Быть душѣ красной дѣвицѣ.

Золота верба хорошая, люба милая подруженька (имя
 отчество)

Ты какъ будто вѣтка-вѣточка,
 Молода (я) отростелиночка,
 Одного ты лѣта выросла,
 Одныѣ весны красныя.

¹⁾ Баловница.

²⁾ Выражается мудрая осторожность.

³⁾ Единственный.

(Хорь). Ужъ вмѣстѣ съ тобой ходили во всѣ чѣтыре стороны:

Мы во первую сторону ко святой Божьей церкви,
 Къ свѣтлой ранней заутренї, ко причащенной обѣднї.
 Въ одинъ рядъ становилися, одному Богу молилися,
 Клали крестъ пописаному вели поклонъ по ученому.
 Во другу-то сторону на звону колоколенку,
 Мы въ третью-то сторону—
 На кат-катушечки, на соборныя игрища,
 Мы идемъ путемъ-дорогою поемъ веселыя пѣсенки,
 Мы горе не вспоминаемъ, тоски на умъ не беремъ.
 Во четвертую-то сторону на долги вечеренечки:
 Мы подолгу сидѣли поздно-по позднему вечеру,
 Помногу присвѣчивали сухой березовой лучиночки,
 Помногу прирядовали кудреватой куделечки,
 Помногу изопрядовали точеныхъ веретеночекъ ¹⁾,
 Помногу прихватывали глухи-темныя оченъки;
 Ужъ мы тѣмъ ночку коротали—пѣли веселыя пѣсенки.
 Все прошло-прокатилося дѣвье житье-красованыце!
 Единъ часъ показалося дѣвье житье-красованыце!

(Имя, отчество).

Прибрала я себѣ подруженьку

Ты изъ милыхъ была милая, изъ любимыхъ-любимая.

Я первый годъ выбирала себѣ ростомъ, дороднествомъ,

Я другой годъ себѣ выбирала умомъ да разумомъ,

Прибрала себѣ подруженьку по уму да по разуму.

Гдѣ мы съ тобой сходилися, тутъ горы становилися,

Гдѣ мы думушку подумывали, тутъ камень вырасталь,

Гдѣ словечко молвили тайно, тутъ подъ камешкомъ по-
 ложили.

Какъ тому да сѣру камню поверхъ воды не бывать!

(Замужнимъ женщинамъ). Не лебедь бѣлая черезъ поле летѣла,

Не отъ той-ли бѣлой лебеди всѣ поля забѣльли;

Не отъ буйныхъ головы луга зеленѣли;

Ужъ я глупа, красна-дѣвица, глупа-неразумна,

Съ глупа я слово молвила, не съ пути рѣчь говорила.

¹⁾ Веретенышекъ—отъ верстено.

Какъ бѣльють поля оть бѣлы-зрѣлыхъ нивы,
 Зеленѣютъ зелены луга оть травы шелкѣвой.
 Вспорхнула лебедь бѣлая въ трои новыхъ сѣни.
 Изъ первыхъ бѣлыхъ сѣней она бѣло умывалася
 Изъ другихъ новыхъ сѣней хорошо наряжалася,
 Изъ другихъ-третьихъ сѣней согорда поступала.
 Туть не быть лебедушкѣ,—быть молодой молодицѣ
 Свѣча—бѣлая лебедушка—молодая молодушка

(Имя отчество).

Ты послушай, лебедь бѣлая, что стану говорить:
 Какъ умѣли тебя родители поить-кормить, жаловать,
 Умѣли честны родители житѣ-мѣсто выбрати,
 Тебѣ выбрали житѣ родители-богатое мѣсто,
 Тебѣ свекра смиренаго, тебѣ свекровку мудреную,
 Тебѣ сына почтенаго, грамотѣ поученаго.
 Тебя честны родители, какъ въ зеленъ садѣ посадили
 Тебѣ, лебедь бѣлая, только-жить красоватися,
 Только ходить-веселитися.
 Ты живешь красуешься на чужой-дальний сторонѣ.
 Меня мечтуть-бросаютъ, житья не выбираютъ,
 Житья не выбираютъ, семьи не вычитаютъ¹⁾.
 На чужой сторонѣ нѣть большого домовитаго²⁾
 Самоволенъ-чужъ отецкой сынъ безъ большого домовитаго,
 Самонравенъ-чужъ отецкой сынъ безъ свѣта-батюшки.
 Онъ охочъ чужъ-отецкой сынъ ходить по царевымъ каба-
 камъ

По долгимъ вечеренечкамъ.

(Если свекоръ есть, то поется такъ):

На свекра на строптиваго, на свекорку на журливую.
 Миѣ страшно тамъ кажется, страшна чужа-дальняя сторона,
 Того страшище-пристрашище миѣ гроза молодецкая.
 (Женщина даетъ спасибо.) (Мужику, имѣющему дѣтей):
 Катился младъ, свѣтель мѣсяцъ по окатисту небу,
 Передъ мѣсяцемъ катилось всхоже красное солнышко.

¹⁾ Не принимаютъ въ расчетъ.

²⁾ Если нѣть свекра, то стихъ этотъ и слѣд. четыре не поются.

Кругомъ мѣсяца обсыпали часты-мелкія звѣздочки.
 Ужъ какъ младъ-свѣтель мѣсяцъ—ты удалый, добрый моло-
 децъ,
 Всхоже-красное солнышко—твой, сударь, батюшка,
 Какъ заря-то свѣтло-ранняя—твоя родимая матушка,
 Какъ звѣзда подвосточная—твоя жена молодая,
 Часты-мелкія звѣздочки—твои малыя дѣточки,

(Имя отчество мужчины).

Какъ житѣе ваше богатое-полно—синее море!
 Ты не знаешь во своемъ житѣи ни убыли, ни прибыли,
 Ни убыли, ни прибыли ни вѣхѣбѣ, ни вѣ соли.
 Ты дороденъ добрый молодецъ—добрымъ людямъ не за-
 видуешь.

(Старостѣ или к.-л. изъ сельской власти).
 Тебѣ весь міръ покоряется, тебѣ весь народъ поклоняется,
 Ты живешь, добрый молодецъ, судьей да начальникомъ,
 Твоя умная-разумная на плечахъ голова,
 Ума-разума вѣ головѣ палата бѣлокаменная,—
 Горою не шатаешь, валомъ не всколыбаешь.
 Ты красуйся, добрый молодецъ, на запасъ накрасуйся!
 Веселись, добрый молодецъ, на вѣкъ навеселися!
 А я рада бы красоватися, да красота не красуетъ.
 Часы мои часуются, времена временяются.
 Удалой ты, добрый молодецъ, Иванъ Александровичъ!
 Ты послушай, добрый молодецъ, что стану говорить:
 Тебя знаютъ добра молодца люди добрые,
 Люди добрые, всѣ судіи, начальники,
 Купцы-гости торговые.

По записи С. В. И. сообщилъ:

Н. Козминъ.

Вопли Новгородской губернії.

Издаваемые вопли собраны въ Новгородской губерніи въ 1904-1906 г. воспитанниками Новгородской учительской семинаріи. Записаны они по специальной просьбѣ со словъ исполнительницъ. Несомнѣнно интересные съ бытовой стороны, восприводимые вопли недостаточно цѣнны въ лингвистическомъ отношеніи; —собиратели, по неопытности, отчасти и по школьному чувству литературной грамотности, не могли уловить и передать всѣхъ оттенковъ народнаго произношенія.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что воспитанники учительскихъ семинарій, почти исключительно дѣти деревни, представляютъ изъ себя благодарный элементъ для фольклора; при ихъ помощи можно бы собрать послѣдніе остатки народнаго творчества, отъ которого черезъ одно, много два поколѣнія въ народной массѣ останутся одни воспоминанія.

- I. 1) Погостико-ся да, родно дитятко,
 Да у насъ, у сиротинушекъ,
 Что въ остаточки да въ послѣдошки;
 И дюглади-ко да, родно дитятко,
 Да на своихъ-то да на малыхъ дѣтушечкъ:
 Они малы да и глупы.
 Какъ пойдутъ-то да на чужу сторонушку,
 Да некому ихъ прислать-то сиротинушечкъ:
 И да нѣть у нихъ кормильца батюшка;
 И какъ они-то понатолкаются и пашляются
 Да на чужой на сторонушкѣ,
 Понашляются, понатолкаются
 По чужимъ-то да и по людямъ,
 И какъ придется злодѣй-то-горюшко;
 И колъ вынесутъ они на своихъ-то сердцахъ
 Кручинушку горькую.
- II. 2) Ты моя да, государынька!
 Ты куда да сподобляешься?

¹⁾ Записанъ въ дер. Проказово, Кемецкой вол., Валдайского уѣзда, со словъ Аины Павловны Базовой,—грамотной крестьянки.

²⁾ Записано въ дер. Погорѣлецъ, Кузьминской вол., Тихвинского уѣзда, отъ крестьянки Пелагеи Васильевны, специалистки-плакальщицы.

Ты куда снаряжаешься?
 Ты не въ гости да не къ праздничку,
 Ты справляешься да сподобляешься,
 Что ко Спасу да на круты горы,
 Въ безвѣстную да во сторонушку,
 Во неузнанную да во украинку.
 Какъ располятся-то рѣчки быстрыя,
 Со лужковъ-то вода выбѣжить,
 Какъ настанетъ-то лѣто красное,
 Какъ поскопятся птички пташечки,
 Сѣры малыи кукушечки, —
 Ты моя-то, государынька,
 Прилети да птичкой пташечкой,
 Что сѣрой-то кукушечкой,
 Ужъ какъ я буду сиротинушкой
 На широкой-то гладкой нивушкѣ,
 На тяжелой-то на работушкѣ,
 Прилети ко мнѣ ты поблизехоньку,
 Ужъ ты сядь-то поблизешеньку
 Закукуй-то жалобнешенько.
 Ужъ какъ я-то пораздумаю, сиротинушка:
 Это не птичка, это не пташечка,
 А прилетѣла къ сиротинушкѣ
 Что государынька-то родна матушка
 Со мной думушку подумати,
 Тайныхъ басенокъ побаяти,
 Поразнесть тоски-кручинушки,
 Что великой да обидушки; —
 Безъ тебя-то, государынька,
 Не сть кѣмъ думушки подумати,
 Тайныхъ басенокъ побаяти,
 Поразнесть тоски-кручинушки;
 Ужъ какъ безъ тебя-то моя матушка;
 Ужъ какъ мнѣ-то, сиротинушкѣ,
 Не къ кому прикачнуть буйной головушки;
 Ужъ какъ я-то, сиротинушка,
 Отъ камушка откатилася,
 Отъ сырой да земли зародилася.

III. 1) Ужъ ты, лада моя милая!
 Какъ тебѣ да лада милая,
 Скора смертонька случилася
 Отъ людей-то да отъ буйныхъ;
 Проломили да буйну голову,
 Пропустили да кровь рудовую.
 Я звала да въ дорогі гости
 Своихъ да малыхъ дѣтушекъ, —
 Какъ твоя да лада милая
 Не подаетъ да жизни — голосу;
 Изъ-подъ матушки сыры земли
 Нѣть ие выходу, ие выгѣзду:
 Не береть сыра-земля
 Ни злата-то, ни серебра,
 А береть сыра-земля
 Тѣломъ да вѣдь все бѣльимъ;
 Ужъ ты, лада моя милая!
 Ты судьба моя законная!
 Во торги ли ты во ярмонки,
 Во матушку-ли во Божью церковь?
 Эхъ, глупая я не умная,
 Сама да я не разумна:
 Не въ торги да я не во ярмарки,
 Во матушку сыру-землю,
 Во пески да во желтые!

(Боровичскій уѣздъ)

IV. Не корабль съ мѣста крятается
 А мой тятенька сподобляется
 Подъ матушку да подъ сыру землю!
 Да ты скажи, кормилецъ тятенька,
 Да ты когда къ намъ въ гости будешь?
 По утру ли ты ранехонько,
 Въ вечеру ли ты позднехонько?
 Мы будемъ ждать, да дожидатся

¹⁾ Записано въ с. Коломна, Перегинской в. Старорусского у.; исполнительница неграмотная крестьянка Елена Денисова; плакальщица.

Мы тебя, кормильца батюшка;
 Да какъ ты пойдешь, кормилецъ тятечка!
 Лѣсомъ темнымъ, полямъ чистымъ,
 Станемъ по росту примѣчать,
 По лицу да признавати;
 А какъ полетишь да вольной пташечкой,
 Не узнать и не замѣтить...
 Ты прощайся, кормилецъ тятечка,
 Ты съ сосѣдами и съ сосѣдками
 И съ сосѣднимъ малымъ дѣтушкамъ,
 Со лѣсомъ-то со темнымъ,
 Со лугами да со зелеными
 Со рѣками да со быстрыми!

(Тамъ же)

V. ¹⁾ Отлетѣлъ ты, маленькая пташечка,
 Ты отъ батюшки, отъ матушки,
 Ты на чужу-дальню сторонушку,
 Ты на вѣки-то вѣковѣчные.
 Прилети ты, маленька пташечка,
 Посреди-то лѣтичка теплого,
 Когда распустится нашъ зеленый садъ
 И расцвѣтутъ всякие цвѣтики!
 Прилети ты сърой пташечкой,
 Сядь на яблоньку на сахарную,
 Залой хорошенъкимъ ты соловушкомъ,
 Чтобы батюшка съ батюшкой догадались,
 Во зеленый садъ похваталися;
 Какъ поймали бы эту пташечку,
 Этую птичку во бѣлы руки,
 И сказали бы этой пташечки:
 Ты скажи намъ, пташечка!—
 Что ты, какого рода племени,—
 Какого ты поколѣньяца?
 Ты не нашего ль рода-племени?

¹⁾ Записано въ с. Коломна, Перегинской в. Старорусского у. отъ крестьянки Елены Денисовой.

Ты не нашего ль поколъница?
 Мы узнаемъ маленьку пташечку
 По бѣлымъ волосамъ, по бѣлому лицу,
 По хорошему наряженъицу.
 Унимали мы маленьку пташечку:
 «Останься ты маленька пташечка,
 На родной то на сторонушкѣ.»
 Намъ отвѣчаетъ родима пташечка:
 Да ты скажы, кормилецъ тятенька,
 «Что не останусь я, батюшка съ матушкой,
 Я не на вашей-то сторонушкѣ,—
 Тамъ вѣдь жизнь-то гораздъ хорошая,
 Тамъ и хлѣба-то хлѣбородные,
 Тамъ и люди-то доброродные!—
 Удалая-ты головушка!

VI. 1) Стоишь ты не въ саду зеленымъ,
 А стоишь во матушкѣ Божьей церкви,
 Проводяте тебя отцы духовныи
 Поютъ пѣсни церковныя.
 Спросу я у тебя, горькая сиротинушка,
 Куда ты собралася, снарядилася,
 Въ которую путь-дороженьку?—
 Въ безвѣстну сторонушку...
 Ужъ не дождаться мнѣ, сиротинушкѣ,
 Ни письма, ни вѣсточки!
 Спросу я у тебя, горька сиротинушка—
 Кому ты отказалъ желаньице-раденьице—
 До насть сиротинушкѣ?
 Попрошу я тебя, удалую головушку,
 Какъ настанетъ лѣто красное,
 Запоютъ залетны малы пташечки,
 Прилетай наша буйная головушка
 Въ дорогіи гости, садися съ намъ,
 Во зеленый садъ, на сладку яблоньку!
 Я буду ходить во зеленый садъ,
 Буду слушать этихъ малыхъ пташечекъ,

¹⁾ Тамъ-же.

Примѣчать тебя буйну головушку
 Ни по крылышкамъ, ни по перушкамъ,
 А по своей крови горячей;
 Вынесу я въ этотъ зеленый садъ
 Дубовый столъ со бѣлой скатерью,
 Принесу кушанья сахаровы
 И нахормлю я этихъ малыхъ пташечекъ.

Солдатскіе вопли.

VII. Ужъ ты, мило мое дитятко !
 Ужъ ты, милое, любимое !
 Ты сойдешь да, мило дитятко,
 Въ города да понизовые !
 Ты пиши да письма-грамотку !
 Не перомъ да не черниламъ (и),
 Посылай да мило дитятко
 Ты со вольною со пташечкой,
 Ты со вольною да со лѣтнею !
 Прилетитъ да вольна пташечка
 Сядеть на зеленое да деревцо,
 Подъ косящее окопечко,
 Я глядѣть да буду горька матика
 Во красно оконечко на вольную пташечку ;
 Я приму горька матика письмо-грамотку
 Я прижму да къ ретивому сердцу.

(Боровичский уѣздъ)

VIII. *) Хорошіе добрые молодцы !
 Спросимъ мы у васъ горькихъ сиротушекъ :
 Куда спрашиваетесь, снаряжаетесь ?
 Въ которую путь дороженьку ?
 Мы сами знаемъ горькіи сиротушки,
 Мы сами знаемъ, что не своей волей идетѣ вы,
 А гонять васъ начальники военные,
 На эту службу государскую,

На чужую дальнюю сторонушку.
 Полпрошу я тебя, сиротинушка:
 Пиши ты скорописныи бѣлы грамотки!
 Буду я, сиротинушка, дожидать эти бѣлы вѣсточки,
 Ужо прижму я эту бѣлу вѣсточку
 Ко своей груди бѣлой,
 Къ ретиву сердечушку.
 Безъ тебя, горькой добрый молодецъ,
 Понавѣютъ вѣтры буйные,
 Понабають люди добрые
 Про насть гортихъ сиротинушекъ

* *

*

IX. *) Ужъ вы, большія птички немаленькія,
 Ужъ вы слетите, сѣренкія пташечки!
 — У васъ маленькія легонкія крыльшки;
 — Ужъ на чужую вы красну сторонушку,
 Во невѣрную землюшку,
 На восходъ краснаго солнышка!
 Ужъ вы, слетите, сѣрыя пташечки!
 Вынесите-ка письмо-грамоту,
 Вы удалымъ нашимъ головушкамъ!
 Разскажите, маленькія пташечки,
 Вы удалымъ нашимъ головушкамъ,
 Что это писано у насть горемычныхъ
 Не перомъ и не чернилами,—
 А все писано горючими слезами!
 — Еще спросите, сѣрыя пташечки,
 У удалыхъ головушекъ про ихъ житье несчастное,
 Несчастное про военное:
 Что позагнаны удалы головушки
 Во чужую-то дальню сторонушку,
 Разлучены они съ молодыми женами
 И со своими-то малыми дѣтушками;
 Они не слышатъ тамъ и не звона-то колокольяго,
 И питья-то не пьютъ церковнаго,

*) Тамъ-же.

Не въ своихъ они живутъ горницахъ,
 Да не на мягкихъ спать постелюшкахъ,
 Не на пуховыхъ-то на подушечкахъ!
 Жалко удалыхъ намъ головушекъ,
 Что они мыкаютъ горе лютое.

По записямъ воспитанниковъ Новгородской учительской семинаріи сообщаиль:

А. Суворовскій.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ С. Раевскаго.

(1840-хъ годовъ).

I.

Колоколоподражательная пѣснь Коломенского дѣячка Евдокима Ксенофонтовича Лобанова при встрѣчѣ на колокольнѣ имъ Императора Александра I-го.

Тоненькимъ голосомъ или малыми колоколами.	}	Царь Государь, Ѣдетъ царь Государь, Царь, царь Государь.
Толстымъ голосомъ или большимъ колоколомъ.		Орелъ Ѣдетъ, Орелъ Ѣдетъ, Орелъ Ѣдетъ.
Тоненькимъ голосомъ.	}	Съ кукуевой горки Въ сѣверну страну.
Толстымъ. голосомъ.		къ Петромъ заведенному Граду Святому, Граду Святому, По благовѣсту... у...у...у...у...

II.

Пѣсня короляковъ (въ переводе).

Дѣвка плачетъ
На морскомъ берегу;
Вверхъ глядитъ,
Внизъ глядитъ:
Внизу ъдеть лодочка,
Ажно въ лодочки батюшка.
«Ой, батюшка, батюшка,
Возьми меня въ лодочку».
—Нѣту, дочка, мѣстечка
Поди, дочка, на Шведской берегъ,
Есть тамъ
Дорогихъ сукончиковъ
И пестрыхъ камешковъ.

III.

Слезное слово къ брату.

Еще былъ у меня гдѣ-то
Милый братъ.
Изъ полей лучшее поле,
Милый братъ.
Изъ поля лучшій крестоцъ,
Милый братъ.
Изъ крестца лучшая горсть
Милый братъ.
Изъ снопа лучшій колось
Милый братъ.
Изъ колоса лучшее зерно
Милый братъ.

Сообщила Е. Е.

О л я нъ

(киргизская любовная пѣснь).

Лицо твое какъ наливное яблочко,
Сокъ усть твоихъ какъ медъ;
Быть можетъ, въ раю Хуры¹⁾ красивѣе тебя,
На этомъ же свѣтѣ нѣть тебѣ равной.
Ты роза изъ цвѣтника «Багъ-Ирана»,²⁾.
Смотрю на тебя и, какъ соловей среди розъ, я теряю
сознаніе...

Ты роза лишь только разцвѣтшая, и, пока ты цвѣтешь,
Будъ милосердной: обѣщай мнѣ свиданіе!
Ротикъ твой какъ нераскрывшійся бутонъ...
Однѣ лишь какой-нибудь отшельникъ не влюбится въ тебя.
Не узнавъ сладости наслажденья, человѣку
Нельзя умирать, на подобіе звѣря.
Тѣло твое дышитъ ароматомъ Райханы,³⁾
Глаза твои сляютъ, а зубы—слоновая кость.
Какъ солнце, дающее свѣтъ землѣ,
Такъ и ты родилась для того, чтобы плѣнить всѣхъ собою.
Пальцы рукъ твоихъ, какъ камышъ на рѣкѣ Акъ-Идылѣ;
Твоя рѣчъ и ланиты красивы...
И мечта о тебѣ, бриллантъ⁴⁾ мой, вносить свѣтъ въ мою
темную юрту;
Нѣть на свѣтѣ ничего, что было бы достойно тебя,
Серебро ты мое драгоценное.

¹⁾ Гурій.

²⁾ Багъ-Иранъ. По поводу происхожденія этого названія намъ сообщено слѣдующее преданіе: нѣкогда въ Персіи былъ царемъ Фридаусъ; онъ приказалъ развести такой садъ, которому подобного нельзя было найти во всемъ свѣтѣ.

Вотъ и насадили въ нѣсколько десятковъ лѣтъ около города Тегерана такой роскошный садъ, что на землѣ не было равнаго ему по красотѣ, водѣ, деревьямъ и цвѣтамъ; съ тѣхъ поръ всякий садъ, отличающійся необыкновенною красотою, называются Багъ-Иранъ по странѣ, въ которой онъ находился: садъ Ирана, садъ Персіи.

³⁾ Райханъ—пахучая трава—базиликъ.⁴⁾ Султанъ-ходжинъ называлъ «шамъ-чрахъ», что значитъ лу чъ с вѣчи, т.-е. бриллантъ.

Улыбкой твоей ты сводишь съ ума всѣхъ на свѣтѣ.
 При видѣ походки твоей, при проходѣ вглубь юрты,
 Думаешь,—вотъ идетъ Хуръ-дѣвица.
 Гибкій станъ твой стройнѣй балдыргана,⁵⁾
 Юная свѣжесть твоя поспорить съ румяной талинкой...
 Пава-красавица, ты ловче марала;
 Ты одна лишь, одна въ моихъ думахъ.

(Переведено съ киргизской рукописи, написанной киргизомъ Чимкентскаго уѣзда, Арысовской волости, Майлыш-ходжа Султанъ-Ходжинымъ.)

А. Диваевъ.

Киргизские афоризмы.

I. Дерево, рубленное топоромъ, оживаетъ и вновь растетъ, тѣло израненное саблей, излѣчивается, а рана, нанесенная языкомъ, не заживаетъ и не поддается никакимъ лѣченіямъ.

II. Противъ каждой горящей силы есть средство тушенія, а именно: огонь тушится водой, ядъ — лѣкарствомъ, горе — терпѣньемъ, любовь — разлукою, но противъ огня злобы и вражды нѣть никакихъ средствъ.

III. Истинного друга можно спознать при большомъ горѣ.

IV. Если родилось отъ отца шестеро сыновей, то пятеро изъ нихъ должны быть рабами, а одинъ бекомъ. Если же всѣ шестеро будутъ въ разъ беками, то самыя обширныя горныя долины покажутся имъ тѣсными.

(Переведено съ рукописи киргиза Ногай-Куринской волости, Чимкентскаго уѣзда, Иркембека Ахембекова.)

А. Диваевъ.

⁵⁾ Балдырганъ — борцовникъ.

Критика и библіографія.

Révész. Rassen und Geisteskrankheiten. „Archiv f. Anthropologie“ № F. B. VI. N. 2—3.

Мы обращаемъ внимание этнографовъ на эту небольшую работу, представляющую, по нашему мнѣнію, для нашей науки значительный интересъ. Изученіе психическихъ заболѣваній среди народовъ малокультурныхъ должно пролить свѣтъ на многія представленія ихъ, особенно касающіяся ихъ религіозныхъ вѣрованій. Извѣстно, что лишь опредѣленными психическими состояніями можно, напримѣръ, объяснить шаманство и шаманская дѣйствія. Этими же состояніями и переживающимъ во время ихъ можно будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, объяснить и вѣру въ реальность видѣній, возрѣнія на смерть и иѣкоторыя болѣзни. Припомнимъ особую форму истеріи, которую Révész называетъ Reptilienbesessenheit—увѣренность, что внутри тѣла живетъ змѣя, ягушка и т. д. которая могла вползти, конечно, однимъ путемъ: черезъ ротъ во время сна; припомнимъ другіе виды «одержимости», «бѣснованія» и пр.—Révész систематизируетъ по материальному материалу, собранные по интересующему его вопросу. Считая, что причиною психическихъ заболѣваній у культурныхъ народовъ являются преимущественно инфекціонныя заболѣванія, интоксикація (особенно алкоголемъ), наслѣдственность—также и неприспособляемость къ быстрому росту культуры слабыхъ субъектовъ (такъ необычайный культурный ростъ Японіи послѣдняго времени вызвалъ значительное увеличеніе процента психическихъ заболѣваній)—Révész прослѣживаетъ различныя формы психозовъ у народовъ полу-и малокультурныхъ, также и причины ихъ. При этомъ оказывается, что иѣкоторыя болѣзни несомнѣнно носятъ международный характеръ и имѣютъ причину въ свойствахъ присущихъ всему человѣчеству. Мы приведемъ, со словъ Révész'a, иѣкоторые виды психическихъ заболѣваній у народовъ малокультурныхъ. Народы Африки весьма подвержены психическимъ болѣзнямъ; причинами ихъ являются алкоголизмъ, также и куреніе одуряющаго растенія дагги, вида конопли. Между этими болѣзнями можно отмѣтить сонницу у народовъ западнаго побережья къ сѣверу и югу отъ теченія р. Конго. Болѣзнь начинается сильною головною болью, дрожаніемъ всѣхъ членовъ; внезапно больной

останавливается въ работѣ, она валится у него изъ рукъ и онъ впадает въ сонъ. Въ часы обѣда онъ просыпается, ѓсть — но между тѣмъ худѣеть. Болѣзнь длится нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ — и считается смертельной. Причиной ея нѣкоторые врачи признаютъ укусъ одного насѣкомаго. Какую богатую почву въ объясненіи болѣзни даетъ малоразвитой фантазіи такое поражающее воображеніе заболѣваніе. Весьма распространены психозы среди малайцевъ, что объясняется нѣкоторыми изслѣдователями слабою душевною противостоящимъ способностями малайцевъ. Интересна болѣзнь *latah*, которая заключается въ непривычномъ подражаніи движеніямъ и словамъ. Несвязные звуки или слова сопровождаются непривычными движениями. Это начинается, когда испугаютъ больного или когда передъ нимъ дѣлаютъ какія-нибудь движенія или произносятъ слова или фразы. Онъ повторяетъ движенія (*Echokinesia*) и слова (*Echolalia*). Иногда достаточно бываетъ одного взгляда на больного сопровождаемаго движеніемъ, чтобы вызвать повтореніе движенія или слова со стороны больного. Умственныхъ способности при этомъ остаются въ полной силѣ; онъ также не страдаетъ при этомъ другими формами психическихъ заболѣваній, ни истеріей, ни неврастенией. Наслѣдственность играетъ большую роль въ этой форме психоза; особенно часто страдаютъ ю молодыя женщины. Сходное съ *latah* заболеваніе встрѣчается у тагаловъ подъ названіемъ *mali-mali*, у сіамцевъ подъ именемъ *bahitschi*, у бирманцевъ подъ именемъ *uapi*; у айновъ подобные же симптомы проявляются при болѣзни *imubacco*. *Latah* сближаются и съ сибирскимъ мераченьемъ. Наконецъ, *Gilles de la Tourette*, по словамъ *Révész'a*, наблюдалъ аналогичный случай въ Парижѣ. У малайцевъ же, и только у нихъ, особенно на Целебесѣ и Мадурѣ, встречается извѣстная болѣзнь *amok* (*Amoklaufen*). Это — форма переходящаго психоза. Послѣ сильнаго потрясенія на больного нападаетъ припадокъ отчаянія. Потомъ вдругъ онъ схватываетъ свой ножъ, выбѣгаетъ изъ дома, бѣгає, какъ безумный, и поражаетъ каждого встрѣчнаго. Состояніе продолжается нѣсколько часовъ или нѣсколько дней и кончается состояніемъ, похожимъ на столбнякъ. Иногда припадокъ кончается самоубийствомъ. Взгляды специалистовъ на это болѣзненное проявленіе не сходятся; нѣкоторые приписываютъ его отравленію опiumомъ, другие считаютъ его за эпилепсію, треты видятъ причину его въ неспособности малайцевъ сдерживать свои чувства и страсти. Интересно, что во время припадка больной видить черныхъ и красныхъ пятна передъ глазами, звѣрей и демоновъ; о своихъ поступкахъ больной не помнить.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія болѣзнь, наблюдавшаяся у жителей Гренландіи. Когда они находятся въ своихъ утыхъ каюкахъ на освѣщенной моремъ поверхности моря, на нихъ нападаетъ иногда головокруженіе, рвота, и чувство томящаго страха. Нѣкоторые указываютъ, что больные этой болѣзнию (*Kajakschwindel*, опредѣляетъ ее *Révész*) всѣ долголѣтніе курильщики; другие, что заболеваніе связано съ чрезмѣрнымъ употребленіемъ кофе; треты сближаютъ ее съ извѣстной агорафобіей. Мы привели здесь нѣсколько примѣровъ изъ статьи

Révész'a, чтобы показать, какія интересныя формы заболѣваній въ области психики можно наблюдать среди малокультурныхъ народовъ. Намъ хотѣлось бы также выразить пожеланіе, чтобы психическая заболѣванія у нашихъ инородцевъ стали предметомъ болѣе обстоятельнаго медицинскаго изслѣдованія. Это дало бы серьезный и важный материалъ какъ медикамъ, такъ и этнографамъ. Лишь тогда, когда психический міръ малокультурныхъ народовъ будетъ всецѣло освѣщенъ—этнографія въ объясненіи нѣкоторыхъ представленій, отсюда и виѣнскихъ проявленій вѣрованій культа,—будетъ идти не ощущью, не путемъ догадокъ, но произнесеть окончательное и вѣрное сужденіе. Въ частности намъ хотѣлось обратить вниманіе изслѣдователей еще на одинъ вопросъ—а именно на важность изученія психического міра и психическихъ заболѣваній у дѣтей. Дѣтскій міръ въ некультурномъ обществѣ вообще мало изученъ. Между тѣмъ мы позволимъ себѣ указать хотя бы на одинъ интересный фактъ: на случаи обязательнаго участія дѣтей—въ религіозной жизни племени. Дѣтямъ отведена была опредѣленная роль, напримѣръ въ ежегодномъ празднике камчадаловъ, описанномъ такъ детально Крашенинниковымъ (Описание земли Камчатки, II, глава 13); болѣе ясно опредѣлена ихъ роль, напримѣръ, въ священной плясѣ (the Medecine Dance) чайеннновъ. Здѣсь имъ поручается подъ руководствомъ шамана выпѣлить изображенія разныхъ животныхъ: буйволъ, лосей, антилопъ, птицъ и пр. съ тѣмъ, чтобы вызвать обиліе дичи (Dorsey, the Cheyenne, I. Ceremonial Organisation. Chicago 1905 р. 49). Участіе дѣтей въ религіозной жизни племени, въ обрядахъ могло имѣть самые разнообразные источники. Можетъ быть, однимъ изъ нихъ была восприимчивость дѣтей къ психическому переживанію. Что дѣти у некультурныхъ народовъ особенно склонны къ гипнозу и внушеніямъ, доказываютъ многочисленные примѣры изъ такъ называемыхъ обрядовъ посвященія. Révész ссылается, между прочимъ, на свидѣтельство одного изслѣдователя, отмѣтившаго необычайное количество нервнобольныхъ среди крестьянского населенія Вандеи. Такъ же сильно развита истерія у дѣтей. Случай нервнаго возбужденія, доводящаго до галлюцинацій, зрительныхъ и слуховыхъ, навѣрное нерѣдки среди малолѣтнихъ у некультурныхъ народовъ. Наконецъ, если мы возьмемъ въ свидѣтельство народное творчество, мы въ сказкахъ, отражающихъ несомнѣнно возврѣнія народа, среди жизненныхъ образовъ, встрѣчимъ типы дѣтей-волшебниковъ, дѣтей одаренныхъ высшей силой. Такъ у Кастрена (Vorlesungen) въ самойской сказѣ мы читаемъ про мальчика, который былъ большой соня: онъ все спалъ и спалъ! Сны этого мальчика были вѣщи и дальнѣйшія приключения его въ продолженіи сказки, когда онъ уже выросъ, обнаруживаются какъ бы ненормального субъекта. Въ африканскихъ сказкахъ мы особенно часто встрѣчаемся съ одаренными сверхъестественной силой дѣтьми. Въ этомъ, кстати намъ кажется, отразилось съ одной стороны вѣра народа, что у дѣтей можетъ быть сверхъестественная сила, съ другой—что эта вѣра могла возникнуть на основаніи наблюдений надъ ненормальнымъ состоя-

иением истерическихъ и первыхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе психического мѣра дѣтей у малокультурныхъ народовъ представляетъ благодарную задачу для этнографа.

B. X—на.

L. de Milhoué. Bod-lyou ou Tibet. Le paradis des moines. Paris, 1906. 304 стр.

Означенная книга составляетъ 12 томъ изданій музея Гиме (*Annales du Musée Guimet*. Томе douzième) въ Парижѣ и даетъ подробное описание Тибета, этой загадочной страны, тщательно оберегаемой отъ посѣщеній иностранцевъ. Миссионеры Западной Европы, путешественники разныхъ странъ съ давнихъ порь пытались проникнуть въ нее; попытки эти обыкновенно бывали или мало—или безуспѣшины. Преслѣдствіемъ служилъ религіозный фанатизмъ тибетскихъ монаховъ, власть и значеніе которыхъ очень велики. Тѣмъ не менѣе миссионеры были первыми европейцами, проникнувшими въ Тибетъ и сообщившими свѣдѣнія объ этой странѣ.—Авторъ названного труда называетъ многихъ европейцевъ уже въ 13 в. посѣщавшихъ Тибетъ, и приводить ихъ отзывы, часто противорѣчивые, о жителяхъ и условіяхъ жизни, въ этой чужой землѣ; затѣмъ авторъ даетъ сжатый географический очеркъ Тибета, кратко указываетъ на иѣкоторые обычая народа (при свадьбахъ, похоронахъ и т. д.), на устройство ихъ жилищъ, которыхъ отличаются самыемъ первобытнымъ характеромъ и въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою палатки, исключеніемъ служать немногіе дворцы, храмы, монастыри; давъ свѣдѣнія о цицѣ тибетцевъ, авторъ довольно подробно останавливается на ихъ костюмѣ (на его материалахъ, покроѣ, главныхъ частяхъ), который единообразенъ по формѣ какъ въ различныхъ мѣстностяхъ Тибета, такъ и у различныхъ сословій. Женское платье походить на мужское, но на вѣмъ преобладаютъ украшенія; особенно любить женщины украшать голову, и ихъ головные уборы бываютъ затѣйливы и разнообразны. Затронувъ вопросъ обѣ образованіи въ Тибетѣ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о книгопечатаніи въ этой странѣ. Искусство это перешло сюда изъ Китая въ весьма отдаленную эпоху и сдѣлалось здѣсь очень употребительнымъ. Для печатанія книги не пользуются подвижными буквами, а гравированными досками, приготовленными очень тщательно. Почти всѣ тибетскіе монастыри имѣютъ печатни, гдѣ приготавляются священные книги, талисманы, амулеты и др. подобныя вещи, которые продаются въ монастыряхъ. Книги представляютъ собою нешитые листы, помѣщаемые между двумя досками и связываемые лентою. Часто книги снабжаются очень тонкими и хорошо сдѣланными рисунками.

Указавъ на занятія тибетцевъ (земледѣліе, ремесла, торговлю), авторъ всю вторую часть своего труда посвящаетъ религіи и культу тибетцевъ. На религіозныхъ воззрѣніяхъ этого народа авторъ останавливается подробнѣе потому, что они имѣютъ огромное значеніе въ жизни

страны, ими обусловлены всѣ условия существованія. Въ 5 в. д. Р. Х. проповѣдники буддизма явились въ Тибетъ и проповѣдь ихъ постепенно становилась усиливше, несмотря на противодействія представителей уже существовавшей здѣсь религіи. Въ концѣ концовъ Тибетъ сталъ важнымъ центромъ буддизма, покрылся буддийскими монастырями, а главный городъ его сталъ резиденцией Далай-Ламы, этого воплощенія Будды. Авторъ подробно излагаетъ исторію развитія буддизма въ Тибетѣ, исторію монастырей, выясняетъ ихъ влияніе на народъ, даетъ интересныя свѣдѣнія о сектахъ, тибетскомъ пантеонѣ (при чёмъ прилагаетъ рисунки, изображающіе божества), о принадлежащихъ культа (музыкальные инструменты, вертишіе цилинды, на которыхъ написаны молитвы, амулеты и т. п.), о монахахъ, волшебникахъ, гадателяхъ; однимъ словомъ рисуетъ подробную картину язычества, процвѣтавшаго въ этой замкнутой горами и оберегаемаго всячески его представителями—ламами; жизнь послѣднихъ здѣсь настолько обеспечена и хорошо обставлена, что авторъ, сопоставивъ ее съ жизнью всего народа, называетъ Тибетъ раемъ монаховъ.

Трудъ L. de Millouët является полезнымъ вкладомъ въ литературу о Тибетѣ и представляетъ большой интересъ въ виду малой изслѣдованности этой страны и ея еще не разсѣянной таинственности.

E. E.

Weber, Otto. Die Literatur der Babyeonier und Assyrer Lpz. 1907. 312 S. mit 1 Schrifttafel und 2 Abbildungen.

Раскопки на мѣстѣ древнихъ Вавилоніи и Ассиріи дали огромное количество клинописной литературы, разборомъ и изученіемъ которой тщательно занимаются въ послѣднее время. Книга Вебера представляетъ собою прекрасный обзоръ этой въ высшей степени интересной литературы Востока. Уже не разъ появлялись на Западѣ ученые работы, посвященные этому вопросу; авторъ разбираемой книги упоминаетъ о нихъ въ предисловіи къ своему труду—(это между прочимъ «Kurggefasster Überblick über die babylonisch-assyrische Literatur» Bezoldа и «Literatura Assira» Feloni) и, указывая на массу еще далеко не изученного материала, находитъ невозможнымъ написать полную исторію литературы Вавилоніи и Ассиріи. Несмотря на это, книга Вебера является очень богатой по материалу и интересной по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ авторъ. Сжато и ясно сообщаетъ онъ о сумерійцахъ и семитахъ, о ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, о изобрѣтеніи клинописи и ея развитіи; характеризуетъ въ общемъ поэтическую литературу, сообщаетъ легенды, религіозные мифы и стоящіе въ связи съ ними гимны и молитвы. Обширный отдѣль отведенъ Веберомъ литературѣ магической: заклинаньямъ и заговорамъ, изречениямъ оракуловъ и разнообразными приѣтствами.—Исторические тексты, исторические памятники, научные трактаты—все это входитъ въ указанный трудъ Вебера. Послѣдний от-

Дѣль посвященъ авторомъ произведеніямъ народнаго творчества—баснямъ о животныхъ, пословицамъ, нравоучительнымъ изреченіямъ. Въ басняхъ главными дѣйствующими лицами являются лисица, лошадь, быкъ и иѣк. др., къ сожалѣнію текстъ этихъ басенъ сильно попорченъ и не позволяетъ подробно изучить ихъ характеръ. Интересны нравоученія: въ нихъ отразилась и религіозность и наблюдательность ихъ создателей: «кто боится боговъ, тотъ не будетъ страдать»; «молитва заглаживаетъ грѣхъ»; «молчаніемъ успокаивай твой духъ»; «не раскрывай широко ротъ, береги зубы», и т. п. Пословицы довольно многословны и по духу своему приближаются къ приведеннымъ изреченіямъ.

При каждой главѣ даны библіографіческія указанія, въ концѣ приложены изображенія клинообразныхъ надписей и древнійшихъ іероглифическихъ знаковъ.

Богатство матеріала дѣлаетъ книгу Вебера полезнѣйшимъ подспорьемъ при ознакомленіи съ древне-ассиро-ававлонской литературой.— Не лишне добавить, что означенный трудъ представляетъ собою второй добавочный томъ журнала «Der alte Orient.»

E. E.

Ulmer, Friedric, Dr.: Hammurabi, sein Land und seine Zeit.
Lpz. 1907 г. 35 S. mit 3 Abbildungen.

Brandenburg, Erich, Dr.: Phrygien und seine Stellung im Kleinasiatischen Kulturreis. Lpz. 1907. 31 S. mit 15 Abbildungen.

Объ указанныя брошюры представляютъ собою первый и второй выпускъ журнала Der alte Orient за 1907 годъ. Журналъ этотъ съ 1902 года далъ цѣлый рядъ брошюръ на темы, связанныя съ раскопками въ древнихъ Вавилоніи, Ассиріи, Египтѣ, М. Азіи.

Сжато изложенія, эти брошюры даютъ необыкновенно интересныя свѣдѣнія о древнемъ Востокѣ; обыкновено въ каждомъ выпускѣ есть библіографіческія указанія, пользуясь которыми, всегда можно пополнить и расширить даваемыя брошюрами свѣдѣнія.—

Вышеуказанный 1 выпускъ 1907 г. знакомить читателя со страною и эпохой извѣстнаго царя-законодателя Гаммураби. Давъ въ краткихъ чертахъ картину развитія Вавилона, упомянувъ царей предшественниковъ, авторъ сообщаетъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыхъ удалось отыскать о Гаммураби; они касаются его, главнымъ образомъ, какъ законодателя, поэтому его сводъ законовъ и является основнымъ источникомъ для характеристики какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ отношеній его времени. При дворѣ Гаммураби существовала огромная библіотека; раскопки послѣднихъ десятилѣтій дали возможность найти ее чутъ ли не цѣликомъ, благодаря чему свѣдѣнія объ эпохѣ царя-законодателя значительно расширились. О религіозныхъ учрежденіяхъ, школахъ, врачахъ и т. п. древняго Вавилона можно судить по найденнымъ литературымъ богатствамъ, и брошюра Ulmer'a, указавъ источники, вкратцѣ

даетъ общий обзоръ какъ общественной, такъ и частной жизни Вавилоніи при Гаммураби.—

Статья Brandenburg'a (2 в.) выясняетъ значение для Фригійской культуры и описываетъ археологическая находки, сдѣланныя въ этой странѣ, причемъ особенно останавливается на фригійскихъ фасадахъ, которые были открыты въ 1800 г. Ликумъ (Leake). Объ этихъ фасадахъ не мало сообщалось учеными археологами, серьезно изучавшими ихъ въ послѣднія десятилѣтія. Эти фасады вырублены въ скалахъ, точиль—склоны скаль отточены въ формѣ фасадовъ и изукрашены различными фигурами звѣрей (огромные львы) или просто квадратнымъ орнаментомъ. Изложеніе автора прекрасно пополняется приложенными рисунками, которые позволяютъ составить себѣ болѣе точное представление о памятникахъ древней Фригіи. Эти вырубленные въ скалахъ фасады представляютъ собою надгробные памятники и при огромности своихъ размѣровъ поражаютъ правильностью линій. Авторъ заключаетъ свою статью предположеніемъ о связи этихъ памятниковъ фригійской архитектуры съ греческими художественными постройками.

E. E.

Pradel Fritz, Griechische und Süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters. Giessen 1907. 403 S.

Заговоры и заклинанія языческой древности, основанные на упорной, непоколебимой вѣрѣ въ силу человѣческаго слова, перешли въ христіанскій міръ, и здѣсь продолжали свое существованіе, измѣненные по виѣшности, но въ существѣ оставшіеся тѣми же.

Средніе вѣка были эпохой особенно пышнаго расцвѣта всякихъ магическихъ наукъ, отсюда и обилие заклинательныхъ молитвъ въ это время. Религіозныя, христіанскія представленія, события, изображаемыя въ Св. Писаніи, огромная апокрифическая литература—все это дало материалъ для заклинательныхъ молитвъ, которыя смѣнили заговорные формулы язычества. Творческая фантазія не останавливалась ни передъ чѣмъ, лишь бы изыскать такія сочетанія словъ, которымъ предохранили бы человѣка отъ грозящихъ ему отовсюду несчастій, отъ темной, враждебной силы. Все, что съ точки зреінія христіанина, было могущественно, доброжелательно, неизмѣнно помѣщалось въ словесныя формулы, которыми и ограждались всегда трепещущія души. Имя Господа Бога, Пр. Дѣвы, архангеловъ, святыхъ вводятся въ заклинанія, которые составляются или въ формѣ бесѣды святыхъ съ демонами; или въ формѣ изложенія какого-ниб. события изъ жизни И. Христа, заключающагося заговорнымъ оборотомъ; или наконецъ въ видѣ молитвъ, въ которыхъ обращеніе къ Господу Богу перемѣшивается со странными пожеланіями. Изученіе этихъ заклинательныхъ молитвъ вводить изслѣдователя въ міръ демоновъ, чудовищъ, необычайныхъ олицетвореній—это съ одной стороны, съ другой—даетъ возможность опредѣлить тѣ представленія,

которые связывались въ міровоззрѣніи средневѣковаго человѣка съ христіанскими понятіями. Изученію текста греческихъ молитвъ, найденныхъ въ одной средневѣковой итальянской (венецианской) рукописи и составленныхъ для изгнанія демоновъ и исцѣленія людей и скота отъ разныхъ болѣзней, посвященъ трудъ Pradel'я. Связь этихъ молитвъ съ апокрифами отмѣчена изслѣдователемъ, указаны и нити, связующія ихъ съ древневосточными традиціями, опредѣлено отчасти и мѣсто если не возникновенія, то долгаго пребыванія этихъ греч. молитвъ (Критъ), такъ же, какъ и заговорныхъ итальянскихъ текстовъ (Сицилія). Замѣчанія и указанія автора очень интересны и цѣнны, вслѣдствіе чего книга Pradel'я не можетъ быть пропущена безъ вниманія при изученіи заговоровъ и заклинаній.

Трудъ Pradel'я, представляя собою законченное произведеніе, относится къ серіи работъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о магической литературѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ—серіи, издаваемой подъ редакціей Альбрехта Дитриха (Albrecht Dieterich) и Рихарда Вюнша (Richard Wünsch) подъ заглавіемъ *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten* (III Band. 3. Heft).

E. E.

Delehaye Hippolyte, S. J. Bollandiste: Les légendes hagiographiques. Bruxelles 1906. Deuxième édition.

Житія святыхъ представляютъ собою интереснѣйшій литературный памятникъ, независимо отъ своего религіознаго значенія; въ нихъ изслѣдователь имѣть возможность ознакомиться и съ чертами быта того народа, среди которого составлялись житія, съ его нравственными и религіозными воззрѣніями и съ историческими событиями. Не разъ житія святыхъ дѣлались предметомъ всестороннаго изученія, причемъ неоднажды изслѣдователями обращалось вниманіе какъ на слѣды такихъ идей и воззрѣній, которыхъ не соотвѣтствовали христіанскому міровоззрѣнію, такъ и на то, что въ житіяхъ слышались мотивы фольклористические. Книга Delehaye является значительнымъ вкладомъ въ агиографическую литературу, кроме того она имѣть значеніе и для занимающихся произведеніями народнаго творчества, вслѣдствіе того, что авторъ затрагиваетъ интересный вопросъ о дѣятельности народной фантазіи и о тѣхъ законахъ, которымъ она подчиняется. Авторъ отмѣчаетъ ту крупную роль, которую играло народное поэтическое творчество въ процессѣ созданія религіозной легенды, поконившейся, въ большинствѣ случаевъ, на историческихъ данныхъ, на фактахъ дѣйствительности. Народное поэтическое творчество шло своимъ обычнымъ путемъ, оно прежде всего, стирало индивидуальные черты известнаго лица и создавало типъ, оно упощало дѣйствіе и стушало краски, выдвигало основные черты, давало схемы, не стѣсняясь ни мѣстомъ ни временемъ, дѣлало странныхъ соединеній. Вслѣдствіе такой работы поэтической фантазіи житія святыхъ приобрѣли фольклористический элементъ и явились въ

нарядной одежды поэтической легенды. Авторъ обращаетъ серьезное вниманіе на эту сторону житій, выдѣляясь переживаніемъ дохристіанскіхъ идей и мотивы, имѣющіе лишь чисто виѣшнюю связь съ житійными сюжетами. Выводы автора имѣютъ значеніе для агіологовъ, какъ и самыи трудъ, но нѣкоторыя главы прочутятся съ пользою и интересомъ всѣми, кто, изучая произведенія народнаго творчества, старался выяснить процессъ ихъ созданія, видоизмѣненій и развитія.

Языкъ книги необычайно легкій и ясный, матеріалъ собранъ обильный, библіографическая указанія разнообразныя и многочисленныя—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ трудъ автора достойнымъ вниманія.

E. E.

М. А. Мошковъ. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава, стр. XVII + 239. Ц. 2 р.

Настоящая книга представляетъ линіе доказательство того, впрочемъ безспорнаго и раньше, положенія, что можно быть одновременно авторомъ хорошихъ работъ описательного характера и никуда негоднымъ изслѣдователемъ. Работа г. Мошкова о гагаузахъ безспорно представляеть интересъ, настоящая же книга, если и интересна, то исключительно въ качествѣ курьеза. Свою теорію авторъ рекомендуетъ «составленной по даннымъ зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографіи, исторіи и статистики», но на самомъ дѣлѣ каждая изъ этихъ семи наукъ въ отдельности и всѣ они въ совокупности чиколько не повинны въ томъ употребленіи, какое изъ нихъ сдѣлано въ настоящей книгѣ. Авторъ берется за рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ проблемъ антропологии и этнографіи, и рѣшаетъ ихъ, надо отдать справедливость, очень радикально, но эти рѣшенія неимѣютъ ничего общаго съ наукой. Научный методъ у автора совершенно отсутствуетъ и всѣ его построенія по своей бездоказательности и наивности, представляютъ что-то архаическое, какой-то анахронизмъ въ современной литературѣ.

«Новая теорія», даваемая г. Мошковымъ, довольно проста. Современное человѣчество—гибридный видъ и произошло изъ смѣщенія дилювіального человѣка, высокаго, бѣлокураго долихоcefала, обладавшаго геніальными способностями, съ питекантропомъ, низкорослымъ, темноволосымъ брахиcefаломъ, плохо одареннымъ въ умственномъ отношеніи. Такъ какъ всѣ народы произошли отъ дилювіального человѣка, то это, по мнѣнію автора, достаточно объясняетъ черты сходства, наблюдаемыя даже между самыми отдаленными племенами, а такъ какъ примѣси питекантроповъ были не одинаковы во всѣхъ случаяхъ, то этимъ достаточно объясняются черты различій. На этой канвѣ г. Мошковъ развиваетъ дальнѣйшіе узоры. Дилювіальные женщины, почему то думаетъ онъ, всѣ вымерли и въ смѣщеніе вступали именно мужчины—люди съ

самками питекантропа; отсюда получилось, что женщины сохранили въ себѣ гораздо больше чертъ питекантропа и потому являются низшими существами въ сравненіи съ мужчиной, болѣе близкими къ дилювиальному человѣку. Доказывается все это чрезвычайно просто: «Съ точки зрењія нашей теоріи большей умственной силой обладаютъ тѣ изъ людей, въ жилахъ которыхъ течетъ болѣе крови бѣлого дилювіального человѣка. А съдовательно, если женщина въ обществѣ стоитъ ниже мужчины, то это самое доказываетъ ея большую близость къ питекантропу» (стр. 140). Нужно ли добавлять, что женщины надѣлены, конечно, всевозможными пороками, среди которыхъ такие, какъ: «живость, жадность и консерватизмъ», отнюдь не самые тяжкіе, и что всѣ эти неистинные качества настолько присущи женщинамъ, что возводятся даже въ степень вторичныхъ половыхъ признаковъ (стр. 124).

Покончивъ съ женскимъ вопросомъ, г. Мошковъ, столь же удачно рѣшасть и вопросъ социальный. «Между сословіями, говорить онъ, существуетъ различіе не только соціальное, но и антропологическое, т.-е. различіе въ умственномъ и физическомъ отношеніи, которое никакими законами уничтожить нельзя» (стр. 163). Различіе это сводится къ тому, что у высшихъ сословій сохранилось больше чертъ геніального дилювіального человѣка, у низшихъ—преимущественно черты тупого, питекантропа. Думать иначе, по мнѣнію автора, можетъ только тотъ, «кто ни на волосъ не вѣрить людямъ» и «предполагаетъ въ человѣчествѣ неизброятную массу лжи и подлости, и кроме того, дѣлаетъ эту подлость всемирной» (стр. 165). Г. Мошковъ пробуетъ приводить доказательства своихъ положеній, но о цѣнѣ этихъ доказательствъ можно судить хотя бы потому, что болѣе раннее наступленіе зрености у лицъ высшихъ сословій—и то приписывается антропологическому различію (стр. 170). Простой ученый объяснилъ бы этотъ фактъ лучшими условіями жизни и въ частности лучшимъ питаніемъ, ну, а при составленіи теоріи по даннымъ семи наукъ сразу пришлось опять вытащить на сцену питекантропа.

Про болѣе частныя положенія нечего и говорить. Тутъ такая пустаница, одна нелѣпца такъ цѣпляется за другую, что разобраться въ нихъ неѣть возможности. То же и съ отдельными конкретными фактами, впрочемъ, вообще довольно скучными: ни слѣда провѣрки, ни малѣйшаго критического отношенія къ нимъ.

А. Максимовъ.

Перетцъ, В. Н. Новые данные для исторіи старинной украинской лирики. («Ізвѣстія. отд. р. я. и слов. И. А. Н., т. XII, кн. 1).

Въ XII томѣ «Ізвѣстій» Отдѣленія русскаго языка и словесности пріятно было замѣтить проявившееся вниманіе ученаго изданія къ народному музыкальному творчеству. По этому вопросу въ «Ізвѣстіяхъ» находимъ интересную по темѣ статью В. Н. Перетца, заглавіе которой выписано выше.

Но, всматриваясь внимательнѣе въ его работу, начинаешь удивляться: зачѣмъ понадобилось авторитетному изданію помѣщать у себя работу, которая не имѣть никакой положительной цѣны для специалистовъ, а неспециалистовъ можетъ вводить только въ заблужденіе. Какую цѣну, спросимъ мы, имѣютъ напѣвы, приведенные у г. Перетца, гдѣ, вмѣсто цефаутнаго ключа, стоять нота *си* (а, можетъ-быть, и другая какая-нибудь, ибо ключа совсѣмъ нѣтъ), а въ концѣ стиховъ, кое-гдѣ и въ срединѣ, вмѣсто одной цѣлой ноты, другъ падь другомъ стоять двѣ. Даже самъ г. Перетцъ, отмѣчая такія мѣста вопросительнымъ знакомъ, повидимому, удивляется получившейся несуразности. Кроме того, г. Перетцъ половинные ноты на современную нотацию переводилъ четвертями для двухъ голосовъ унисономъ, тогда какъ въ рукописномъ оригиналѣ (№ 316 Биб. Синод. Учили.) напѣвы изложены одноголосно. Такимъ образомъ, мелодіи въ своеобразной транскрипції г. Перетца оказались совершенно неузнаваемы. Для него осталось совершенно непонятно значеніе квадратныхъ потерь, а это не такъ ужъ трудно даже и для не особенно свѣдущаго лица.

Результаты работы г-на Перетца таковы: 1) всѣ болѣе чѣмъ 40 страницъ его работы—напрасная трата труда и времени, 2) какъ для того, чтобы разсѣять туманъ всякихъ несообразностей, напечатанныхъ г-мъ Перетцомъ, такъ и по дѣйствительному научному интересу, заключающемся въ маленькой книжечкѣ-рукописи, за № 316, хранящейся въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ, необходимо еще разъ обратить на нее вниманіе серьезныхъ музыкантовъ-этнографовъ и извлечь изъ нея многое интересное, на что г. Перетцъ даже и не обратилъ вниманія.

A. Масловъ.

Графиня П. С. Уварова (редактировала). Материалы по археологии Кавказа. Выпускъ XI. Москва. 1907 г.

Въ составъ XI выпуска материаловъ по археологии Кавказа вошелъ одинъ памятникъ, именно, греческое евангелие, на пергаментѣ, прежде известное подъ именемъ гелатского, а нынѣ названное коридетскимъ. Оно было найдено въ Сванетіи въ монастырѣ Кирики и Улиты полковникомъ Бартоломеемъ въ 1851 г. Впослѣдствіи оно было перенесено въ Гелатский монастырь (близъ Кутаиса), а оттуда передано въ Тифлисъ въ грузинскій церковный музей при Сіонскомъ соборѣ. Нѣкоторое время оно находились въ Берлинѣ, гдѣ имъ занимался проф. Зоденъ. По возвращеніи этого замѣчательного памятника въ Россію, московское археологическое общество предприняло его изданіе, поручивъ его изученіе члену общества И. Е. Евсѣеву.

Весь выпускъ, посвященный коридетскому евангелию, названному такъ по монастырю, которому оно долгое время принадлежало, состоить изъ трехъ частей. Въ немъ помѣщено предисловіе проф. Зодена на немецкомъ языке, результаты изысканий И. Е. Евсѣева и таблицы

Фототипійный (50 листовъ) съ текстомъ евангелія отъ св. Марка, при-
заннаго изслѣдователями болѣе другихъ интереснымъ по варіантамъ.
Проф. Зоденъ, ссылаясь на свой капитальный трудъ «Текстъ Нового
Завѣта въ древнѣшемъ достоиномъ для насть видѣ», доказываетъ:
1) что коридетское евангеліе (050 по обозначенію Зодена) по своему
тексту ближайшимъ образомъ родственno съ двумя списками: одинъ изъ
нихъ Codex Catabrigensis, другой—текстъ, изданный Hoskier'омъ,
причёмъ текстъ коридетскаго евангелія составляетъ связующее звено
между ними; 2) что все три рукописи—представители своеобразнаго
типа, которымъ всего вѣроятѣ передается текстъ, установленный въ
Кесарії Панфіломъ и Еасевіемъ около 300 г., и 3) что этотъ кесса-
рійский текстъ, въ свою очередь, всего ближе къ первоначальному тексту
евангельскому.

Первый отдѣль статьи проф. Зодена посвященъ очисткѣ коридет-
скаго текста, второй—доказательству его родственной связи съ выше-
означенными списками. По мнѣнию г. Еасѣева, коридетское евангеліе
написано въ VIII—IX в., судя по палеографическимъ признакамъ руко-
писи. Двѣ греческія вкладныя записи, датированные временами импер.
Никифора Фоки (970—976) и имп. Андроника (1185—1194), равно
грузинскія приписки, по опредѣлению акад. Броссе, XIV—XV вв.,
устанавливаютъ принадлежность этого евангелія коридетскому монастырю
во имя пр. Богородицы. Топографія этого монастыря въ точности не
установлена, и всего вѣроятнѣе, что онъ находится въ Сванетіи или въ
Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифліской губ. Коридетъ—наименование грузин-
скаго происхожденія, хотя нельзя согласиться съ г. Еасѣевымъ въ
пользованіи его, именно съ комментаріемъ «по-грузински ети-страна».
«Ети»—суфиксъ для образования названія мѣстности, но самъ по себѣ
онъ не означаетъ страну. Жаль, что грузинскія приписки не приведены
и не переведены.

A. Хахановъ.

**Бейлинъ, С. Х. Странствующія, или всемірныя повѣсти и
сказанія въ древне-раввинской письменности.** Иркутскъ. 1907 г.
Ц. 2 р. 50 к.

Вопросъ о странствующихъ певѣстяхъ не разъ уже затрагивался
и разрабатывался изслѣдователями фольклора; до извѣстной степени онъ
представляется рѣшеннымъ, а теорія, созданныя на тщательныхъ изу-
ченіяхъ материала (хотя не безспорная), являются достаточно обоснован-
ными, тѣмъ не менѣе каждое изслѣдованіе, относящееся къ данному
вопросу всегда вызываетъ къ себѣ вниманіе и интересъ. Съ этой точки
зрѣй, появившаяся книга С. Х. Бейлина не можетъ быть обойдена
молчаніемъ. Авторъ задался намѣреніемъ выяснить роль древне-раввин-
ской письменности въ фольклорѣ, въ силу этого онъ, выбравъ нѣсколько
сюжетовъ, наиболѣе часто обрабатываемыхъ въ письменности и чаще
другихъ повторяющихся въ устной передачѣ, подобрая къ нимъ со-

отвѣтствующіе разсказы въ Талмудѣ, Мидрашѣ и Таргумѣ и сдѣлалъ такой выводъ, что «древне-раввинская письменность, какъ литература народа культурнаго съ богатымъ и долгимъ прошлымъ, жившаго и живущаго разбросаннымъ чуть ли не по всему лицу земли и находящагося съ давнихъ временъ въ широкомъ общеніи съ разными племенами и народами, охотно заимствовала у другихъ народовъ и въ то же время щедро давала имъ возвышенные, назидательные и сказочные сюжеты и мотивы...». Такими мотивами и темами авторъ считаетъ многіе и, между прочимъ, сюжетъ о вѣрной и любящей женѣ (легенда о Петрѣ и Февронії), о наказаніи гордаго царя (Сказание о гордомъ Аггеѣ), сюжетъ о смѣтильномъ мужикѣ (пародн. сказка о дѣлевіи гуся), о мудрыхъ рѣшеніяхъ и судахъ; отголоски «книги Товита» онъ видитъ въ рус. народной сказкѣ о Силь-Царевичѣ и Ивашиѣ-Бѣломъ рубашкѣ и въ ея иностраннѣхъ параллеляхъ. Не перечисляя множества разобранныхъ авторомъ странствующихъ сюжетовъ, отмѣтимъ лишь выводъ автора, касающейся специально русской письменности и русской народной словесности. Онъ считаетъ, что древне-раввинная письменность передала свои сюжеты и мотивы русскому народу черезъ хозарь, кіевскихъ и южно-русскихъ евреевъ; изъ нея заимствовалъ русскій эпосъ типъ неѣрной, коварной жены и цѣломудреннаго юноши, оттуда зашелъ мотивъ Шемякина суда и многія другія темы; извѣстная дѣтская пѣсенка «Коза и орѣхи» имѣть своимъ прототипомъ легенду Мидраша.—Для подтвержденія свой мысли о вліяніи древне-раввинской письменности на странствующіе сюжеты повѣстей, легендъ и сказокъ автору понадобилось не мало соотвѣтствующихъ другъ другу произведеній народнаго творчества, вслѣдствіе чего книга С. Х. Бейлина явилась довольно обширнымъ сборникомъ параллелей, взятыхъ изъ литературъ разныхъ народовъ.

E. E.

Записки Восточного Отдѣленія Имп. Рус. Археологич. О-ва
т. XVII, в.в. II—III. СПБ. 1906.

Выпуски II—III Записокъ заключаютъ въ себѣ двѣ статьи *К. Иностранцева*: «Торжественный выѣздъ фатымидскихъ халифовъ» и «Отрывокъ военного трактата изъ сасанидской «Книги установленій» и двѣ статьи *Б. Тураева*: «Эзопскія рукописи въ СПБ—ѣ», «Повѣствование о Добра-Либиноскомъ монастырѣ».

Интересъ къ Абиссиніи, оживившійся въ концѣ 19 в. среди русского общества, былъ причиною болѣе тщательнаго изученія эзопскихъ рукописей, накопившихся въ различныхъ книгохранилищахъ Петербурга. Памятники эзопской письменности не лишены интереса и изученіе ихъ можетъ, безъ сомнѣнія, способствовать рѣшенію различныхъ вопросовъ, возбуждающихся при занятіи стариинными литературными памятниками.

Въ своей статьѣ *Б. Тураевъ* описываетъ эзопскія рукописи, по почерку относящіяся къ XV—XIX вв.; онъ содергать въ себѣ главныи-

образомъ списки книгъ бблейскихъ, евангелій, богослужебныхъ; на ряду съ текстомъ Св. Писанія и церковныхъ пѣснопѣній встрѣчаются заклинанія (противъ укушенія змѣи), магическая молитвы (о связываніи бѣсовъ, противъ болѣзни глазъ, отъ врага), магическая формулы, чертежи, рецепты и т. д. Эти приписки даютъ материалъ для исторіи сувѣрій и открываютъ новые пути слѣдованія заговоровъ и заклинаній въ ихъ переходѣ изъ одной страны въ другую... Въ описываемыхъ рукописяхъ есть и апокрифический материалъ, и сборникъ чудесъ Богородицы въ числѣ излагаемыхъ случаевъ Ея представительства сохранилъ и такие, которые представляютъ собою своеобразный пересказъ странствующихъ сюжетовъ. Въ виду интереса, заключающагося въ юношескихъ рукописяхъ, нельзя не пожелать ихъ изданія цѣликомъ на русскомъ языке (въ частяхъ своихъ онѣ издаются въ трудахъ Б. Тураева).

Во второй своей статьѣ Б. Тураевъ даетъ въ переводѣ нѣкоторыя мѣста изъ одной юношеской рукописи, касающейся Добра-Либиносского монастыря. Неизвѣстный авторъ, очевидно, задался цѣлью выставить значение этого монастыря, «который есть садъ подвиговъ и мѣсто изрядства», поэтому онѣ излагаетъ его уставъ, чинъ службы (здесь интересно указаніе книгъ, предлагаемыхъ для чтенія въ церкви), исторію сооруженія монастыря, перечень настоятелей, извѣстныхъ своею жизнью, и наконецъ сообщаетъ о подвижникахъ обители; заканчивается рукопись монастырскимъ лѣтописцемъ.

Съ интересомъ прочтется агиологами изслѣдованіе Н. Марра о дѣяніи трехъ св. близнецовыхъ-мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа въ древне-грузинскомъ переводе.

E. E.

Ежегодникъ Тобольского Губернского Музея. Выпускъ XV. Тобольскъ. 1906 г.

Не разъ уже на страницахъ нашего журнала указывалось на полезную дѣятельность Тобольского губернского музея и давались отчеты объ издаваемыхъ имъ «Ежегодникахъ». Значеніе провинціальныхъ учрежденій, подобныхъ Тобольскому музею (оно заключаетъ въ себѣ собственно музей и ученое общество при немъ), въ высшей степени велико. Хотя цивилизациія и мало еще проникла въ народъ, но она начинаетъ даже и въ очень удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ уголкахъ оказывать непріятное для этнографа влияніе, стирая черты старинного быта и содѣйствуя исчезновенію народной поэзіи. Сберечь отъ гибели старину гораздо легче, разумѣется, мѣстному обитателю, чѣмъ заѣзжему изъ столицы этнографу. Къ сожалѣнію, музею приходится встрѣчать невниманіе общества къ его дѣятельности и высокими научно-просвѣтительными задачами: «дѣятельность эта длится уже на протяженіи 15 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе мѣстные люди и до сихъ поръ знаютъ музей, по большей части, по наслышкѣ и о дѣятельности его имѣютъ довольно смутныя представленія... Среди мѣстного населения «Ежегодникъ» имѣть

малое распространение» жалуется секретарь музея въ отчетѣ за 1903 г. (вып. XV, стр. 6). Въ настоящее время число членовъ музея увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, по сравненію съ 1903 г., и хотѣлось бы имѣть увѣренность, что выписанные сейчасъ строки уже не соотвѣтствуютъ теперешнему положенію дѣла.

Обратимся къ послѣднему выпуску «Ежегодника». Въ немъ, помимо интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности Музея за 1903—1904 гг. и частью за 1905 г. по протоколамъ и отчетамъ должностныхъ лицъ, помѣщено нѣсколько статей, изъ которыхъ для этнографа интересъ представляютъ только двѣ. Подъ редакціей консерватора музея *В. А. Ивановского* изданы пословицы и поговорки, записанные г. Ивановскимъ и другими лицами въ Тобольской губ.; ихъ всего 1051, расположены онѣ по алфавиту, при чѣмъ отмѣченъ приблизительно районъ ихъ распространенія. Не сличая сборника г. Ивановского съ другими собраніями, укажу только на примѣчанія, въ которыхъ приводятся народныя объясненія пословицъ и случаи ихъ практическаго примѣненія. Это добавленіе интересно для характеристики того, какъ теперь народъ понимаетъ пословицы, а также для объясненія происхожденія пословицъ вообще; иногда приводимый въ примѣчаніи разсказъ «служить иллюстраціей къ пословицѣ» (стр. 19). Просмотримъ нѣсколько пословицъ. «И такъ лѣни много, а тутъ еще тянутся»—говорится о людяхъ, которые любять «потягиваться»; если они это дѣлаютъ, стоя передъ человѣкомъ или глядя на него, это считается вреднымъ для того человѣка, почему и говорить въ такомъ случаѣ: «тянись на локоть, да на собачай ноготь», т.-е. на предметы нечувствительные. «На большой дорогѣ трава не растетъ»—говорится о бездѣтности женщинъ при извѣстныхъ условіяхъ. «Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять, чтобы «щи были горячи, а каша масляни»—говорится о нераспорядительной, лѣнивой женѣ. Тутъ же приводится «побывальщик» о женѣ-лѣнтийкѣ, благодаря которой мужъ весь обносился, оборвался. «Говорить мужъ женѣ съ укоромъ:—ну, умру я, во что ты меня одѣнешь?»—«Не беспокойся: наряжу, наряжу...» Мужъ однажды притворился мертвымъ: что-де жена будетъ дѣлать, какъ его нарядить. Взяла жена клубокъ пряжи и ну обматывать мужа. Обмотала, обмотала, сѣла выти и причитать:—куда ты, сердешный, собрался?—Мужъ не вытерпѣлъ и отвѣчаетъ: «по рыбѣ, по рыбѣ...» Всталъ и давай жену бить. «Помогали курвы денежки прожить, не помогутъ курвы лямочку тащить». Пословица говорить о караванныхъ рабочихъ, прогуливающихъ заработанные деньги. Хотя запись далеко не фонетическая, но и діалектологъ можетъ кое-что извлечь для себя изъ нея, особенно по части словарного материала. Для примѣра укажемъ: вору—по дѣму, б...—по путѣ (= пути); каковъ корень, таковы и отростки; на печѣ цѣны не уставиши, охоча *варакуша* до орѣховъ, да зубовъ нѣть; сидѣть па стулѣ, какъ чортъ въ каструльѣ; было бы съ кѣмъ рѣчь вести и рѣка брести и т. п. Другая статья представляетъ начало перевода сочиненія: „Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Von U. T. Sirelius. Helsingfors. 1903“, представляющаго результатъ путешествія автора по Сибири.

Въ разбираемомъ выпускѣ «Ежегодника» напечатаны главы, касающіяся обработки шкуръ, прядильного искусства, принадлежностей для шитья и ткацкаго дѣла. Переводъ снабженъ массой рисунковъ и фотографій, помогающихъ получению отчетливаго представления о домашнихъ ремеслахъ остыковъ и вогуловъ. Желая приспособить сочиненіе д-ра Сиреліуса для руководства при пользованіи коллекціями музея, редакціонная комиссія снабдила переводъ примѣчаніями, содержащими указанія на имѣющіеся въ коллекціяхъ музея предметы, упомянутые Сиреліусомъ, а отчасти и не упомянутые имъ.

Пожелаемъ въ заключеніе дальнѣйшаго процвѣтанія какъ самому музею, такъ и его печатному органу.

H. B. B.

Большаковъ. Община у зырянъ. «Живая старина» 1, 2, 3, и 4-я кн. за 1906 г.

Авторъ взялся разрѣшить сложную и трудную задачу. Онъ не только изучаетъ исторію земельныхъ отношеній зырянъ, но—всѣ условія, повліявшия на эти отношенія. Главныя его положенія сводятся къ слѣдующему.

Правовые воззрѣнія зырянъ выработались, по мнѣнію автора, подъ вліяніемъ естественно-историческихъ особенностей края, быта, занятій зырянъ.

Почему онъ и исторію земельныхъ отношеній зырянъ рассматриваетъ въ тѣсной связи съ исторіей ихъ быта, занятій, въ частности съ развитіемъ земледѣлія.

Эволюція земледѣлія исключительно обязана естественно-историческимъ особенностямъ края. Основныя правовые воззрѣнія зырянъ на землю выработались еще въ тѣ отдаленные времена, когда они были бродячими охотниками и рыболовами. Охотники того времени бродили по всей обширной племенной территории, всюду признавая свое право на охоту и никто исключительного права на ея отдельную часть. Такимъ образомъ земля считалась ничѣй. Это правовое воззрѣніе, по мнѣнію автора, вытекало изъ фактическаго положенія вещей. Охотились зыряне всюду, где хотѣлось.

Зачатки земледѣлія не разрушаютъ этого основного взгляда зырянъ на землю. Но уже самое примитивное земледѣліе, какъ огнево-подсѣчная система, рѣзко меняетъ быть бродячихъ охотниковъ. Охотники становятся осѣдлыми. Осѣдлость сыграла громадную роль. Она произвела разгруппировку племени: извѣстныя лица, связанныя родственными узами, стали селиться по рѣкамъ, часто получая названія отъ имени рѣки: напр., вишерцы и т. п. Осѣдлость повліяла на раздробленіе племенной территории и сказалась на племенной организаціи: она ослабѣвала, а вмѣстѣ съ этимъ росла связь между отдельными группами. Осѣдлость видоизмѣнила организацію самой охоты. Бродячій охотникъ пользовался лукомъ и стрѣлой; осѣдлый охотникъ прокладываетъ тропинки, такъ называемые «путики», гдѣ онъ разставляетъ ловушки,

силья; онъ неподалеку отъ тропинокъ строить лѣсную избушку «вёр-кера». Охота осѣдлого зырянина сосредоточивается на известномъ определенномъ участкѣ.

Вся эта рѣзкая перемѣна быта не нарушаетъ основного правового воззрѣнія зырянъ на землю. Зырянинъ сознаетъ все свое право охотиться, гдѣ онъ хочетъ, вырубить лѣсъ, гдѣ ему вздумается, но уже практически использовать свое право онъ не можетъ.

Подѣчно-огневая система быстро уступила свое мѣсто залежной системѣ, мѣстами она прямо перешла въ трехпольную систему. Залежная система больше сузила территорію зырянина-землевладѣльца. Она требуетъ за собой больше ухода и потому неудобно было имѣть участки за 40—60 верстъ, какъ при огнево-подѣчной системѣ. Залежные участки образовывались вокругъ дома на разстояніи не болѣе десяти верстъ. Это вызвало стремленіе отдельныхъ селеній сконцентрировать участки вокругъ своего селенія. Затѣмъ залежная система быстро перешла въ трехпольную. При трехпольной системѣ имѣть участки земель на разстояніи болѣе 4—5 верстъ не приходится, иначе эксплоатациѣ участковъ дѣлается невозможной. Какъ авторъ замѣчаетъ: «трехпольное хозяйство завершило тотъ процессъ раздробленія племенной территоїи, начало которого мы констатировали, говоря о переходѣ зырянъ отъ бродячаго охотничьяго быта къ осѣдлому». Трехпольная система окончательно сузила территорію землевладѣльца-зырянина, но не поколебала его основного правового воззрѣнія на землю. И теперь зырянинъ сознаетъ свое право прикладывать свой трудъ въ любомъ мѣстѣ.

Земля существуетъ, чтобы на ней трудиться. Онъ расчищаетъ участокъ, гдѣ ему вздумается. Извѣстное приложеніе труда на расчистку участка дѣлаетъ для другихъ этотъ участокъ неприкосновеннымъ, или, какъ авторъ выражается, накладываетъ своеобразное «табу». Затраты труда по расчисткѣ участка даютъ зырянину право пользоваться имъ. Право пользованія онъ можетъ передать другому лицу, продать, отдать за дочерью, какъ приданое: по онъ продаѣтъ не землю, а только затраченный имъ трудъ на расчистку участка. Онъ пользуется участкомъ, пока на немъ трудится. Стоитъ ему оставить участокъ, запустить его, показать, что онъ больше не хочетъ работать на немъ, какъ всякий другой можетъ занять его, расчистить, удобрить и пользоваться имъ. Расчистившій участокъ приобрѣтаетъ право неограниченно пользоваться имъ, или, какъ авторъ выражается, «владѣть». Здѣсь надо оговориться, что авторъ не различаетъ терминовъ «землепользованіе» и «землевладѣніе».

На протяженіи всей исторіи зырянского землепользованія («землевладѣнія») авторъ различаетъ двѣ эпохи: 1) индивидуальное, или неограничено-трудовое владѣніе, и 2) общинное, или ограничено-трудовое владѣніе. Въ эпоху индивидуального «владѣнія» расчистившій участокъ пользовался имъ неограниченно. Въ эпоху общинного землепользованія («владѣнія») лицо расширившее участокъ, пользуется имъ въ теченіе извѣстнаго срока: 30—60 лѣтъ.

Первая эпоха землепользования («владѣція») уже перешла во вторую, или мѣстами она только еще переходит.

Причинами этого перехода, известнымъ образомъ, служать: уменьшепіе охотничихъ промысловъ и увеличеніе значенія земледѣлія въ экономической жизни зырянъ,—всльдствіе чего населеніе стало больше интересоваться землей; затѣмъ приростъ населенія и отсюда уменьшеніе земельного простора, и, наконецъ, законодѣтельность правительства ускорила процессъ естественнаго развитія общиннаго землепользованія зырянъ.

Свое положеніе обѣ упадкѣ охотничей промысловой жизни авторъ подтверждаетъ нѣкоторыми статистическими данными изъ статьи г. Рума: «Промысловая жизнь Верхне-Вычегодскихъ волостей»,¹⁾ и приводить слѣдующія слова г. Рума, которые являются выводомъ изъ его статистического изслѣдованія: «... въ большинствѣ обществъ охота давно уже утратила роль преобладающаго промысла. Ей, какъ и рыболовству, не принадлежитъ уже доминирующая роль ни въ денежномъ ни въ натуральномъ доходѣ населенія». Г. Большаковъ продолжаетъ: «мѣсто охоты занимаетъ земледѣліе», т.-е. первенствующая роль принадлежитъ земледѣлію.

Земли оказалось мало. Удобныхъ мѣсть для расчистокъ почти совсѣмъ не имѣется. И имѣющаяся земля какъ пахотная такъ, и сѣнокосная, далеко не равномѣрно распределена между отдѣльными семействами и лицами: одни пользуются большими и лучшими по качеству участками, въ то время какъ другіе—маленьими захудальными участками, стоящими близъ болотъ, далеко отъ селеній.

Малоземельные не могутъ расширить своего землепользованія: цегдѣ производить расчистки; оставшіяся мѣста плохи, расчистить ихъ и начать обработку не такъ уже выгодно. И вотъ они начинаютъ смотрѣть иначе на многоземельныхъ крестьянъ, и въ результатѣ этого добиваются раздѣла. Требование раздѣла малоземельными не означаетъ еще, что они хотятъ посагнуть на чужую собственность. Отдѣльные лица, семейства «владѣли» участками только потому, что они приложили труды по въ расчисткѣ. Затрата труда по расчисткѣ участка давала право на его обработку. Обработка участка очень выгодна. Она не только окупаетъ трудъ земледѣльца, но въ теченіе 5—6 лѣтъ покрываются ею всякия издержки и по расчисткѣ.

Многоземельные затрату труда по расчисткѣ вершили давно.

Земля была ничья и когда затрата труда окупилась по расчисткѣ; она должна поступить въ общее пользованіе всѣхъ.

Многоземельные не могли стать на точку зреінія малоземельныхъ. Завязалась между ними борьба. Многоземельные вынуждены были уступить. Возможно, что эта уступка первоначально выражалась частичными отводами.

1) Эта статья напечатана въ сборнике: «Итоги экономического изслѣдованія крестьянского населения Устьысьольского уѣзда».

Борьба между ними и до сихъ поръ продолжается. Малоземельные добились количественного уравненія, но имъ предстоитъ упорная борьба за качественное уравненіе.

Въ большинствѣ случаевъ простыя общины сливаются въ составныя. Причиной такого явленія могло служить то, что въ отдѣльныхъ малоземельныхъ общиныхъ приходилось на єдока земли меныше, чѣмъ въ другихъ.

Часто единицами при разверсткѣ между отдѣльными селеніями составной общинѣ являются не єдоки, а число ревизскихъ душъ. Такая система создаетъ полное уравненіе только внутри отдѣльныхъ селеній. Составная общинѣ бываетъ полная и неполная. Неполная составная общинѣ можетъ быть пахотной или сѣнокосной; чаще всего неполная составная общинѣ бываетъ сѣнокосной. Неполная составная общины переходятъ очень часто въ полныя.

Неполные сѣнокосные общины вызваны особыми условіями: сѣнокосный угодья можно имѣть на разстояніи десятковъ верстъ, тѣгда какъ, пахотныя, уже неудобно имѣть на 5-верстномъ разстояніи. Сѣнокосы отдѣльныхъ селеній часто бываютъ переплетены между собой, т.-е. сѣнокосы отдѣльного селенія подходить къ сосѣднимъ и обратно. Весьма характерно то, что зыряне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ производить уравненіе не со строгой ариѳметической точностью.

Малосемейные єдоки получаютъ пай больше, чѣмъ єдоки изъ большой семьи. Это явленіе вызвано сознаніемъ зырянъ, что малосемейные на небольшихъ ключкахъ не могли бы вести никакого хозяйства.

Продолжая дальше систематизировать земельные отпопенія зырянъ, г. Большаковъ указываетъ, что естественно-историческія особенности сѣвера создали много характерныхъ явленій, и прежде всего—поклоненіе труду.

Жизнь на сѣверѣ была бы невозможна, если бы не существовало увѣренности, что никто другой не воспользуется его трудомъ. Затратой труда по расчисткѣ участка зырянинъ приобрѣталь право неограничено пользоваться участкомъ. Только крайняя пужда заставила зырянина нарушить этотъ принципъ и то не вполнѣ.

Издержки по расчисткѣ окупаются черезъ 5—6 лѣтъ, а онъ пользуется участкомъ въ теченіе 30—60 лѣтъ, послѣ чего участокъ поступаетъ въ общій передѣлъ. Это чрезмѣрное поклоненіе труду живеть среди зырянъ уже какъ вредный пережитокъ, выгодный исключительно многоземельнымъ. Чрезмѣрное поклоненіе труду удерживаетъ малоземельныхъ отъ упорной борьбы за качественное уравненіе.

При передѣлахъ участки числятся за «владѣльцемъ», т.-е. пользователемъ: ему прибавляютъ или часть у него отнимаются, судя по количеству земли.

Многоземельный всегда выдѣляетъ захудалые участки, отданные отъ населенія.

Поклоненіе принципу труда сильно развито и въ самомъ строѣ зырянской семьи. Власть большака очень ограничена: каждый трудящійся членъ семьи имѣть съ нимъ одинаковыя права, равноправны и жи-

щины; каждый участвует въ общей работѣ. Продукты этой работы идутъ на нужды всей семьи.

Отдельный членъ семьи свободное время отъ общей работы можетъ посвящать личнымъ занятіямъ, результаты или плоды которыхъ составляютъ уже его собственность.

Вообще во всѣхъ явленіяхъ зырянской жизни трудовой принципъ проходитъ красной нитью. Зырянинъ и на судѣ не руководствуется положеніями какихъ-то законовъ, чуждыхъ ему, а исключительно трудовымъ принципомъ.

Далѣе, г. Большаковъ указываетъ, что естественно-историческая особенности края не могли создать у зырянъ захватного права. Природныхъ сѣнокосовъ не было, или ихъ площадь была такъ ничтожна, что они не могли имѣть никакого значенія для хозяйства.

Нельзя было производить эксплоатацію участка безъ предварительной затраты труда по его расчисткѣ. Только «трудъ по расчисткѣ даетъ исключительное право на приложеніе труда по обработкѣ». Даже незначительные затраты труда хотя бы въ подготовительной формѣ уже указываютъ на то, что будетъ производиться разработка всего участка. «Часто» затрата труда въ этомъ отношеніи сводится къ простому наложенію мѣтокъ...»

Все это ускользнуло отъ вниманія г. Рума, который признаетъ у зырянъ захватное право даже при «утѣсненіи» въ землѣ.

Г. Большаковъ не совсѣмъ довѣряетъ въ вопросѣ о захватномъ правѣ и г. Кауфману, изслѣдователю общины въ Сибири. Г. Кауфманъ признаетъ «захватъ самъ по себѣ», который однако исчезаетъ при наступлении «утѣсненія» въ землѣ. Г. Кауфманъ, какъ думаетъ авторъ, повидимому, не достаточно уяснилъ себѣ значение трудового принципа въ крестьянской средѣ и сдѣлалъ ошибочный выводъ.

Далѣе, по изслѣдованию г. Большакова, тѣ же своеобразныя условія сѣвера дѣлаютъ занятіе земледѣльемъ невозможнымъ при кочевомъ образѣ жизни. Зыряне съ зачатками земледѣлія становятся осѣдлыми народомъ. Эволюція земледѣлія исключительно обязана естественно-историческимъ особенностямъ края.

Огнево-подсѣтная система представляетъ много неудобствъ: посѣвы часто замерзаютъ, выборъ участка требуетъ много времени и т. д.

Главное неудобство этой системы состоять въ томъ, что использованный участокъ можетъ быть употребленъ для этой цѣли не раньше 40–60 лѣтъ.

Другая система, залежная, не могла долго держаться: она быстро истощаетъ почву, которая на сѣверѣ далеко неплодородна.

И вотъ населеніе поневолѣ должно было перейти къ трехпольной системѣ.

Почва сѣвера и при трехпольной системѣ требуетъ хорошаго удобренія; на каждую десятину приходится вывезти до четырехъ тысячъ пудовъ навоза. Такія условія лишаютъ возможности обрабатывать паштные участки, стоящіе на разстояніи болѣе четырехъ верстъ отъ селенія.

Но обширная съверная площадь очень бѣдна удобными мѣстами для сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодій; на ней производить новыя расчистки возрастающему населенію негдѣ. Оно испытываетъ уже извѣстное «утѣшненіе» въ землѣ. Острая нужда, какую испытываетъ часть населенія отъ малоземелья, можетъ быть удовлетворена только тогда, когда имѣющаяся земля будетъ распределена равномѣрно—раздѣломъ. Самый раздѣлъ не противорѣчить основному правовому воззрѣнію зырянъ на землю, какъ это уже нѣсколько разъ отмѣчалось. Отсюда у зырянъ развилось общинное землепользованіе, развилось естественнымъ путемъ.

Правительственный же вмѣшательства, и то только съ XIX в., ускорили только этотъ процессъ естественного развитія земельныхъ отношеній зырянъ.

Генеральное межеваніе не сыграло, какъ думалъ г. Большаковъ, никакой роли въ развитіи общинного землепользованія зырянъ, и г-жа Ефименко преувеличила вліяніе акта генерального межеванія на земельные отношенія крестьянъ. Этотъ вопросъ является самымъ сложнымъ мѣстомъ въ ея труда.

Земельные отношенія зырянъ, какъ думаетъ авторъ, развивались «въ тѣсной зависимости отъ смѣнившихъ одну другую хозяйственныхъ формъ».

Это приложимо и для другихъ инородцевъ особенно для сибирскихъ. Повидимому, авторъ считаетъ это приложимымъ и для некоторой части русского населения, такъ какъ онъ распространяетъ свое положеніе на все населеніе отъ «береговъ Тихаго океана до Онежскаго озера».

Развитіе земельныхъ отношеній зависѣло отъ единственного экономического фактора—хозяйственныхъ реформъ. Психологические же факторы, какъ расовые, такъ и национальные, не сыграли въ этомъ отношеніи никакого значенія.

Дальшайшая эволюція хозяйства безусловно отразится на земельныхъ отношеніяхъ зырянъ. Составная зырянская община разложится, какъ она разложилась въ Московской губерніи. Зырянская община и общины Московской губерніи стоять только на различныхъ стадіяхъ своего развитія. Экономическая необходимость заставитъ зырянъ перейти къ высшимъ формамъ земледѣлія, въ частности—къ травосѣянію. Необходимость травосѣянія уже теперь ясно сознается зырянами. Новые формы хозяйства не могутъ мириться съ отдаленностью сѣнокосныхъ угодій, чрезполосностью и со всѣми другими неудобствами, существующими при современныхъ земельныхъ отношеніяхъ зырянъ.

Таковы главныя положенія работы г. Большакова.

Авторъ создалъ весьма стройную систему развитія хозяйственныхъ формъ у зырянъ; изучилъ причины, вызвавшія это развитіе и указалъ вліяніе хозяйственныхъ формъ на земельные отношенія зырянъ и на другія ихъ правовые воззрѣнія. Разрѣшеніе такого сложнаго и труднаго вопроса имѣть крупное научное значеніе. Но наука не можетъ увлекаться стройными и красивыми построеніями. Она цѣнить выводы, обоснованные на достаточномъ матеріалѣ, на строго провѣренныхъ фактахъ. Все это у автора значительно отсутствуетъ. Правда, онъ обнару-

жиль нѣкоторую наблюдательность и умѣніе разобраться въ нѣкоторыхъ явленіяхъ сельской жизни. Болѣе или менѣе удачно разобранными могутъ считаться вопросы о захватномъ правѣ зырянъ, о соотношеніяхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій, о значеніи трудового принципа въ зырянской семье. Зато большинство положеній автора окончательно ни на чёмъ не обосновано.

По многимъ вопросамъ авторъ подбираетъ отдельные факты, совершенно игнорируя противорѣчащіе имъ материалы.

Основное правовое воззрѣніе зырянъ, какъ утверждаетъ авторъ, выработалось подъ вліяніемъ ихъ бродячаго охотниччьаго быта. Г. Большаковъ ничуть не смущается тѣмъ, что это положеніе требуетъ научныхъ обоснованій. Онъ фактическимъ материаломъ противопоставляетъ свои голословныя заявленія—зыряне заселили сѣверъ въ доисторичеснія времена. Они были бродячими охотниками и рыболовами. И безъ всякаго стѣсненія авторъ описываетъ быть бродячихъ охотниковъ, орудія ихъ охоты: лукъ и стрѣлу, точно самъ все это наблюдалъ. Однако, это описание не только не научно и ни на чёмъ не обосновано, но и какъ фантастическое произведение неудовлетворительно. Въ описаніи г. Большакова окончательно отсутствуютъ женщины и дѣти. Интересно было бы узнать у автора: женщины и дѣти раздѣляли бродячій образъ жизни взрослыхъ мужчинъ или нѣтъ. Какъ жили на сѣверѣ, когда у нихъ не было жилищъ, какъ совершали передвиженіе по сугробамъ и непроходимымъ болотамъ, что соприжено съ бытомъ бродячихъ охотниковъ. Рисуя доисторическую жизнь зырянъ, авторъ только въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ ссылку на фактическій материалъ: Въ глубокой древности зыряне обитали по берегамъ р. Камы, «на что указываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что зыряне и до сихъ порь Пермскую землю зовутъ комі-му (сокращенное изъ комі-му), т.-е. земля зырянъ».

Г. Большаковъ совершенно не изучалъ исторіи зырянъ. Онъ не искалъ связи между зырянами и другими народами финского племени. Его не интересовалъ вопросъ объ ирано-финскихъ отношеніяхъ, его не занимала исторія материальной культуры финскихъ народовъ; онъ не обратилъ никакого вниманія на археологичеснія данныя. Все это имѣть, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ разбираемому имъ вопросу. Нѣкоторое знакомство съ литературой по всѣмъ этимъ вопросамъ могло бы удержать автора на пути научнаго изслѣдованія отъ ненужныхъ обобщеній. Ему, пожалуй, пришлось бы подумать: зыряне не живлись ли къ берегамъ р. Вычегды и Сысолы съ зачатками земледѣлія и осѣдлой культуры. Но онъ пренебрѣгъ литературой по всѣмъ этимъ вопросамъ, возможно и не зналъ ея. Меня смущаетъ и то, что авторъ не приводить нигдѣ нѣкоторыхъ данныхъ проф. Смирнова, на котораго онъ такъ любить ссылаться. На сѣверѣ, по изслѣдованію проф. Смирнова, обитало племя, дававшее название рѣкъ окончание «ига». Рѣки съ окончаниями на «ига» есть въ Устьсыольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ. Эти данные проф. Смирнова значительно осложнили бы простое, но стройное ученіе г. Большакова о развитіи земельныхъ отношеній зырянъ. Автору пришлось бы

рѣшать вопросъ: зыряне, пришельцы съ береговъ Камы, не столкнулись ли съ этимъ племенемъ, дававшимъ рѣкамъ окончаніе «нга»; пришлось бы доказывать, что эта встрѣча не поколебала основного взгляда зырянъ на землю: земля ни чьи.

Сѣверъ былъ свидѣтелемъ болѣе сложной исторіи, чѣмъ ее предста-
вляетъ г. Большаковъ. Разобраться во всѣхъ явленіяхъ того отдаленного прошлого не такъ уже легко. Не даромъ авторъ предпочелъ научному анализу, собираю новыѣ фактыъ, голословныя утвержденія и свои предположенія.—Зыряне были бродячими охотниками, рыболовами, потомъ, возможно, явились занятія, которыя требовали продолжительного пребыванія на одномъ мѣстѣ. Это (продолжительное пребываніе па одномъ мѣстѣ) послужило переходомъ къ земледѣлію. Земледѣліе вызвало осѣдлость. Какъ все это просто и ясно! Остальная положенія автора, па мой взглядъ, тоже не могутъ быть приняты па вѣру; они остаются не доказанными, всѣ доводы, какіе авторъ приводить въ ихъ пользу, малоубѣдительны.

Положенія автора, что общипное землепользованіе у зырянъ разви-
лось естественнымъ путемъ; что оно явилось слѣдствіемъ извѣстнаго «утѣсненія» въ земль и неравномѣрнаго распределенія имѣющейся земли между отдѣльными семьями и лицами; что Генеральное межеваніе не сыграло никакой роли въ земельныхъ отношеніяхъ зырянъ; что населеніе не считалось съ нимъ; что правительство не могло проводить его въ жизнь, тѣмъ болѣе что образовывались новые поселки послѣ акта Генерального межеванія, а населеніе продолжало производить расчистки въ казенныхъ дачахъ. Отдѣльные селенія составляли составную общину—всѣ эти положенія, па мой взглядъ, требуютъ провѣрки. По-моему, правительственный вмѣшательства и въ частности акты Генерального межеванія безусловно оказали больше вліянія на земельные отношенія зырянъ, чѣмъ думаетъ авторъ.

Г. Большаковъ отдѣльные факты недостаточно полно освѣщаетъ и даетъ имъ часто иную окраску. Напр., онъ не сопоставляетъ числа образованій свободныхъ поселковъ до Генерального межеванія и послѣ этого акта; не объясняетъ уменьшенія числа свободныхъ переселеній послѣ акта Генерального межеванія; и, па мой взглядъ, это явленіе не можетъ быть объяснено иначе, какъ только правительственнымъ вмѣшательствомъ. Удобныя сѣнокосныя площиади въ казенныхъ дачахъ до сихъ поръ не расчищены. Населеніе при крайнемъ «утѣсненіи» въ земль не приступаетъ къ расчисткѣ изъ боязни правительственной кары. Правительство расчистки въ казенныхъ дачахъ, повидимому, преслѣдуется издавна. Уже въ сороковыхъ годахъ населеніе платить правительству оброчныя статьи, достигавшия такой суммы, которая можетъ быть признана разорительной для крестьянства. Расчистки преслѣдовались и внутри крестьянскихъ дачъ, такъ какъ лѣсь и здѣсь принадлежали не крестьянамъ, а правительству. Г. Большаковъ, можетъ быть, не сознавая, подътверждаетъ иное положеніе, совершиенно разрушающее его собственное: «утѣсненіе» въ земль получилось естественнымъ путемъ. Въ одномъ

мѣстъ онъ заявляетъ: наѣ крестьяне завалили прошеніями; они стремятся переселиться на свободные нерасчищенные участки казенныхъ дачь. Зыряне не одного г. Большакова и его товарищей закидываютъ прошеніями. Вопросъ о свободѣ переселеній въ зырянской жизни является вопросомъ острымъ и жгучимъ. Для меня остается загадкой, почему г. Большаковъ, при всѣхъ этихъ данныхъ, отрицаетъ то положеніе, что «утѣшненіе» въ землѣ вызвано искусственно, правительственнымъ вмѣшательствомъ. Къ совсѣмъ инымъ результатамъ пришелъ докторъ Мартыновъ, изслѣдователь печорского края. Онъ достаточно вѣрно и критически основательно оцѣнилъ вліяніе правительственного вмѣшательства на развитіе земледѣлія и на свободу переселеній¹⁾.

Г. Большаковъ умалъ вліяніе правительственного вмѣшательства во взаимныя отпорошія зырянъ. Заявленіе автора, что отдельныя зырянскія селенія слились въ составную общину, ничего не говоритъ. Авторъ не перечисляетъ, какія отмежеванные селенія образовали составную общину. Онъ никакъ не упоминаетъ и о такихъ явленіяхъ: что отдельныя селенія, имѣющія богатыя сѣнокосныя угодія, не хотятъ образовать составную общину, не хотятъ слиться съ селеніями болѣе бѣдными. Богатые всегда защищаютъ свои интересы буквой закона и правительственными распоряженіями. Автору должно быть было неизвѣстно и то, что нарушеніе трудового принципа отдельными лицами и захватъ участковъ не по праву труда большую частью поощряются правительствомъ или его чиновниками. (Исторія Морева и Лѣзумскихъ крестьянъ, Кужскихъ крестьянъ и Ульянова монастыря). На мой взглядъ, г. Большакову слѣдовало бы обратить вниманіе на вліянія русскихъ и правительственного вмѣшательства на взаимныя отношенія зырянъ. Онъ видитъ разложеніе добрыхъ старыхъ отношеній зырянъ. Это разложеніе онъ приписываетъ исключительно вліянію новыхъ, начинаящихся, хозяйственныхъ формъ и голословно отрицаетъ всякие другие факторы, которые можетъ быть, обнаруживаютъ истинныя причины этого разложенія. Утвержденіе автора, что во всѣхъ селеніяхъ, где земледѣліе играетъ первенствующую роль, образовалось общинное землепользованіе, не совсѣмъ вѣрно. До сихъ поръ общинное землепользованіе развито не по всему Сысольскому краю. Во многихъ селеніяхъ по Сысолѣ и теперь существуетъ индивидуальное или неограниченное-трудовое владѣніе, т.-е. «пользованіе». Эти селенія по р. Сысолѣ издавна славились, какъ земледѣльческія; и здесь нѣть особаго земельного простора, судя по статьѣ г. Попова¹⁾. Образованіе общинъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, не могло обойтись безъ классовой борьбы между многоземельными и малоземельными. Весьма жаль, что авторъ не приводитъ статистическихъ данныхъ о распределеніи земли между многоземельными и малоземельными, сколько земли приходилось на юдока въ томъ и другомъ случаѣ; какъ много

¹⁾ С. В. Мартыновъ, «Печорский край», стр. 100, 101, 102.

²⁾ Итоги экономического изслѣдованія крестьянского населения Устьсыольского уѣзда.

было семействъ и лицъ многоземельныхъ и малоземельныхъ. Трудно събратъ эти статистическія данныя тамъ, где община образовалась давно; но это можно сдѣлать было въ тѣхъ селеніяхъ, где къ общинному землепользованію только переходитъ. Авторъ плохо изучалъ тѣ мѣста, где не успѣло еще развиться общинное землепользованіе; онъ мало пользовался архивными данными, особенно сороковыхъ годовъ. Все это могло дать цѣнныя материалы и пришлось бы здѣсь встрѣтиться съ вопросомъ: обременительные налоги не сыграли ли извѣстную роль въ развитіи общинного землепользованія зырянъ.

Авторъ, изучая значеніе трудового принципа въ зырянской семье, упустилъ изъ виду, что зырянская семья имѣть свою исторію. Авторъ не избѣжилъ вопроса: ограничение власти большака и трудовой принципъ въ зырянской семье не являются ли переходной ступенью и все это не совпадаетъ ли съ разложеніемъ патріархальной семьи. Г. Большаковъ изслѣдовалъ правовыя воззрѣнія на землю «зырянъ-охотниковъ» и вопросъ о захватномъ правѣ зырянъ не совсѣмъ вѣрными путями. Онъ не изучалъ организаціи современныхъ охотническихъ артелей, ихъ взаимныхъ отношеній; не старался объяснить такія явленія: почему нельзя перейти слѣдъ лыжи другого охотника, а можно пристать въ извѣстныхъ случаяхъ къ любой артели, не спрашивая ся согласія, и прослѣдовать, совмѣстно съ охотниками артели, звѣря, хотя бы уже и раненаго. Необходимо надо было бы изслѣдовывать отношенія зырянъ къ водѣ. Вода, какъ мѣсто рыбной ловли, имѣла и имѣть такое же крупное значеніе у зырянъ, какъ лѣсъ для охоты. Изученіе отношеній зырянъ къ водѣ даетъ много и проливаетъ порядочно свѣта на земельные отношенія зырянъ. Г. Большаковъ сравнительно плохо разбирается и въ простыхъ обыденныхъ явленіяхъ. Расчистившій участокъ получаетъ право на его обработку въ теченіе 30—60 лѣтъ, когда, по мнѣнію автора, издержки по расчисткѣ окупаются черезъ 5—6 лѣтъ. Никогда въ теченіе одного году участокъ не расчищается. Расчистка часто идетъ въ продолженіе 20—30 лѣтъ, слѣдовательно, расчистившій участокъ, извѣстной его частью пользуется очень недолго. На мой взглядъ, и центръ работы г. Большакова не выдерживаетъ критики. По мнѣнію автора, развитіе земельныхъ отношеній зырянъ шло въ тѣсной зависимости съ развитіемъ хозяйственныхъ формъ. Развитіе хозяйственныхъ формъ это — эволюція земледѣлія. Земледѣліе развилось отъ огнево-подсѣчной системы до трехполья. П. Ф. В.²⁾ смотрѣтъ на огнево-подсѣчную систему, какъ на явленіе, развившееся въ позднѣйшее время, подъ притѣсненіемъ правительства. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. П. Ф. В. не было той эволюціи, какую находить у зырянъ г. Большаковъ. Въ пользу теоріи г. П. Ф. В. можно подобрать много фактовъ, а въ пользу теоріи г. Большакова очень мало или совсѣмъ нельзя.

Василий Налимовъ.

²⁾ П. Ф. В.: «Земельные отношенія зырянъ» въ Стварномъ Вѣстникѣ за 96 г.

Лыкошинъ Н. С. О гаданіи у среднеазіатскихъ туземцевъ. Справочная книжка Самаркандской области. 1907 г. Вып. IX.

Авторъ указанной статьи имѣлъ случай лично ознакомиться съ нѣкоторыми гадашами, суевѣріями и примѣтами туземного населения Туркестанского края, которое живеть въ крайнемъ невѣжествѣ. Результатъ своихъ наблюдений г. Лыкошинъ изложилъ довольно подробно, при чмъ далъ и переводъ съ персидского статьи, говорящей объ однoиъ очень употребительномъ гаданіи.

Среди туземцевъ Туркестана важную роль играютъ гадатели, къ помощи которыхъ постоянно прибѣгаютъ мусульмане, ища у нихъ защиты отъ вліянія сверхъестественныхъ существъ, отъ дурного глаза, заговора. У каждой народности въ Туркестанѣ есть свои гадальщики и свои приемы гаданья; искусство это въ большинствѣ случаевъ передается по наслѣдству отъ отца къ сыну, къ дочери отъ матери. Въ болѣзняхъ своихъ сарты и др. опять-таки зовутъ гадальщика, который и читаетъ надъ пациентомъ рядъ какихъ-то заклинаний вмѣстѣ съ текстами изъ Корана. Автору пришлось на себѣ испытать подобное лѣченіе, которое, однако, не исцѣлило его заболѣвшихъ глазъ, но дало ему возможность ознакомиться съ особымъ гаданьемъ, къ которому захарь прибѣгнула въ началѣ своего лѣченія, чтобы определить исходъ послѣдняго. Гаданіе заключалось въ томъ, что гадальщикъ разставилъ на чистомъ листѣ бумаги точки рядами горизонтально, при чмъставилъ эти точки, не считая, почему въ каждомъ ряду ихъ получилось разное количество, затѣмъ точки зачеркивались по-парно, а оставшіеся составили гадательный результатъ, по которому захарь и рѣшила, что его лѣченіе будетъ удачно. Авторъ попросилъ подробно разсказать ему, въ чмъ заключается его гаданье, но захарь не сумѣла сдѣлать этого удовлетворительно, и только случайно, рассматривая туземную на персидскомъ языке энциклопедію „Матла-уль-Улумъ“, г. Лыкошинъ нашелъ цѣлую главу, посвященную описанію гаданія на точкахъ, извѣстнаго подъ названіемъ „рамъ“. Происхожденіе его приписывается пророку Даниилу, по персидскому же тексту книги, содержащему много старо-персидскихъ выраженій, можно судить о томъ, что гаданіе перешло въ Среднюю Азію изъ Персіи.

Статья персидской энциклопедіи передаетъ, что пророкъ Даниилъ гадалъ людямъ такъ: онъ насыпалъ на доску песокъ иставилъ на немъ разныя черты, откуда все гаданіе зовется *рамъ* (по араб. *песокъ*). Гаданіе производится посредствомъ 4 точекъ, первая соответствуетъ огню, вторая—вѣтру, третья—водѣ, четвертая—землѣ. Точки ставятся вертикально въ четырехъ мѣстахъ и отъ каждой въ горизонтальномъ направленіи ставится безъ счету рядъ точекъ, затѣмъ эти точки соединяются попарно и получается четыре результата соединеній, при чмъ каждая строка бываетъ четной или нечетной. Четью обозначается чертой, нечетью точкой. Изъ этихъ четырехъ результатовъ выводятся еще 12, всего 16, и каждый состоять изъ точекъ и черточекъ. Получаются танія напр. соединенія $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$. Всѣ эти шестнадцать выводовъ составляютъ основную схему для гаданья. Заключенія изъ этой схемы сходны

съ выводами астрологіи, и по нимъ можно судить о счастії или несчастії для гадающаго, смотря потому, на какомъ мѣстѣ придется результа. Первое мѣсто обозначаетъ счастье, третье несчастливое и т. д.; каждый результатъ имѣть свое название и относится къ определенному ряду вопросовъ, напр. 6-ой называется укля (связь) — говорить о болѣзняхъ, рабахъ, служанкахъ, домашней утвари. Гадаю это весьма сложное, такъ какъ при немъ возможны разлічные комбинаціи, которыхъ произвольно толкуются гадальщиками. Каждый результатъ выкладокъ считается стоящимъ подъ влияніемъ звѣзды и знака зодіака, которыми и объясняется удача или неудача гадающаго.

Текстъ статьи, переведенной авторомъ изъ персидской энциклопедіи, не совсѣмъ ясенъ вслѣдствіе сложности излагаемаго гаданія, но, несмотря на это, онъ можетъ служить материаломъ для исторіи одной отреченной гадательной книги древней Руси «Рафли». Въ своей книгѣ «Изъ исторіи отреченныхъ книгъ» М. Н. Снеранскій, разобравъ мнѣнія изслѣдователей объ этомъ извѣстномъ въ нашей письменности лишь по имени памятникъ и сопоставивъ описания рафлей арабско-персидскихъ, греческихъ и вѣмѣцкихъ, приходитъ къ тему выводу, что и наши рафли должны были быть такого же типа, какъ перечисленныя, иначе — онъ представляли собою гадательную книгу, где гаданіе совершалось по чертамъ и точкамъ, и появились онъ на Руси съ Запада, родину же ихъ нужно считать Востокъ (стр. 159—165). Какъ видно изъ статьи г. Лыкошина, на востокѣ гаданіе «рамль» и до сихъ поръ очень распространено и пользуется большимъ довѣріемъ.

Кромѣ гаданія «рамль», у среднеазіатскихъ туземцевъ большими уваженіемъ пользуется наука *джазбръ*, которую овладѣть могутъ лишь святые. Заключается она въ томъ, что нужно въ 614.656 графахъ вписать 2.458.624 буквы, при чемъ размѣстить эти буквы по извѣстнымъ правиламъ. Тому, кто составитъ себѣ такую книгу, предстоитъ удача и вся его жизнь будетъ счастливая, эта книга принесетъ счастье городу и даже всей странѣ. Не многие пытаются составить такую книгу, чтобы посредствомъ ея имѣть магическую силу; авторъ передаетъ случай самоубіствъ въ принадкѣ умопомѣшательства одного сарга, который занился было наукой *джазбръ*.

E. E.

V. J. Mansikka: Das Lied von Ogoi und Ilovatitsa (Veröffentlichungen des folkloristischen Seminars). «Finnisch-Ugrische Forschungen». 1906 J., B. VI, N. I., S. 40—65.

Изученіе финской народной пѣсни быстрыми шагами подвигается впередъ. Миѳологическая школа, долго господствовавшая въ этой области этнографіи, рухнула и теперь не имѣть уже ни одного представителя въ финской науке. Въ настоящее время работу, однако, далеко нельзя считать вполнѣ оконченной, и финские ученые въ запачтальной степени въ періодѣ «исканія новыхъ путей». При этомъ ихъ вниманіе не могло не обратиться и на русскій народный эпосъ. Олонецкая и Архангельская

губернії являются очагомъ какъ финской, такъ и русской народной эпической поэзіи. На этой территории, несомнѣнно, должны были столкнуться русские и финские пѣсенныя мотивы, и на выясненіи ихъ взаимоотношений безусловно интересно остановиться. Движеніе къ изученію финской народной поэзіи въ связи съ русской сильно проникаетъ среду финскихъ учёныхъ, и талантливымъ представителемъ этого направлениія является молодой финский исследователь Вильо Мансикка. Въ своей статьѣ «Das Lied von Ogoi und Novatitsa» онъ занялся детальнымъ анализомъ одной финской пѣсни и констатировалъ значительное число элементовъ русского происхождения. Пѣсня о дѣвицѣ Огои (Ogoi, Okoi, Ogafjor) и «поповскомъ сыне» (papin poika) Ховатица (Novatitsa, Nuovatitsa, Novatintska, Nuopatitsa, Opätitza, Nobelitza, Obelitza) является пѣсней сводной. Въ основаніи ея лежать русские пѣсенныя мотивы: пѣсня о вдовѣ, пропившей дочь (Шеймъ, Большорусь, I, № 1247), былинѣ о Хотеньѣ Блудовичѣ (изъ которой, по предположенію Мансикка, взято и самое имя героя финской пѣсни Новатинса = Хотень) и былина объ Алешѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Долгополовыхъ (Ончуковъ, № 3). Эти русскіе элементы осложнены, смѣшивавшись съ финскими пѣсенными мотивами: о дѣвицѣ, стремящейся въ лодку, объ освобожденіи позищенной дѣвицы, «объ томъ, какъ Анна носила воду», о Катеринѣ и Риоппойкѣ (Katri ja Riionpoika). Въ отдельныхъ подробностяхъ — опять та же пестрая смесь русскихъ и финскихъ мотивовъ. Такимъ образомъ, пѣсня представляетъ, по словамъ автора, «прекрасный примѣръ той мозаичной работы, которую приходится наблюдать во многихъ финскихъ пѣсняхъ. Запутанная композиція предполагаетъ поэтический талантъ и композиторскія способности у того, изъ устъ которого эта пѣснь впервые раздалась. Для отдельныхъ подробностей материаломъ послужили въ совмѣстной работе репертуаръ финскихъ стиховъ, живущий въ памяти пѣвцовъ, и русскія пѣсни съ ихъ нестранными мотивами; но изъ этого хаоса, въ концѣ-концовъ, выросло единое цѣлое». Такимъ образомъ, пѣсня представляетъ интересъ для психологіи народного творчества. Но для насъ, русскихъ, статья В. Мансикка имѣть и специальный интересъ, какъ еще новый опытъ сравнительнаго изученія русскаго и финскаго эпоса, изученія, на которое наши русскіе учёные смотрѣть, къ сожалѣнію, слишкомъ пренебрежительно.

H. T.

А. А. Борисовъ. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карского моря. Путевые очерки художника, съ автобиографической замѣткой и съ 36-ю снимками съ картинъ автора, изъ коихъ 15 въ краскахъ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 8°, 104 стр.

Эта роскошно изданная книга извѣстного художника-сѣверянина представляетъ интересъ и для этнографа. Въ одномъ изъ своихъ путешествій къ самоѣдамъ зимой 1897—1898 г. г. Борисовъ проѣхалъ Большеземельскую тундуру отъ Пустозёрска до Югорскаго Шара и далѣе по острову Вай-

гачу, близко ознакомился съ самой-сами, ихъ будничной жизнью, экономическими интересами, семейнымъ бытомъ, вѣрованіями и т. д. Все это, правда, не было главной цѣлью художника-путешественника, и потому въ его очеркахъ быть самойдовъ изображенъ безъ всякаго предвзятаго памѣренія, безъ специальной научной систематизаціи, а отдельными картинами, воспоминаніями, которыхъ идутъ одни за другими, какъ интересные встрѣчи, случаи, наблюденія...

Между прочимъ, г. Борисовъ схватилъ удачно нѣкоторые индивидуальные характеры отдельныхъ самойдовъ, отчасти ихъ семейную жизнь и суетѣрія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ приводитъ собранный имъ свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, существующихъ, будто бы, у самойдовъ до сихъ поръ. «Это не сказки былыхъ, доисторическихъ времень, — говорить авторъ, — это живая дѣйствительность, которая нисколько и не думаетъ отйти въ область преданій!» Даѣе приводится свѣдѣнія, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, какъ самойдъ убиль сына для жертвы Сядэю (дьяволу), хотѣлъ убить и жену, но ему помѣшили; другой пришелъ Сядэю голову своего товарища по промыслу (въ 1895 г.), третій въ разное время убиль семь человѣкъ; самойдъ Вылка постоянно возять съ собой голову своего отца, такъ какъ послѣдній былъ колдунъ, «статьбей». А. А. Борисовъ видѣлъ у одного самойда маленькия саночки, въ которыхъ покоялась супружеская чета истуканчиковъ. На замѣчаніе г. Борисова о безправственности принесенія человѣческихъ жертвъ Сядэю, они отвѣчали: «Да потому-то мы и дѣлаемъ это, что противно Богу. Вѣдь это мы дѣлаемъ не для Бога (Хая), а для Сядэя (злого духа, дьявола). А дьяволъ любить, чтобы мы дѣлали худо, и за это намъ пригонить много-много звѣря и рыбы». Впрочемъ, надо оговориться, что лично авторъ ни одного этого факта не наблюдалъ. На о. Вайгачѣ г. Борисовъ посѣтилъ самойдскую Мекку, мѣсто паломничества и поклоненія самойдскимъ божествамъ. Это мѣсто находится за «Божеской рѣкой» (Хай-Яга); у преддверія къ нему, между двухъ стѣнь, лежали груды идоловъ (возовъ до 30—40), кругомъ божествъ лежало много оленьихъ череповъ съ рогами и череповъ бѣлого медведя. Даѣе валялись огромныя кучи топоровъ, ножей, цѣпей, обломковъ якорей, гарпуновъ, обломковъ ружей, замковъ, пуль и т. д. Здѣсь божествамъ приносить въ жертву оленя и кровью его кропять свитыни. Здѣсь же валялись глаза, уши и губы только что убитыхъ оленей и видѣлась запекшася кровь на нѣкоторыхъ богахъ. Огромную коллекцію самойдскихъ идоловъ г. Борисовъ вывезъ въ Петербургъ.

Посѣтилъ онъ на Вайгачѣ и самойдское кладбище, состоявшее изъ двухъ могиль. Гробы стояли на землѣ; около нихъ валялись шары, ломанный якорь (ѣздовая палка), топоръ и оленьи черепа съ рогами, также недавно обгорѣвшій дрова (вѣроятно, посѣѣ тризны). Открывъ крышку гроба, г. Борисовъ увидѣлъ покойника, завернутаго съ головой въ рогожу; на тѣлѣ малица, на погахъ — пими, у головы — деревянная чашка съ чѣмъ-то чернымъ внутри (мясо, кровь) и желѣзный безъ ручки ковшикъ; около пояса лежали топоръ и пожижъ; съ правой сто-

роны, около груди, лежалъ небольшой идолъ. Въ другой могилѣ лежалъ ребенокъ, съ головой зашитой въ трапезу, но безъ всякихъ атрибутовъ.

Великолѣпные снимки съ картинъ г. Борисова, особенно исполненные въ краскахъ, наглядно иллюстрируютъ пѣкоторыя стороны самоѣдскаго быта, наприм.: сани, поставленныя на пятки (22 стран.), любимиый цвѣтъ самоѣдовъ (26 стр.; самоѣдъ весь въ красномъ), отдыхъ оленей (28 стран.), въ гостяхъ у самоѣда (38 стр.), на берегу Ледовитаго океана (40 стр.), житье бѣднаго самоѣда въ тундрѣ (42 стр.), чумъ и хозяйство самоѣда-рыбака (52 стр.), на морже (56 стр.), самоѣдскіе гробы на Вайгачѣ (86 стр.), главная самоѣдская святыня на о. Вайгачѣ (90 стр.), груда самоѣдскихъ идоловъ на Вайгачѣ (94 стр.) и др.

Вообще, книга г. Борисова даетъ не только свѣжія и яркія свѣдѣнія о странѣ самоѣдовъ, но и представляетъ пѣкоторый оригиналльный этнографический материалъ.

Вл. Б.

Шайжинъ, Н. С. (составилъ): Олонецкіе водопады Кивачъ, Гирвасъ и Поръ-Порогъ въ описаніяхъ туристовъ. (Съ 14-ю фотографіями водопадовъ и картою путей къ нимъ). П—водскъ, 1907 г., 80, X + 58 стр.

Здѣсь для этнографа интересны нѣсколько страницъ, а именно 44 - 49. На этихъ шести страницахъ помѣщены «Приплачъ вдовы по мужѣ, потибшемъ въ Кивачъ при сплавѣ лѣса», записанный г. Шайжипымъ отъ крестьянки Н. С. Богдановой и содержащей 218 стиховъ. Эта длинная импровизация мѣстами полна дивной поэзіи, мѣстами трогаетъ глубокимъ чувствомъ, а вся интересна какъ богатый материалъ для анализа народнаго творчества. Несмотря на то, что «плачъ», по существу, пѣсня лирическая, плакальщица сумѣла, однако, дать ему и богатое эпическое содержаніе. Оно таково: Плакальщица раздумалаась о приближающейся веснѣ; что будетъ дѣлать ея супругъ? Тотъ тоже озабоченъ приближеніемъ весны; наконецъ, рѣшаетъ:

Ужъ я сдумаъ-то своимъ да умомъ-разумомъ,
Типеръ люди-то на сплавъ да отправляюще,
Да на выгонку бревенку спаряжающе,
Либо миѣ туда вотъ съ нима да отиравюще.

Жена удерживаетъ, рисуя печальную картину жизни сплавщиковъ, трудность работы, опасность такъ называемыхъ «заломовъ» и т. п.

Тамъ заломы набивающе, ты заломы есте страшны.
Подходить надо со трудностью, избавлять да ихъ съ опасностью,
Подѣгать надо смигѣшенько, избавлять надо скорѣшенько,
Не стоять, да не постаивать, другихъ да не поджидывать,
Не дорожить своей младоей головушкой,
Своей жизнью да сесвѣтною.

Не приняли сплавщики предосторожностей или оплошили почему-либо,—

Тогда падаютъ удали головушки
Въ кипучую, въ сердитую водушку.
Тогда жизнь да ихъ кончаеще и головушки рѣшающе.

Сплавщикъ, не внимая предостереженіямъ жены, идетъ, не боясь опасностей.

— Вездѣ-то всегда люди воть бывають,
А безъ суда смертей не получають.

Пошелъ на спѣшную работку, непривычную, погналъ лѣсъ по Сунѣ, прогналъ трудныя мѣста Гирвасъ и Поръ-Порогъ, подходитъ къ Кивацу.

Тутъ рѣка бѣжитъ свирипая, а вода есте сердита,
Тутъ есъ мѣсто крежёвитое, тоѣ мѣсто камениловое,
Какъ тутъ бревна поверталисе, тутъ заломы набивалисе.

Ношла работа, обнаружили ловкость, но не хватило силы.

Тутъ тонули-то наши добрыи ты молодцы! Ихъ было, крутило, нещесло внизъ, бросало о камни, наконецъ прибило къ берегу, гдѣ товарищи и похоронили ихъ.

Ужъ какъ што-то на сиби да пригодилосе,
Въ томъ въ землюшку молодчики ложилисе.
Имъ ни гроба и ни савана, ни досокъ да посторонніихъ,
Не наладили вѣкового имъ одіаныця,
Домовищечка не сдѣлали вѣкового,
Не пѣсть Божій церковнаго, да не звону колокольного,
Да не призвали попа — отца духовнаго.

Объ этомъ она получила письмо-грамотку. Она поражена ужасомъ; не можетъ понять, какъ ей жить теперь съ дѣтьми.

Ужъ какъ быдто съ корабля да съ беззыбѣстнаго
Мы осталисе побѣды безпомѣсныи,
Быдто въ полюшки шатучи деревиночки
Мы побѣдныи осталисе серотиночки,
Отъ бережка отчалили — ко другому не прїѣхали.

Она не вѣрить, хотеть сама отправиться на мѣсто несчастія, чтобы удостовѣриться; но сомнѣніе смѣняется грустнымъ раздумьемъ:

Охти мнѣ, бѣдной горюшици, сама злаю, сама вѣдаю —
Письмо-грамотка не ложная, а извѣсье не подложное.
Ужъ какъ вѣкъ того не водице — со мертвыхъ живы не рѣдяще.

Весь этотъ плачь интересенъ и по содержанію, и по художественному исполненію, и по языку. Онъ свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что типъ стариннаго стиха не мѣшаетъ и въ новое время выражать живую пимпровизацію, а не мертвую традицію «вѣковъ минувшихъ». Правда, некоторые изслѣдователи не довѣряютъ народными композиціями «отъ себя» на старинный ладъ, но въ послѣднее

время, кажется, все больше и больше накапливается фактовъ, свидѣтельствующихъ, что народные поэты держать старыя поэтическія формы не всегда ради старины, но и какъ средство для вариацій на современные темы. Заплачки для этого представляютъ особенно удобную форму, но такими же могутъ быть и семейныя, дѣвичьи пѣсни, свадебныя пѣсни, заклинанія и т. д. Нужны только обстановка, среда, жизнь, которая бы не измѣнила свободному изліянію народной души. На съверѣ мы и видимъ наибольшую самостоятельность народного самосознанія, вдали отъ крѣпостныхъ традицій, помѣщичьей цивилизациі, начальственного окрика и недреманного церковнаго ока. Но это самосознаніе уже гаснетъ, не доживши до лучшихъ временъ, не дождавшись новыхъ путей своего развитія. Можетъ-быть, и композиціи, подобныя плачу Н. С. Богдановой, являются послѣдними проблемами когда-то сильнаго и зрѣлаго народнаго духа и народной мысли. Россійская «цивилизациѣ» стоитъ уже у порога крестьянской съверной избы и сѣпить глаза и душу обывателей новымъ костюмомъ, новымъ словомъ, новой удалью, весельемъ, силой, властью, соблазномъ, обманомъ и т. д. Жаль, если ничего не отвлечетъ съверянина отъ всеподавляющей, нивелирующей, пьянственно-безстыдной и душевно-бездоржательной цивилизациі кулаковъ, міроѣдовъ, прижимателей и всякаго рода другихъ нахаловъ.

Надо желать, чтобы записи, подобныя сдѣланной г. Шайкинымъ, велись и многими другими, въ большемъ количествѣ, усерднѣе. Надо искать народныхъ поэтовъ не только съ цѣлью раскопать старицу, но и съ цѣлью понять современную народную жизнь.

В. Б.

Отвѣтъ г. Абрамову. По поводу моей рецензіи на статейку г. Абрамова „О курскихъ саянахъ“ (рецензія въ 70—71-й книжкѣ „Эти. Обозр.“, а статья въ „Живой Старинѣ“ 1906 г., кн. III) авторъ этой послѣдней напечаталъ въ 72—73-й книжкѣ „Этногр. Обозр.“ нѣсколько критическихъ замѣчаній по моему адресу. Замѣчанія эти вызвали во мнѣ рядъ недоумѣній, которыхъ считаю умѣстными высказать.

Пѣсенный зacinъ: „Ай да вы, пылания, пыланиушки удалыи“ г. Абрамовъ относить не къ людямъ-полянамъ, т.-е. степнякамъ (какъ это полагаетъ акад. А. И. Соболевский), а къ „луговымъ полянамъ, на которыхъ растеть трава“ (стр. 238). Получается, такимъ образомъ, новый эпитетъ луговой поляны: удалая. Я—и, вѣроятно, не одинъ я—до сихъ поръ думалъ и теперь думаю, что „удалыми“ могутъ быть только живыя существа. „Удалый молодецъ, удалый конь“ и т. п., — это мнѣ понятно. Но какъ можетъ проявить свое „удалство“ мертвая поляна? Рѣшительно недоумѣваю ¹⁾.

¹⁾ Напомнимъ, на какихъ стихахъ г. Абрамовъ основывалъ свой выводъ:

„Ай да, вы, пылания,
Пыланиушки удалыи,
Ай да мы луговой пылани
Растеть трава шалковая“.

Ред.

Далѣе, извлекши изъ моихъ разсужденій по вопросу объ имени саяновъ одно маленькое замѣчаніе, въ которомъ я условно соглашаюсь съ его мнѣніемъ, г. Абрамовъ не задумался приписать мнѣ неблаговидный поступокъ, будто бы я позанимствовалъ у него его мысли и присвоилъ ихъ потомъ себѣ, назвавъ „нашую гипотезою“¹⁾.

Недоумѣваю, не хотѣлъ или не могъ г. Абрамовъ понять громадной разницы между его мнѣніемъ объ имени саяновъ и мою гипотезою по тому же вопросу, изложенною въ моей рецензіи. Самая постановка вопроса у меня совершенно иная. Я ставлю вопросъ: *кто далъ саянамъ эту ихъ кличку?* Этотъ вопросъ не былъ поставленъ ни г. Абрамовымъ, ни его предшественниками. Всѣ исходили изъ предвзятаго мнѣнія, что свою кличку саяны получили отъ своихъ сосѣдей, и только. Мое предположеніе совсѣмъ иное: я полагаю, что саяны *сами дали себѣ* это имя. Второй мой вопросъ, постановки которого мы также не найдемъ ни у г. Абрамова, ни у его предшественниковъ: *кому именно* противополагали себя саяны, отъ кого *именно* они хотѣли себя отграничить, давая себѣ это странное имя? И опять отвѣщаю не общую, ничего не говорящую фразою: «отъ своихъ сосѣдей», а точно указываю на опредѣленную этнографическую группу «цукановъ». Самый выборъ саянами этой ихъ клички я объясняю прежде всего желаніемъ данной этнографической группы подчеркнуть отличіе своего *говора* отъ говора цукановъ.

На все это г. Абрамовъ не обратилъ своего вниманія.

Наконецъ, по поводу злополучной книжки М. Бойкова: «Краткое обозрѣніе Бурской губерніи. Составлено для воспитанниковъ Бѣлогородской учительской семинаріи (Бѣлогородъ. 1879)». Въ первой своей статьѣ г. Абрамовъ назвалъ эту книжку въ числѣ той этнографической литературы, гдѣ «смѣются любопытныя сообщенія» о саянахъ (стр. 203). Во второй своей замѣткѣ г. Абрамовъ опять настаиваетъ, что «статья» (?) Бойкова «посвящена саянамъ» (стр. 238), которые только названы тутъ «горюнами»²⁾. Еще разъ смѣю увѣрить г. Абрамова, что Бойковъ въ своей книжечкѣ ничего не говоритъ о саянахъ³⁾ и не называетъ ихъ «горюнами», а говорить о дѣйствительныхъ путинъскихъ горюнахъ.

1) Это недоразумѣніе было отмѣчено примѣчаніемъ „редакціи“. Редакція думаетъ, что со стороны г. Абрамова здѣсь не было намѣренной опиби.

Ред.

2) Напомнимъ, что сказано по этому поводу у г. Абрамова. Упомянувъ, что Бойковъ смѣшивается саяновъ съ переселившимися бѣлорусами и называетъ ихъ горюнами, г. Абрамовъ далѣе говоритъ: «Я считалъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ въ статьѣ, посвященной саянамъ»,—объ этомъ, т.-е. о смѣшаніи и названіи,—въ статьѣ, посвященной саянамъ, т.-е. въ своей собственной, г-на Абрамова, статьѣ. А что „статья Бойкова посвящена саянамъ“—объ этомъ у г-на Абрамова рѣчи нѣтъ.

Ред.

3) Что названія „саяны“ нѣть у Бойкова, это говоритъ и г. Абрамовъ.

Ред.

Что же касается указания г. Абрамова на изрѣдка встрѣчающейся въ говорѣ саяновъ звуки «ц», то я рѣшительно не понимаю, для чего и для кого это замѣчаніе предназначается? Я писалъ, что въ говорѣ саяновъ *не было* этого звука въ то время, когда они получили свою настоящую кличку, т.-е., по меньшей мѣрѣ, два вѣка тому назадъ. А г. Абрамовъ возражаетъ, что онъ изрѣдка встрѣчалъ этотъ звукъ у саяновъ въ 1905-мъ году ³⁾.

Дм. Зеленинъ.

³⁾ Г. Зеленинъ, дѣйствительно, въ своей рецензіи писалъ, что этого звука *не было*, но все это, какъ онъ и самъ заявилъ,—лишь его гипотеза.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

American Anthropologist. 1907. Vol 9, № 1. (January-March, 1907). Настоящій выпускъ носить особый подзаголовокъ «The Virginia Indians»; въ составъ его входятъ слѣдующія статьи: *G. B. Grinnell*: «Tenure of Land among the Indians», — *J. Bremsethann*: «The Sacral or so-called «Mongolian» Pigment Spots of Earliest Infancy and Childhood, with Especial Reference to their Occurrence in the American Negro». — *D. I. Bushnell*: «Virginia-From Early Records» (по рукописямъ Британского Музея). — *D. I. Bushnell*: «Discoveries beyond the Appalachian Mountains in September, 1671» (путевой журналъ Джона Клейтона, присланный въ Королевское Общество и прочитанный въ немъ 1 авг. 1688 г.) — *Ch. C. Willoughby*: «The Virginia Indians in the Seventeenth Century», (статья иллюстрирована снимками съ рисунковъ Джона Хайта, сдѣланныхъ въ 1585—88 гг.). — *W. R. Gerard*: «Virginia's Indian Contribution to English»; статья даетъ перечень словъ, вошедшихъ въ английскій языкъ изъ языковъ виргинскихъ индѣйцевъ; относительно каждого слова приводится его точное значение, первоначальная этимологія и его история въ англійскомъ языкѣ; большинство этихъ словъ — названия мѣстныхъ растеній и животныхъ или такихъ предметовъ индѣйского обихода, какъ мокасины, томагаукъ и т. д. — *W. H. Holmes*: «Aboriginal Shell-Leaps of the Middle Atlantic Tidewater Region». — *J. Mooney*: «The Powhatan Confederacy, Past and Present». — Сверхъ того въ настоящемъ выпускѣ помѣщены: некрологъ известнаго изслѣдователя гіерогlyphическихъ письменъ Центральной Америки, Эриста Ферстеманна, род. въ 1822 г., умершаго 4 ноября 1906 г.; подробный отчетъ объ антропологической секціи нью-йоркскаго конгресса американской ассоціаціи наукъ въ 1906 г.; библиографія, въ которую кроме обзора книгъ входитъ обзоръ периодической литературы, и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ отдѣлѣ «Смѣси».

№ 2. (April-June, 1907). *E. Sapir*: «Notes on the Takelma Indians of Southwestern Oregon». — *K. S. Kennard*: «The Racial Derivation of the Ossetes». Статья довольно поверхностная; осетинъ авторъ производить отъ алановъ, послѣднимъ же приписываетъ финское происхожденіе; въ основу всѣхъ построений положены данные физической антропологии, притомъ не достаточно точныя; авторъ исходить изъ ошибочного предположенія, что осетины какъ высокорослые, длинно-

новые, блондинки по своему физическому типу стоять совершенно особнякомъ среди прочаго населения Кавказа.—*F. G. Speck*: «Some Outlines of Aboriginal Culture in the Southeastern States». —*Ch. C. Willoughby*: «The Adze and the Ungrooved Axe of the New England Indians.» —*C. V. Hartman*: «The Alligator as a Plastic Decorative Motive in Certain Costa Rican Pottery». —*C. W. Branch*: «Aboriginal Antiquities in Saint Kitts and Nevis». —*F. H. Cushing*: «Observations Relative to the Origin of the Fylfot or Swastika»; маленькая замѣтка (съ рисунками), объясняющая свастику какъ символъ четырехъ странъ и главныхъ вѣтровъ. —*C. H. Merriam*: «Distribution and Classification of the Mewan Stock of California». —*N. H. Winchell*: «Precolumbian Elephant Medals found in Minnesota». —*C. Thomas*: Cahokia or Monk's Mound. — Далѣе въ составѣ выпуска входятъ: некрологъ Уильяма Ньюэлла (Newell), род. 1839 г., умеръ 21 января 1907 г., иного писавшаго по этнографіи и по истории литературы; протоколы Антропологического Общества въ Вашингтонѣ; библиографія, въ которой, между прочимъ, данъ сочувственный отзывъ о книгѣ А. А. Ивановскаго «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи»; смѣсь.

Archiv für Anthropologie. 1907. Heft I. P. J. Möbius: «Über die Verschiedenheit männlicher und weiblicher Schädel». —*O. Berkhan*: «Zwei Fälle von Skaphocephalie». —*A. Rauber*: «Die Achse der Schädelhöhle». —*A. Krämer*: «Zur Tatauierung der Mentawai-Insulaner»; даны рисунки наиболѣе распространенныхъ узоровъ, въ туземныхъ названіяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ значение. —*J. Czechanowski*: «Untersuchungen über das Verhältniss der Kopfmasse zu den Schädelmassen». — Библиографія (1 рецензія). — Въ приложениі «Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» №№ 9—11 (отчетъ о конгрессѣ въ Герлицѣ) и 12 за 1906 г. и №№ 1, 2, 3, за 1907.

II — Ш. *Dr. M. Höfler*: *Gebildbrote bei Sterbefallen*. Въ обычай употреблять при поминкахъ хлѣбы, испеченные въ формѣ какихъ-либо фигуръ, авторъ видѣть переживаніе, точнѣе, замѣну прежнихъ жертвоприношеній въ честь мертвыхъ; то, что прежде дѣйствительно приносилось въ жертву покойнику, теперь символически представляется на поминкахъ соотвѣтствующимъ изображеніемъ. Статья снабжена рисунками и обширнымъ указателемъ литературы. —*Dr. W. Lehmann*: «Ergebnisse und Aufgaben der mexikanistischen Forschung». Сжатый, но очень обстоятельный обзоръ результатовъ работъ по изслѣдованию древней Мексики. Кроме библиографіи и указаний источниковъ древнихъ и болѣе новыхъ, статья подводитъ итоги антропологическихъ изслѣдований, лингвистическихъ, этнологическихъ (материальная культура, соціальная организація, духовная культура) и историческихъ. Статья снабжена рисунками. —*O. Schoetensack*: «Über die Gleichzeitigkeit der menschlichen Niederlassung im Löss bei Munzingen unweit Freiburg i.

B. und der dem Magdalénien lugehörigen paläolithischen Schicht von Thaingen und Schwizersbild bei Schaffhausen». — Révesz: «Rassen- und Geisteskrankheiten». Статья преимущественно описательного характера, но подборъ фактъвъ носить довольно случайный характеръ. — Библиографія (3 рецензії). — Dr. L. Stieda: «Aus der russischen Literatur» — подробный обзоръ содержанія «Этнографического Обозрѣнія» за 1903 годъ, «Сборника музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ», вып. I—IV и «Русского Антропологического журнала» за 1904 г. — «Korrespondenz-Blatt» etc. №№ 4 и 5—6 за 1907 г.

Man (A monthly Record of Anthropological Science). 1907. I.
H. Balfour. «Haida portrait mask». (Описание рѣдкой у некультурныхъ народовъ маски, являющейся портретомъ живого лица; къ статьѣ приложены на особой таблицѣ снимки съ маски въ профиль и en face). —
R. P. Maret. «Australia Prayer» (авторъ оспариваетъ показаніе г-жи Langloh Parker о молитвахъ у Euahlayi). — **A. Lang.** «Celtic sward blades». — **E. Cartailhac.** «Les mains rouges et noires de la grotte de Gargas» (описывается рѣдкий случай украшения стѣн пещеры цветными отпечатками рукъ; авторъ думаетъ, что это дѣжалось для того, чтобы сохранить воспоминаніе о нѣкоторыхъ выдающихся событияхъ: о соглашеніяхъ, о принятыхъ рѣшеніяхъ и т. д.). — **H. W. Seton-Karr.** «On a maul from Upper Egypt» (съ рисункомъ). — Библиографія.

II. D. J. Bushnell: «Primitive salt-making in the Mississippi valley» (статья написана на основаніи личныхъ находокъ автора въ 1902 г. и снабжена рисунками). — **A. L. Lewis:** «The flint supplies of the ancient Cornish. — Edge-Partington: «Ingava, chief of Rubiana, Solomon oslands: died 1906» (съ портретомъ; описание похоронъ). — **A. van Gennep:** «Questions australiens» (подчеркивается важность изученія биологическихъ и физиологическихъ представлений некультурныхъ народовъ для правильного пониманія ихъ брачныхъ обрядовъ, институтовъ наследственного права и т. д.). — Библиографія.

III. J. Edge-Partington: «A New Zealand box (Waka)» (съ рисунками). — **C. M. Woodford:** «Notes on Rennell island» (очень бѣглый замѣтки съ нѣсколькими вллюстраціями). — **A. L. Lewis:** «Notes on some rude stone monuments in Glamorganshire». — **S. H. Warren:** «The flint supplies of the ancient Carnish». — Библиографія.

IV. E. S. Hartland: «Notes on some South African tribes» (бѣглые замѣтки о нѣкоторыхъ кафскихъ племенахъ, представители которыхъ были собраны на собрание Британской ассоціаціи въ 1905 г. въ Victoria Falls; много фотографическихъ снимковъ). — **J. Jette:** «On the language of the Ten'a» (статья для «Man», сравнительно большая; болѣе подробно изложена фонетика языка Ten'a; грамматическими особенностями, повидимому, очень интересны, удѣлено очень мало места). — Библиографія.

Zeitschrift für Ethnologie. 1907. Heft I u. II. *Ed. Seler:* «Einiges über die natürlichen Grundlagen mexikanischer Mythen». Статья посвящена выяснению природы некоторых мексиканских божеств Тескатлипоса, Куэтзалькоатль и др. Путем сложных сопоставлений автор приходит к выводу, что это—луны божества и что луна играла въ вѣрованіяхъ мексиканцевъ и другихъ средне-американскихъ племенъ гораздо большую роль, чѣмъ это принято думать.—*Ed. Hahn:* «Über Entstehung und Bau der ältesten Seeschiffe». Автор держится того мнѣнія, что древнейшія морскія суда произошли изъ лодокъ, сшигихъ изъ древесной коры.—*Paul Sarasin:* «Über die Entwicklung des griechischen Tempels aus dem Pfahlhause». Авторъ не довольствуется общимъ указаниемъ на происхожденіе греческаго храма изъ свайнаго дома, но думаетъ, что каменный храмъ былъ первоначально возможно болѣе точной копией деревяннаго свайнаго дома, и ищетъ въ этомъ объясненіе многихъ особенностей стиля греческихъ храмовъ; такъ, напр., подъ деревянные столбы, во избѣженіе гниенія, подкладывали камни и это дало происхожденіе базису юническихъ и коринескихъ колоннъ; эхинусъ дорическихъ колоннъ возникъ изъ кружковъ, которые накладывались на верхнихъ концахъ свай, чтобы помѣшать крысамъ проникнуть въ домъ и т. д.—*R. Mielke:* «Die bisherigen Ergebnisse des Fragebogens zur Hausforschung». Статья представляетъ краткій отчетъ о предпринятомъ авторомъ путемъ разсыпки вопросныхъ листковъ изслѣдованія о распространеніи въ Пруссіи разныхъ типовъ жилищъ.—*O. Schlaginhaufen:* «Zur Diagraphentechnik des menschlichen Schädelns».—*J. Teutsch:* «Zur Charakteristik der bemalten neolithischen Keramik des Burzenlandes».—*H. Schmidt:* «Beiträge zur Kenntnis und zum Verständnis der jungneolithischen Gefäßmalerei Südost-Europas».—*G. Schweinfurth:* «Steinzeitliche Forschungen in Südtunisien». Подробный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ авторомъ въ окрестностяхъ мѣстечка Гафза, въ южномъ Тунисѣ. Сверхъ перечисленныхъ статей въ настоящемъ номерѣ помѣщены протоколы засѣданій Берлинскаго Общества Антропологии, Этнологии и Первобытной Исторіи, перечень членовъ Общества, списокъ получаемыхъ имъ периодическихъ изданій, а также небольшой библиографический отдѣлъ. Списокъ периодическихъ изданій, получаемыхъ Обществомъ, очень характеренъ; онъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ изданій, затрагивающихъ вопросы антропологии, этнологии и доисторической культуры и все же въ немъ помѣщено 341 название.

III. *E. Baelz:* «Zur Vor- und Urgeschichte Japans». Очень сжатый обзоръ доисторической археологии Японіи.—*L. Frobenius:* «Ethnologische Ergebnisse der ersten Reisen der Deutschen Inner-Afrikanischen Forschungs-Expedition». Статья говорить о произведенныхъ авторомъ изслѣдованіяхъ въ бассейнѣ Конго. Авторъ не сторонникъ монографического описанія отдельныхъ народностей, а ставить этнологіи задачу прослѣдить распространеніе известныхъ культурныхъ типовъ. Замѣчанія его довольно отрывочны. Подробнѣе говорить онъ о разныхъ

типовъ лукахъ, различаемыхъ имъ по величинѣ и по способу прикрѣпленія тетевы.—W. Belck: «Die Erfinder der Eisentechnik, insonderheit auf Grund von Bibeltexten». Основные выводы автора сводятся къ слѣдующему: 1) «Въ качествѣ занимающихся ковкой желѣза и стали и изготавленіемъ изъ нихъ утвари около 1100—1000 г. до Р. Х. въ Палестинѣ и Сирії упоминаются только филистимляне—финикияне, тогда какъ для іудеевъ и другихъ ханаанскихъ народностей обработка стали, особенно ея закаливаніе и точеніе, представляла въ то время тайну. 2) Около того же времени желѣзо и приготовленные изъ него предметы были совершенно неизвѣстны ассирийцамъ, вавилонянамъ, эламитамъ, халдеямъ, а равно всѣмъ другихъ народостямъ передней Азіи, въ особенности же многочисленнымъ хеттскими народамъ. 3) То же самое относится къ народостямъ Anatolii, включая сюда жителей Іоніи, въ Греции же сталь была совершенно неизвѣстна, а кованное желѣзо, хотя не было совсѣмъ неизвѣстно, представляло однако большую рѣдкость и потому было чрезвычайно дорого. 4) Равнымъ образомъ и египтяне стали не знали, съ кованымъ же желѣзомъ и съ издѣліями изъ него были знакомы съ давнихъ порь, но въ виду дорогой цѣны почти не пользовались имъ. 5) Такъ какъ около 1100—1000 г. до Р. Х. кроме филистимлянъ ни одинъ другой изъ культурныхъ народовъ древности не занимался желѣзной промышленностью, то съ большой вѣроятностью филистимлянъ—финикияне надо признать фактическими и единственными самостоятельными изобрѣтателями этой промышленности, что согласно съ показаніями Библіи, приписывающей это изобрѣтеніе ханаанскому народу». Даѣе Белькъ устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты для евреевъ: а) Конецъ бронзоваго вѣка при Моисѣѣ, приблизительно въ 1300—1250 гг. д. Р. Х.; б) первое знакомство чрезъ посредство мидіанитянъ съ желѣзными издѣліями незадолго до смерти Моисея, при началѣ завоеванія Палестини; с) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ, употребленіе желѣзной утвари и орудій, а также стального оружія и орудій, но не знакомство съ желѣзной техникой (древній желѣзный вѣкъ) простирается отъ смерти Моисея до смерти Давида (1250—1000 гг. до Р. Х.); д) полное знакомство съ желѣзной техникой и начало новаго желѣзного вѣка съ 5-го года царствованія Соломона или приблизительно съ 1000 г. до Р. Х. Для сѣверо-сирийскихъ, хеттскихъ государствъ Белькъ устанавливаетъ слѣдующую хронологію: а) первое знакомство съ желѣзомъ и конецъ бронзоваго вѣка 1100—1000 гг. до Р. Х.; б) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ, благопріятствуемое начавшимися при Соломонѣ торговыми сношеніями съ евреями, но незнаніе желѣзной техники (древній желѣзный вѣкъ)—1000—850 гг. до Р. Х.; с) полное ознакомленіе съ желѣзомъ и начало новаго желѣзного вѣка около 850 г. до Р. Х. Для ассирийцевъ даются слѣдующія даты: а) конецъ бронзоваго вѣка 900 г. до Р. Х.; б) первое ознакомленіе съ желѣзомъ 900—875 гг. до Р. Х., при первомъ походѣ Асурнасирапала въ сѣверную Сирію; с) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ и древній желѣзный вѣкъ 875—830 гг. до Р. Х.; д) полное ознакомленіе съ желѣзомъ,

благоприятствующими непревзывными походами Салманасара II противъ Сиріи, Дамаска и израильянъ, и начало нового желѣзного вѣка около 830 г. до Р. Х. Статья Белька, прочитанная въ видѣ реферата въ одномъ изъ засѣданій Общества Антр., Этн. и т. д. вызвала оживленный пренія. Возраженія были направлены, главнымъ образомъ, противъ того, чтобы филистимляне могли быть самостоятельными изобрѣтателями желѣзной промышленности, такъ какъ въ занимаемой ими области совсѣмъ не было желѣзной руды. Проф. Лушанъ, присоединяясь вполнѣ къ положенію Белька, поскольку они касаются передней Азіи, указывалъ на то, что филистимляне заимствовали желѣзо у египтянъ, знакомыхъ съ нимъ задолго до середины второго тысячелѣтія до Р. Х.; сами же египтяне ознакомились съ желѣзомъ отъ своихъ южныхъ чернокожихъ сосѣдей, и потому родиной желѣзной промышленности надо считать тропическую Африку.—R. Pöch: «Reisen in Neu Guinen in den Jahren 1904—1906». Краткій предварительный отчетъ; сравнительно подробно говорится о производившихъ въ широкихъ размѣрахъ кинематографическихъ снимкахъ. Протоколы. Библиографический отдѣлъ.

Живая старина, періодич. издание отдѣленія этнографіи И. Р. Г. О., подъ ред. В. И. Ламанской, О. И. Щербатской и Н. Н. Виноградова. 1907. Вып. I. Макаренко, А. А. Сибирскія пѣсенные старинны. (Авторъ близко знакомъ съ пѣсennыми традиціями въ Сибири).—Макаренко, Н. Е. «Пречиста» въ Москолівці (Народн. праздникъ 15 августа, изображеніе «Пречисты»).—Шустиковъ, А. А. Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.—Сережутовскій, А. К. О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.—Ильинскій, Г. А. Изъ русской діалектологіи (в. р. корогодь-хороводъ, русск. пѣсенное «Волузахъ»).—Шишимаревъ, В. Ф. Этюды по истории поэтическаго стиля. 2. Начало пастурали.—Зенбичкій, П. Заговоры (конца XVII в.).—Пруссакъ, А. В. О говорѣ Сестрорѣцка.—Ончуковъ, Н. Е. Печорскіе стихи и пѣсни.—Виноградовъ, П. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. II. Фасмеръ, М. Р. Финскія заимствованія въ русскомъ языке.—Его же. Южнослав. брава «замокъ».—Лавровъ, П. А. Югославянскія древности въ изложеніи Нидерле.—Макаренко, А. А. Сибирскія старинны.—Пекарскій, Эд. К. Изъ якутской старинны.—Ончуковъ, Н. Е. Печорскіе стихи и пѣсни.

Землевѣдѣніе. Періодическое издание Географического Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Ә., подъ ред. Д. Н. Амучина. 1906. кн. I—II. А. Д. Переселенія въ Соединенные штаты въ прежнее и въ настоящее время (Съ 2 рис. и 1 діаграммой). кн. III—IV. Амучинъ, Д. Японцы (Съ 10 рис. въ текстѣ).—Географический обзоръ: Россія. Этнографическая выставка въ Петербургѣ. 1907. кн. I—II. М. И. Изъ поездки на Новую Землю (О новоземельскихъ самоѣдахъ).—Геогр. обзоръ: Языкоизвѣдѣніе на Кавказѣ (изложеніе содержания изслѣдователя А. М. Дирра).

Новости этнографической литературы.

Акпаевъ, Я. Наброски по обычному, въ частности брачному праву киргизовъ казаковъ. Семипал. 1907. 8°. 11 стр. («Запис. Семипал. подотд.», вып. III).

Аникиевичъ, К. Т. Сыниненский уѣзда, Могилевской губерніи. Опыты описанія въ геогр., историч., этнографич. бытов., промышл. и статистич. отношеніяхъ. Мог. 1907. 8°. 5 + 148 стр. карт. и рис.

Барацъ, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Вып. I. Кіевъ. 1907.

Баронъ, Хр. и Виссендорфъ, Г. Латышскій народныя пѣсни. Томъ III, 2. Спб. 1906. 8°. 784 стр.

Бейлинъ, С. Х. Странствующія, или всесмѣрныя, повѣсти и сказанія въ древне-раввинской письменности. Иркутскъ. 1907. 8°. VI + 353 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Васильевъ, Н. В. Изъ наблюдений надъ отраженіемъ личности скантера въ былинахъ. Спб. 1907. 8°. 27 стр. (Отт. изъ «Изв. Отд. р. яз. и сл.», т. XII, кн. 2).

Верманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. И. Сомова. Т. II, вып. 6—9. Спб. 1907.

Воеводинъ, Л. Е. (Запис.) 45 народныхъ старинныхъ пѣсень въ заводахъ Пермской губерніи. II. 1905. 8°. 2 стр. текста, 23 стр. нетъ. (Изд. Перм. Уч. Архив. Комиссіи).

Воронежская старина. Вып. VI. 305 + 129 стр. В. 1907.

Врадій, В. П. Оружейные и охотничьи промысловые предметы сибирскихъ музеевъ и сибирскихъ выставокъ. Спб. 1907.

Геттнеръ, А. Европейская Россія. Антропо-географический этюдъ. Съ 21 картой. Перев. съ пѣм. Л. Д. Синицкаго. Изд. Геогр. Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. М. 1906. 8°. 174 стр.

Гнатюкъ, Володимиръ. (зібрав). Коломийки. Томъ III. («Етн. збірн. Нагуков. тов. ім. Шевченка», т. XIX). У Львові. 1907. 8°. 253 стр.

Головачевъ, П. М. Очеркъ заселенія Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1906.

Громовъ, А. А. Очеркъ научной дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. Спб. 1907. 8°. 17 стр. и портретъ.

Даниловъ, В. Символика птицъ и растений въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Кіевъ. 1907. 18 стр. (изъ «України»).

Денисовъ, Андрей, ин. Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ. М. 1907.

Записки Красноярского подотдела В.-С. отдѣла И. Р. Г. О. по этнографии. Т. I, вып. 2. Томскъ. 1906. 8⁰. 6 + 290 стр. Ц. 3 руб. (Русскія и инородческія сказки Енисейской и Томской губерній, въ записіяхъ Бондаря, Адріановой, Ермоленко, Гнетнева, Карбышевой, Булгакова, Потанина и экспедиціи Швецова).

Зачиняевъ, А. Къ вопросу о коломыйкахъ. Спб. 1907. 8⁰. 126 стр. (Отт. изъ «Ізв. И. р. я. и сл. И. Ак. Н.»).

Зачиняевъ, А. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906. 8⁰. 25 стр. (изъ «Ізв. О. р. я. и сл. И. А. Н.»).

Ізвѣстія на Етнографический музей въ Софія. Книга I. С. 1907.

Ізвѣстія Таврической ученої архивной комиссіи. (№ 40). Подъ ред. А. Маркевича. Симф. 1907. 115 стр.

Колесса, Ф. Ритміна українських народних пісень («Зап. наук. тов. ім. Шевч.») 1906.

Лялина, М. А. Очерки истории Финляндіи отъ древнейшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб. 1908.

Маждракова, М. Библиография на славянска та филология и литература въ болгарския печать прѣзъ 1905 и 1906 годъ. («Ізв. на семинаре по слав. фил. при у—та въ Софія», кн. II). С. 1907.

Малевичъ, С. Бѣлорусская народная пѣсни. Спб. 1907.

Марръ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологии. Книга X. О раскопкахъ и работахъ въ Ани вътомъ 1906 г. Предварительный отчетъ. Спб. 1907.

Менделевъ, Д. Дополненія къ познанію Россіи. Посмертное изданіе. Спб. 1907.

Миллеръ, Всев. Татскіе этюды. Ч. II. Опытъ грамматики татского языка. («Труды по востоковѣдѣнію», изд. Лаз. Инст. В. Я.», вып. XXVI). М. 1907. 8⁰. X + 69 стр. Ц. 1 руб.

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Варшава. 1907. 8⁰. VI + 239 стр. Ц. 2 руб.

Неслуховский, Н. Карта великаго переселенія народовъ въ III, IV, V и VI вѣкахъ. Спб. 1907.

Орловъ, А. Происхожденіе названий русскихъ и некоторыхъ зап.-европейскихъ рекъ, городовъ, племенъ и местностей. Вельскъ. 1907. IV + 430 стр.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1906 г. М. 1907. 4⁰. 145 стр.

Парашневовъ, П. Погребальные обычаи у болгаритѣ. («Ізвѣстія на семинаре по славянска филология при университета въ Софія». Книга II). С. 1907.

- Пекарский, Э.** Образцы народной литературы якутовъ. В. I. Спб. 1907. 80 стр.
- Пекарский, Э.** Словарь якутского языка. Вып. I. Спб. 1907. 4°. 20 стр.+320 стр.
- Полянский, М.** Новгородская памятка для туристовъ. Новг. 1907. 16°. 512 стр.+5 табл. рис.
- Половъ, П. С.** Китайскій пантеонъ. Съ 10 таблицами. («Сборн. муз. по антроп. и этногр. при И. А. Н.», VI). Спб. 1907.
- Пришвинъ, М. М.** Въ краю непуганыхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66 рисунками по снимкамъ съ природы автора. Изд. Деврена. Спб. 1907. (? годъ не обозначенъ). 8°. VII+200 стр.
- Сергѣевичъ, В. И.** Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. (Изъ «Журн. Мин. Юст.»). Спб. 1907.
- Симони, Павелъ.** (Приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями). Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. II, 1. Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг. Съ 15-ю таблицами снимковъ съ рукописи XVII столѣтія. Спб. 1907, 8°. 29 стр.+XV табл.
- Idem.** Вып. VII, 1. Повѣсть о горѣ-злосчастіи. Съ портретомъ А. И. Пыпина, снимкомъ изъ Миней-Читыхъ и 22-мя снимками съ полнаго текста (по рукоп. XVIII в.). Спб. 1907. 8°. 88 стр.+23 табл.
- Смоленскій, Ст.** О колокольномъ звонѣ въ Россіи. (Изъ «Русс. Муз. Газ.») 1907.
- Флоринскій, Т. Д., проф.** Славянское племя. Статистико-этнографический обзоръ современного славянства. Съ прилож. 2 этнографическихъ картъ. Кіевъ. 1907.
- Хлѣбниковъ, П. Х.** Астрахань въ старые годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб. 1907.
- Шамбинаго, С. К.** (Съ предисловіемъ). Сказание о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1907. 108 стр.+74 табл. снимк.
- Шмурло, Е.** Русские и киргизы въ долинѣ Верхней Бухтармы. Материалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края. Семипалатинскъ. 1907. 8°. 66 стр. («Зап. Семип. Подотдѣла З.-С. отдѣла И. Р. Г. О.» Вып. III).

Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in Honour of his 75—th Birthday. Okt. 2. 1907. Oxford. 1907. VIII+416.

Archaeological Survey of Ceylon. Epigraphia Zeylanica. Being Lithic and Other Inscriptions of Ceylon, Vol. I. Parts II and III. Edited and Translated by Don Martinc De Silva Wickremasinghe, Epigraphist to the Ceylon Government. Pp. 41—120. Oxford-Clarendon Press. 5 S. each part.

Beazley, C. Raymond. The Dawn of Modern Geography. Vol. III.

Oxford: Clarendon Press. 20 s. (Исторія путішествій по Азії 1260--1420 рр.).

Becke, L. Notes from my South Sea Loy. London. 1905.

Breysig, Kurt. Die Geschichte der Menschheit. Die Völker ewiger Urzeit. Bd. I: Die Amerikaner des Nordwestens und des Nordens. M. 1. Völkerkarte. XXVII u. 563 S. Berlin, Georg Bondi.

Brown, J. Macmillan. Maori and Polynesian. XXXI+300 pp. London: Hutchinson. 63.

Budge, E. A. Wallis. The Egyptian Südān: its History and Monuments. 2 vols XVIII+652+618 pp. London: Kegan Paul. L. 2—23.

Chadwick, H. Munro. The Origin of the English Nation. 351 pp. Cambridge: Cämbridge Archaeological and Ethnological Series.

Crum, W. E. Catalogue of the Coptic Manuscripts in the British Museum.

Dennett, R. F. At the Back of the Black Man's Mind. London: Macmillan. 10 S.

Eckenstein, Lina. Comparative Studies in Nursery Rhymes. London: Duckwort & Co.

Erdland, P. August. Wörterbuch und Grammatik der Marshall-Sprache nebst ethnographischen Erläuterungen und kurzen Sprachübungen. (Archiv für das Studium deutscher Kolonialsprachen. Bd. IV.) VI u. 247 S. Berlin, Georg Reimer.

Gatti, R. Studi sul Gruppo linguistico Andamanese-Papua-Australiano. Bologna: L. Beltrami.

Gurdon, Major P. R. T. The Khasis. With an Indroduction by Sir Charles L'yall. XXVII+227 pp. Nutt. 7 s. 6 d. (Книга представляет первый томъ серії монографій о болѣе важныхъ племенахъ и кастахъ Ассама, издаваемой по ініціативѣ В. Fuller'a и при содѣйствіи правительства Индіи. Майоръ Gurdon, являю-щійся редакторомъ всей серії, долго служилъ въ Ассамѣ и зани-малъ тамъ должность „superintendent of ethnography“. Въ книга описывается соціальная организація Khasis, основывающаяся на материнскомъ правѣ, фольклорѣ, религії, языке. Къ ней прило-жены фотографії).

Hagen, Dr. B. Kopf-und Gesichtstypen ostasiatischer und mela-nesischer Völker. Stuttgart, F. Lehmann. 2°.

Hangi, A. Die Moslims in Bosnien u. der Gerzegowina, Ihre Lebensweise, Sitten u. Gebräuche. Ueb. v. H. Tauck Sarajewo. 1907.

Hartmann, E. Archacological Researches on the Pacific Coast of Costa Rica. Mem. of the Carnegie Museum. Vol. III. N 1. 4°. Pittsburg. 1907.

Havell, E. B. Benares, the Sacred City: Sketches of Hindu Life and Religion. London: Blackie & Co. XIII+226 pp. 12 S. 6 d.

Hessler, C. Hessische Landes v. Volkskunde, B. T. 1 u. 3 Th. Marburg, Elwert 1906—07. B. II (Volkskunde) вышелъ въ 1904 г.

Jackson, A. V. Williams. Persia Past and Present. New-Iork.

- Jacobson E. u. van Hasselt I. H.** De Gong-Fabricatis te Samarong. Leiden Brill. 1907. Голландск текстъ, нѣм. пер.
- Johnston, H.** Liberia. Two vols. 28 plates. Appendices. Pp. XXVIII, 1—520; XVI, 521—1183. London: Hutchinson & C°. 42 s.
- Johnson, J. P.** The Stone Implements of South Africa. 53 pp. London, Longmans. 7 s. 6 d.
- Koch-Grünberg, Dr. Theodor.** Indianertypen aus dem Amazonen-gebiet. Nach eigenen Aufnahmen w hrend seiner Reisen in Brasilien. Mit 100 Tafeln. Lichtdruck. Format 48×32 cm. In 5 Lieferungen. Preis jeder Lieferung 12 Mark. Berlin, Verlag von Ernst Wasmuth.
- Koch-Grünberg.** S damerikanische Felszeichnungen. B. 1907.
- Lang, Andrew.** Homer and His Age. London: Longmans, Green & Co. Pp. XII+336, With 8 plates. 12 s. 6.
- Leonard, Artur Glyn.** The Lower Niger and Its Tribes. London, Macmillan. 12 s. 6 d.
- L hr, M.** Volksleben im Lande der Bibel. Lpz. 1907. 134 s.
- Machal, J., d.r.** B ajeslov  Slovansk . V. Proze. 1907. 16°. 176 s. (Души: почитаніе умершихъ предковъ; духи домовые; родъ, рожа-ница, доля, сръча; русалки; вилы; лѣсные духи; водяные духи; солнце, мѣсяцъ, звѣзды; божества: Свантовитъ, Триглавъ, Сварожичъ, Радегастъ, Чернобогъ; Перунъ, Дажбогъ, Хорсъ, Велесъ, Стрибогъ, Семоргъ, Мокосъ, Троянъ; Коледа; Святки, Купала и т. д.)
- Maclin, H. W.** The Brusses of England. 336 pp. Methuen. 7 s. 6 d.
- Maugham, R. C. F.** Portuguese East Africa. London, Murray. Pp. XII+340. 15 s.
- Meakin, Amiette, Russia, Travels a. Studies.** L. 1906.
- Meinhof, Carl.** Grundz ge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. 160 S. Berlin. Dietr. Reimer. 8 Mk.
- Miller, Wsewolod.** Beitr ge zur ossetischen Etymologie. (Sonder-abzug aus „Indogermanische Forschungen. Zeitschrift f r indogermanische Sprach-und Altertums-Kunde“. XXI Band, 3 u. 4 Heft.) Strassburg. 1907. 8°. 323—334 s.
- Mohl, P. Alex. v. d.** Grammatik der Bant-Sprache von Tete mit Varianten der Sena-Sprache. Theoretischer und praktischer Theil. Krakau. 6 Mk.
- Nachod, O.** Geschichte van Japan. Erster Band. Erstes Buch: die Urzeit (bis 645 n. Chr.). Gotha. 426 S.
- Notes analytiques sur les collections ethnographiques du Mus e du Congo.** Tome I, Fasc. II. La Religion. Brussels: Publi es par la Direction du Mus e. Pp. 145—316. Pl. XXII—LXII.
- O'Connoz.** Folk-Tales from Tibet, with Illustrations by a Tibetan Artist, and some Verses from Tibetan Love-Songs. Collected and translated by Captain W. F. O'Connoz. VIII+176 pp. London: Hurst & Blackett. 7 s. 6).

Pessler, Willi. Das altsächsische Baurnhaus in seiner geographischen Verbreitung. Ein Beitrag zur deutschen Landes- und Volkskunde. Braunschweig, Viewey & Sohn.

Pier, G. C. Egyptian Antiquities in the Pier Collection. Part I. 27 pp., XXI plates. Chicago. London: Luzac. 17 s.

Quiggin, E. C. A. Dialect of Donegal Pp. X+247. Cambridge 10 s.

Radloff, W. Ein uigurischer Text aus dem XII Jahrhundert. S.-Petersburg. 1907. („Изв. Ак. II.“).

Ramsay, W. M. Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire. Aberdeen, University Press. 20 s.

Rasmussen, Knud. Neue Menschen. Ein Jahr bei den Nachbarn des Nordpols. Aus dem Dänischen übersetzt von Elsbeth Rohr. Mit fünf Zeichnungen von Graf Harald Moltke und einem Porträt des Verfassers. VIII, 191 S. Berlin, Verlag, von A. Francke. 3 M. 60 Pf.

Rhys, John. The Celtic Inscriptions of France and Italy. (From the Proceedings of the British Academy, vol. II). 101 pp. Frowde. 7 s. 6 d.

Rivers, W. H. R. The Todas. With Illustrations. Pp. XVIII+755. London: Macmillan. 21 s.

Sarasin, Paul und Fritz. Reisen in Celebes. Ausgeführt in den Jahren 1893—1896 und 1902—1903. Mit 240 Abbildungen in Text, 12 Tafeln in Heliogravüre und Farben Druck, 11 Karten. Wiesbaden, 1905. 8°. I Band. XVIII+381 S. II Band. X+390 S.

Skeat, Walter William and Blagden, Charles Otto. Pagan Races of the Malaya Peninsula. Two volumes. Pp. XL+724; X+855. 42 s.

Stahr, H. Die Rassenfrage im antiken Aegypten. Kraniologische Untersuchungen an Mumienköpfen aus Theben. B. u. Lpz. 1907 (?) 164 S.

The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistün in Persia. A New Collation of the Persian, Susian and Babylonian Texts, with English translations, &c. LXXIX+223 pp. The British Museum. 20 s.

Thiele, Dr. Ottomar. Über wirtschaftliche Verwertung ethnologischer Vorschungen. Mit besonderer Rücksicht auf die ökonomischen Beziehungen der Ethnologie zur Industrie. 7+55 S. Tübingen, H. Laupp'sche Buchhandlung. I M. 40 Pf.

Thompson, P. A. Lotus Land. Pp. XII+312. London: Werner Laurie. 16 s.

Thurston, Edgar. Ethnographic Notes in Southern India. Pp. VIII+580. Forty plates. Madras. 6 s. (Въ книгѣ широко использованы малодоступные европейскимъ ученымъ источники: переписные давнія, мѣстныя газеты, отчеты разного рода чиновниковъ, миссионерскіе отчеты и т. д.; отчасти эти давнія пополнены личными наблюденіями. Книга состоитъ изъ трехъ большихъ статей и многихъ мелкихъ замѣтокъ; большія статьи посвящены:

брачнымъ обрядамъ, погребальнымъ церемоніямъ и магическимъ вѣрованіямъ и приемамъ).

Tschepe, P. A. Der T'ai-schan und seine Kultsttten. Mit 35 Illustrationen. Yen-tschen-fu, Druck und Verlag der Katolischen Mission.

W ber, A. Preussen u. Polen. Der Verlauf u. Ausgang eines zweitausendjrigen V lkergrenzstreites u. deutschslawischer Wechselbeziehungen. Mnchen. 1907. 391 s.

Walteis, H. B. History of Ancient Pottery—Greek, Etruscan and Roman. 2 vols. Pp. XXXVI+504; XIV+588". London: Murray 63s.

Westermann, Diedrich. W rterbuch der Ewe-Sprache. I Theil Ewe-Deutsches W rterbuch. 35+603 S. Berlin. Dietrich, Reimer.

Wilkinson, R. J. The Peninsular Malays—I Malay Beliefs 81 pp. London: Luzac.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музыкально-Этнографической Комиссии за 1906—1907 годъ.

Предсѣдателемъ Этнографического Отдѣла былъ поч. чл. *Вс. Ф. Миллеръ*, товарищемъ предсѣдателя непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, секретаремъ непр. чл. *В. В. Бойдановъ*, библиотекаремъ—д. чл. *Е. Н. Еленская*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 8 закрытыхъ засѣданій, изъ нихъ одно соединенное съ музыкально-этнографической комиссией. На засѣданіяхъ слѣдующія 13 лицъ сдѣлали сообщенія:

1. *Вс. Ф. Миллеръ* (4 сообщенія): а) Кавказское языкознаніе въ связи съ вопросами древней этнографіи передней Азіи. б) Наміти В. В. Стасова. в) Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ. Гл. I. г) То же. Гл. II. и III.
  2. *Н. А. Янчукъ*: Щербина какъ этнографъ.
  3. *Н. В. Васильевъ*: Изъ наблюдений надъ отраженіемъ личности сказителя въ былинахъ.
  4. *Н. В. Гидуляновъ*: Провинціальное и этнографическое дѣленіе на востокѣ Римской имперіи.
  5. *Е. Э. Линева*: Мысли В. В. Стасова о народности въ музыкѣ.
  6. *А. Н. Максимовъ*: Морганъ и Макъ-Леннаръ. Къ 25-лѣтію дня смерти.
  7. *В. П. Мансикка*: Финскія параллели къ русской сказѣ о трехъ сестрахъ.
  8. *А. В. Марковъ* (два сообщенія): а) О методахъ изслѣдованія былинъ. б) Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ святыхъ.
  9. *А. Л. Масловъ*: Значеніе В. В. Стасова для русской музыки.
  10. *В. П. Налимовъ*: Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ.
  11. *А. С. Хахановъ*: Цадкинскіе греки и ихъ современное положеніе.
  12. *Ю. Д. Энгель*: Изъ личныхъ воспоминаній о В. В. Стасовѣ.
- Въ отчетномъ году продолжалъ выходить журналъ «Этнографическое Обозрѣніе», вступившій съ 1907 г. въ 19-й годъ изданія.

Выдающимся событием въ жизни Отдѣла за этотъ годъ было чествование исполнившагося 15 декабря 1907 года 25-лѣтія безсмѣртнаго предсѣдательства въ Отдѣлѣ поч. чл. Общества Вс. Ф. Миллера. Подробный отчетъ помѣщенъ въ предыдущей книжкѣ «Эти. Обозрѣнія».

Состоявшая при Этнографическомъ Отдѣлѣ *Музыкально-этнографическая Комиссія* въ 1906—07 году имѣла предсѣдателемъ непр. чл. Н. А. Янчука, товарищемъ предсѣдателя непр. чл. А. Т. Гречанинова, секретаремъ непр. чл. Е. Э. Линееву, казначеемъ непр. чл. А. В. Маркова, библиотекаремъ—чл.-сотруд. В. В. Пасхалова.

Комиссія въ отчетномъ году имѣла 6 засѣданій изъ нихъ одно, соединенное съ засѣданіемъ Этнографического Отдѣла, посвященное памяти В. В. Стасова. Кроме четырехъ сообщеній, посвященныхъ В. В. Стасову и указанныхъ въ отчетѣ Эти. Отдѣла, сообщенія сдѣлали еще слѣдующія лица:

1. Д. И. Аракчеевъ: а) О лирическихъ съвернаго Кавказа. б) Новые записи гурійскихъ пѣсень.

2. Н. А. Янчука: О рукописномъ сборникѣ народныхъ пѣсень и псалмъ музыканта Чарлицкаго (начала 19 го вѣка).

Комиссія принимала участіе въ слѣдующихъ юбилейныхъ торжествахъ: 1) 15-го декабря 1906 г. въ чествованіи 25-лѣтія предсѣдательства въ Этн. Отдѣлѣ В. Ф. Миллера, котораго Комиссія привѣтствовала адресомъ, 2) 27 января 1907 г. по случаю 25-лѣтія композиторской дѣятельности А. К. Глазунова, которому послано привѣтствіе телеграммой.

11 февраля 1907 г. состоялся устроенный Комиссіей 8-й этнографический концертъ въ Дворянскомъ Собраниі, при чмъ половина сбора поступила въ пользу 1-го Пятицкаго Отдѣленія Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, а другая половина въ размѣрѣ 146 руб. зачислена въ издательскій фондъ Комиссіи.

На изданія Комиссіи получена отъ правительства специальная субсидія въ размѣрѣ двухъ тысячи рублей.

Въ теченіе отчетнаго года Комиссія приступила къ печатанію одновременно 2-го и 3-го томовъ своихъ «Трудовъ». Во 2-й томѣ входятъ научно-музыкальные материалы и изслѣдованія въ области русской и инородческой музыки, а также протоколы засѣданія Комиссіи; этотъ томъ печатается на казененную субсидію подъ ред. Н. А. Янчука и выйдетъ въ свѣтъ весною.

Томъ 3-й будетъ состоять изъ 2-хъ выпусковъ, при чмъ первый выпускъ займетъ «Элементарный учебникъ музыкальной ритмики», составленный покойнымъ членомъ Ю. Н. Мельгуновымъ, а также иѣкоторыя статьи по теоріи ритмики академика Ф. Е. Корша и Н. Д. Кашкина; во второй выпускѣ войдутъ ритмические анализы европейскихъ музыкальныхъ классиковъ, составленные Мельгуновымъ. Этотъ томъ печатается на средства члена Комиссіи П. Д. Самарина и подъ его редакціей; 1-й выпускъ скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Наконецъ, Комиссіей составленъ и печатается 2-ой выпускъ «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень» (для старшаго возраста).

Поездки съ учеными цѣлями по порученію Этнографического Отдѣла въ отчетномъ году совершили слѣдующія лица:

1. *Владимиръ Александровичъ Гордеевскій*, находясь уже второй годъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи, работалъ по изученію александровъ турецкаго языка, быта, вѣрованій и народныхъ произведеній турокъ и другихъ племенъ, не исключая русскаго, въ различныхъ видѣстахъ, а также исторіи литературы и культуры турецкой націи. Эти научные занятія были пополнены поездкой въ Западную Европу, преимущественно въ Парижъ.

2. *Анастасіель Ефимовичъ Крымскій* въ Звенигородскомъ уѣзда Киевской губ. работалъ по діалектологіи и этнографії мѣстного населения, а также занимался обработкой прежде записанныхъ имъ здѣсь материаловъ по тѣмъ же вопросамъ.

3. *Степанъ Кировичъ Кузинцовъ* продолжалъ свое изученіе черемисъ Вятской губерніи, преимущественно въ области вѣрованій и народнаго костюма. Имъ собраны и на этотъ разъ весьма цѣнныя коллекціи черемисскаго шитья, многія очень старого происхожденія.

4. *Василій Петровичъ Налимовъ* въ теченіе 4-хъ-лѣтнихъ мѣсяцевъ занимался изслѣдованіями и наблюденіями по антропологіи зырянъ въ Вологодской губерніи. Имъ обслѣдованы мѣста по р. Вычегдѣ отъ устья до Усть-Кулома и по р. Сысолѣ. По антропологіи имъ собраны антропологическая свѣдѣнія о 266 лицахъ. По этнографіи имъ собраны дополнительныя подробныя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ зырянъ, а также разспроснымъ путемъ и въ мѣстныхъ волостныхъ архивахъ свѣдѣнія по обычному праву, семейному быту, материальной культурѣ и др. Имъ сдѣланы также записи зырянскихъ сказокъ, пѣсень и другихъ народныхъ произведеній.

5. *Иванъ Тихонеевичъ Савенковъ* продолжалъ и въ отчетномъ году свои изслѣдованія по древнимъ надписямъ, чертежамъ и фигурамъ, имѣющимся на скалахъ береговъ Енисея въ предѣлахъ Алтая. Шь найдены также интересные предметы быта, въ томъ числѣ свадебныя кольца съ интереснымъ немѣстнымъ орнаментомъ.

70-лѣтній юбилей Ивана Егоровича Забѣлина недавно чествовался его почитателями. Отъ Этнографического Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи юбиляру было прочитано привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

«Знаменитому русскому историку Ивану Забѣлину въ знаменательный день исполнившагося семидесятилѣтія его государственного и научного служенія приносить свое членобите московскій кружокъ этнографовъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ его высокой личности и капитальнымъ трудамъ. Всѣмъ членамъ нашего Отдѣла, глубокоуважаемый Иванъ Егоровичъ, дорого Вашо имя, все мы почерпали и почерпаемъ изъ вашихъ изысканій драгоценныи свѣдѣнія о бытовой старинѣ нашего отечества, о его «свычаихъ и обычаяхъ»,

выступающихъ въ яркихъ картинахъ изъ подъ Вашего высокоталантливаго пера. Всѣмъ намъ отрадна мысль, что въ самомъ сердцѣ Москвы, близъ стѣнъ древняго Кремля, въ зданіи Историческаго Музея, созданаго во многомъ Вашими трудами, Вы, нашъ современикъ Пименъ-Лѣтописецъ, еще неустанно работаете надъ исторіей первопрестольной столицы. Да дастъ же Вамъ Провидѣніе довести до конца возводимый Вами памятникъ, который надолго сохранить Ваше имя въ потомствѣ, и пусть старческая многогодрудившаяся рука еще долго повинуется доброй и свѣтлой мысли во славу русской науки».

75-лѣтіе дня рожденія Эд. Тэйлора. Недавно исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со дня рожденія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ ученыхъ Эдуарда Бернета Тэйлора, родившагося 2 октября (н. ст.) 1832 г. Говорить много о значеніи его работъ не приходится; оно настолько велико, что никѣмъ не оспаривается. Шестидесятые годы прошлаго столѣтія, вообще, представляютъ замѣчательную страницу въ исторіи этнографіи. Подъ влияніемъ торжества въ наукѣ принципа эволюціи, интересъ къ изученію раннихъ моментаовъ въ исторіи человѣчества пробудился въ небывалой до того степени, и цѣлый рядъ крупныхъ ученыхъ посвятилъ свои силы изученію первобытнаго человѣка и его культуры. Въ этой славной плеадѣ имя Тэйлора не только не затушевалось, во, наоборотъ, если бы мы захотѣли назвать *одного* ученаго, которому наша наука обязана больше всего, то такимъ скорѣе всего можно было бы называть именно автора «Первобытной культуры».

Первоначально Тэйлоръ интересовался культурой древней Мексики и его первые работы «Anahuac, az Mexiko and the Mexikans», вышедшая въ 1861 г., посвящена этой странѣ. Но уже вслѣдъ затѣмъ онъ заинтересовался, вообще, первобытной культурой и въ журналахъ стали появляться его статьи на эту тему. Въ 1865 г. онъ издалъ книгу «Researches into the Early History of Mankind»; это, въ сущности, рядъ самостоятельныхъ этюдовъ, небольшихъ монографій по разнобразнымъ вопросамъ первобытной культуры: языкъ жестовъ, живописное письмо, каменный вѣкъ, добываніе огня, географическое распределеніе миѳовъ, кувада, экзогамія, ростъ и упадокъ культуры и т. д. и т. д. Не представляя изъ себя строго цѣльной работы, эти книги тѣмъ не менѣе сыграли значительную роль въ дѣлѣ изученія первобытнаго человѣчества. Здѣсь собранъ значительный фактический матеріаъ, даны остроумныи и очень цѣнныя сопоставленія и впервые обращено научное вниманіе на многія явленія, которыхъ раньше если помѣщались то лишь въ видѣ курьеза. До сихъ поръ постоянно приходится встречаться въ литературѣ съ указаніями, что первый обратилъ вниманіе на такое-то явленіе Тэйлоръ, а по пѣкоторымъ вопросамъ даваемый имъ подборъ фактovъ остается наиболѣе полнымъ. Эти книги вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ были переведены на русскій языкъ подъ редакціей профа-

Мюльгаузена. Но этого перевода, впрочемъ, не вполнѣ удовлетворительного, давно уже нѣть въ продажѣ.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1871 г. появилась «Первобытная культура». Это не только главное произведение Тэйлора, но и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, посвященныхъ первобытному человѣчеству. Тутъ одинаково приходится удивляться и громадному количеству фактовъ, и широкимъ обобщеніямъ, и замѣчательному умѣнію ориентироваться въ сложныхъ областяхъ психологіи. Въ концѣ концовъ это одна изъ тѣхъ немногихъ книгъ, чтеніе которыхъ не можетъ пройти безслѣдно даже для читателя, чуждаго извѣстныхъ научныхъ дисциплинъ. Она открываетъ настолько широкіе горизонты, что чтеніе ея безусловно необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Специальный пауки давно уже восприняли выводы Тэйлора, и, конечно, теперь было бы совершенно невозможно не исходить изъ его построений, говоря, напр., о первобытныхъ вѣрованіяхъ. «Первобытная культура» выдержала нѣсколько взданій и переведена почти на всѣ европейскіе языки; по-русски она была издана дважды.

Третья изъ наиболѣе важныхъ работъ Тэйлора—небольшая журнальная статья «О методѣ изслѣдованія развитія учрежденій», появившаяся въ 1888 г. Здѣсь онъ откликнулся на самый большой вопросъ современной этнографіи: недостаточную выработанность научныхъ методовъ, и даваемое имъ рѣшеніе несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередь.

Съ большими вниманіемъ относился онъ всегда также къ задачамъ популяризациіи. Его «Антрапологія»—въ своемъ родѣ образцовая работа и какъ нельзя лучше доказываетъ, что истинныи популяризаторомъ можетъ быть только человѣкъ, вполнѣ овладѣвшій предметомъ. Чтеніе университетскихъ лекцій въ Оксфордѣ онъ продолжаетъ и понынѣ и напр., въ 1907 г. онъ прочелъ цѣлыхъ три курса: «Раннія стадіи искусства и науки», «Расы человѣчества», «Антрапологическія доказательства въ исторіи».

Друзья и поклонники Тэйлора издали въ честь его юбилея сборникъ «Anthropological Essays», содержащий въ себѣ рядъ статей по различнымъ вопросамъ исторіи культуры, характеристику Тэйлора, сдѣланную Эндрю Лэнгомъ, и подробный перечень книгъ и статей, написанныхъ Тэйлоромъ и прочитанныхъ имъ лекцій.

† Николай Карловичъ Зейдлицъ, извѣстный кавказовѣдъ, скоро-
постижно скончался на 77-мъ году жизни въ Тифлісѣ.

Покойный, сынъ талантливаго профессора Юрьевскаго Университета, прославившагося составленіемъ подробною биографіей Жуковскаго—родился 25 июня 1831 года, въ Ригѣ и, по окончаніи Ревельской дворянской школы, слушаль лекцій въ Юрьевскомъ Университетѣ, тѣ пріобрѣлъ солидныи свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, особенно ботаникѣ. Въ 1854—55 гг. онъ предпринялъ путешествіе по Восточному

Закавказью и соседнему Адербаджану, посвятив изслѣдованию мѣстной флоры свою магистерскую диссертaciю. На Кавказѣ онъ занималъ съ 1857 г. должность директора Царь-Абадской школы шелководства, по-тому состоялъ уполномоченнымъ по межевaciю, въ 1875 г. былъ назначенъ членомъ-редакторомъ Бакинскаго, а спустя еще три года— главнымъ редакторомъ общаго Закавказскаго статистического комитета.

Въ этой должности онъ опубликовалъ много новыхъ интересныхъ материаловъ по географiи, этнографiи и статистикѣ Кавказа. При ближайшемъ участіи покойнаго, была составлена въ 1880 г. подробная этнографическая карта Кавказа и выпущенъ капитальный, въ 9 томахъ, *Сборникъ статистическихъ сведений о Кавказѣ* (1873 г.). На ряду съ этимъ, перу Н. К. Зейдлица принадлежали: *Списокъ населенныхъ мѣстъ Бакинской губерніи* (съ обстоятельными историко-этнографическими обзорами этого края) и длинная вереница отдѣльныхъ статей по предметамъ географiи, естѣствознанiя, акклиматизaции животныхъ и растенiй на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ 60-хъ гг. покойный сотрудникъ въ *Русскомъ Вѣстнике*, и здѣсь, между прочимъ, появился его *Очеркъ южно-каспiйскихъ портовъ и торговли*, вышедший потомъ отдѣльною книгой. Подъ руководствомъ Н. К. Зейдлица, была исполнена обработка совершенной въ 1886 г. переписи населения Закавказья (*Сводъ статист. данныхъ о населенiи Закавказья, 1894 г.*). Нужно также отмѣтить, что покойному принадлежала важный починъ плантаций китайскаго чая и акклиматизaции евкалиптовъ и другихъ эзотическихъ растенiй въ окрестностяхъ Батума (на рекѣ Чаквѣ).

† Баронъ Рейнгольдъ Рейнгольдовичъ (Романъ Романовичъ) Штакельбергъ, профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, лишилъ себя жизни 21 дек. 1907 г. Смерть его поразила всѣхъ своей роковой неожиданностью.

Всегда привѣтливый и корректный, въ особенности въ годы прежняго жизнерадостнаго пастроенiя, да и въ послѣдніе дни меланхолическихъ самоуглубленiй, покойный Рейнгольдъ Рейнгольдовичъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣнiе человѣка обаятельной личности, прекраснаго товарища и европейски-образованного ученаго.

Лифляндский уроженецъ, отлично прошедший курсъ въ феллинской нѣмецкой гимназiи, высшее образование онъ получилъ въ страсбургскомъ университѣтѣ, удостоившемъ его степени доктора философii за соображенную диссертaciю подъ заглавиемъ *Beitrage zur Syntax der Ossetischen* (1886 г.). Занимаясь въ Страсбургѣ подъ руководствомъ известнаго ориенталиста проф. Гюбшмана санскритомъ, зендомъ, персидскимъ и армянскимъ языками, бар. Штакельбергъ, по возвращенiи въ Россiю, продолжалъ заниматься главнымъ образомъ по древне-персидскому и осетинскому языкамъ. Въ 1891 г. онъ издалъ вмѣсть съ проф. Вс. Ф. Миллеромъ *Fünf ossetischen Erzählungen in digorischen*

Dialect», а черезъ три года послѣ этого онъ получилъ приглашеніе на кафедру персидской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, гдѣ вскорѣ завоевалъ общія симпатіи и профессоровъ-сослуживцевъ и студентовъ-слушателей. Въ Москвѣ проявилась во всю ширь его и ученая, и преподавательская дѣятельность. За короткій промежутокъ времени онъ опубликовалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рядъ цѣнныхъ работъ по персидской исторіи, литературѣ, религії, лексикографіи. Въ *Древностяхъ Восточныхъ*, издаваемыхъ московскими археологическими Обществами, онъ напечаталъ изящно разработанное изслѣдовашіе о персидскомъ романѣ «Висъ-о-Раминъ»; за нимъ послѣдовали его работы подъ заглавіями: «Персидское вліяніе на религию древнихъ армянъ», «О значеніи армянскихъ историковъ для изученія сасанидской Персіи», *Гуманитарные черты въ народной религіи осетинъ* и пр. Одновременно онъ помѣщалъ въ нѣмецкихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, строго научныя *замѣтки* «Ossetica», «Iranica», «Persica», возвращающіе и къ вопросамъ о персидскихъ сказаніяхъ въ статьяхъ «Bemerkung zur persischen Sagengeschichte» и «Die iranische Schützensage». Научные симпатіи его отличались какъ широтой, такъ и глубиной прилагаемыхъ имъ методовъ къ занимавшимъ его вопросамъ. Онъ интересовался вліяніемъ иранскихъ языковъ на финскіе языки («Финско-иранскія лексикальныя отношенія»); немало тонкихъ наблюдений онъ обнаружилъ въ области армянской филологии, дѣлая удачный вторженіе и въ сферу грузинской этнографіи. И этотъ истинный жрецъ науки, одинъ изъ лучшихъ русскихъ иранистовъ, считавшійся въ первыхъ рядахъ европейскихъ ориенталистовъ, въ расцвѣтѣ своего таланта, на 48-мъ году своей жизни, пришелъ къ безотрадному убѣждѣнію, что «долѣе жить онъ не можетъ». Въ этихъ его предсмертныхъ словахъ слышатся мучительные отзвуки одиночко и замкнуто догорѣвшей жизни, заключительный аккордъ въ бессонныя ночи выношеній трагедіи. Перестало биться чудное и чуткое сердце подъ неотразимымъ натискомъ омраченаго сознанія своего ненужнаго существованія и унесло въ могилу никѣмъ не раздѣленную душевную борьбу.

+ Августъ Биленштейнъ, родившійся въ 1826 г., изслѣдователь латышскаго языка и доисторическихъ древностей Прибалтійского края, скончался недавно въ Митавѣ. Его перу принадлежать: «Die Grenzen des lettischen Volkstamms und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jahrhundert», «Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen (2 т. Берлинъ, 1863—64). Кроме того, онъ издалъ большое собрание латышскихъ народныхъ пѣсень и «Tausend lettische Rätsel, übersetzt und erklärt» (Митава 1881). Многочисленныя статьи Биленштейна по латышскому языку и народовѣдцію напечатаны въ «Magazin der lettisch-literarischen Gesellschaft», предсѣдателемъ которого онъ состоялъ съ 1864 года.

Собраниe сочиненій С. В. Максимова (автора книги «Годъ на съверѣ и др.») переиздается товариществомъ «Просвѣщеніе», при чмъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что редактировать изданіе будетъ В. В. Каллашъ. Въ редакціи «Эти. Обозр.» имѣлись свѣдѣнія о непричастности г. Каллаша къ редактированію этого изданія.

О трудахъ Э. Н. Пекарскаго по Акунскому фольклору. 29-го декабря 1907 года въ торжественномъ засѣданіи императорской академіи наукъ, между прочимъ, читался отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого (по историко-филологическому отдѣленію). Изъ внесенныхъ на конкурсъ въ числѣ другихъ сочиненій, признанъ достойнымъ золотой медали въ 250 рублей трудъ Э. К. Пекарскаго: «Словарь якутского языка». Выпускъ первый. Спб. 1907. Отзывъ объ этомъ трудѣ далъ академикъ К. Г. Залеманъ.

«Однимъ изъ важнейшихъ языковъ Восточной Сибири, говорить рецензентъ, слѣдуетъ признать якутскій, какъ въ виду его распространения и примѣняемости на практикѣ, такъ и съ точки зрѣнія языковѣдѣнія, потому что этотъ языкъ представляетъ весьма интересный образчикъ пасдоенія и полнаго присвоенія чужихъ элементовъ. Когда въ 1851 г. появилось образцовое изслѣдованіе академика О. Н. Бетлинга о языкахъ якутовъ, положившее основаніе сравнительному изученію тюркскихъ нарѣчій, то стало распространяться мнѣніе, будто бы этому языку суждено играть такую же роль въ тюркологии, какая признается за санскритомъ въ индо-европейской сравнительной грамматикѣ. Открытие орхонскихъ надписей опровергло это мнѣніе, тѣмъ не менѣе, нельзя не считать весьма страннымъ упущеніемъ, что въ теченіе полуѣвка довольствовались трудомъ Бетлина, и никто болѣе не брался за научное изученіе якутского языка.

Въ 1881 г. судьба забросила въ Якутскую область еще молодого тогда Э. К. Пекарскаго, который сразу заинтересовался окружающими его инородцами и въ теченіе двухъ десятилѣтій, проведенныхъ имъ среди якутовъ, неустанно работалъ надъ усвоенiemъ языка якутовъ и изученiemъ духовной ихъ жизни, а потомъ былъ однимъ изъ участниковъ Якутской Экспедиціи, снаряженной въ 1894—96 гг. на средства И. М. Сибирякова. Плодомъ его трудовъ, поддерживавшихся сочувствіемъ и сотрудничествомъ мѣстныхъ дѣятелей, является наряду съ изданіемъ якутскихъ народныхъ преданій, «Словарь якутского языка», первый выпускъ которого появился сперва въ Якутскѣ въ 1899 г., а въ исправленномъ и дополненномъ видѣ — весною истекающаго года, въ изданіи нашей Академіи. Это есть широко задуманный и методически обработанный настоящій *thesaurus*, для которого использованы всѣ доступные автору рукописные и печатные источники, списокъ которыхъ занимаетъ болѣе 6 страницъ. О полнотѣ словаря можно судить уже по простымъ цифровымъ даннымъ: первыя буквы а и ё, занимающая у Бетлина 25 и 11 столбцовъ, возросли у Пекарскаго до 211 и 110

столбцовъ. И въ самомъ дѣлѣ, множество приводимыхъ примѣровъ, поговорокъ, загадокъ и объяснений бытовыхъ особенностей и мифологическихъ повѣрій якутовъ придаетъ этому словарю особую цѣнность не для однихъ только языковѣдовъ». (См. «Отчетъ о дѣятельности Император. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1907 г., составленный академикомъ С. Ф. Ольденбургомъ и читанный въ публичномъ засѣданіи 29 декабря 1907 г., стр. 183—188).

Этнографическая выставка въ Петербургѣ, состоявшаяся съ 20 ноября по 24 декабря 1906 г. въ Академіи Наукъ, описана въ существенныхъ чертахъ въ «Землевѣдѣніи» въ 1906 г. кн. III—IV, стр. 143—145. Это была очередная выставка послѣднихъ поступленій Музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великаго при Академіи Наукъ. Между прочимъ, интересная коллекція музыкальныхъ инструментовъ, собранная Н. И. Воробьевымъ (всѣ вариаціи «кото» — японской лютни, ноты къ нимъ), также китайскіе музыкальные инструменты: духовые, щипальные, ударные, смычковые; китайскіе божества изъ «мя», коллекціи того же Воробьева по Сіаму (буддизмъ, музыкальные инструменты, ткани, одежда, фарфоръ, серебро). Большой интересъ имѣютъ собранные Н. И. Васильевымъ коллекціи шаманскихъ принадлежностей (гробница тунгусо-якутского шамана, съ подробными деталями ногребенія). Отъ В. И. Анутина поступила коллекція предметовъ быта остыковъ, а отъ Н. В. Журовскаго — коллекція по самоѣдамъ (много шаманскихъ предметовъ) и печорскимъ старообрядцамъ.

15-лѣtie «Православнаго Благовѣстника». Въ истекающемъ году исполнится 15 лѣть существованія миссионерскаго журнала «Православный Благовѣстникъ», издаваемаго въ Москвѣ. Журналъ этотъ, имѣя главнымъ образомъ, въ виду миссионерское дѣло въ Россіи, посвящаетъ не мало статей отечественной этнографіи. Миссионеры сообщаютъ не мало интереснаго материала изъ жизни русскихъ инородцевъ, даютъ свѣдѣнія о ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ, бытѣ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ связи съ религіозными вѣрованіями. Отчеты миссионерскаго общества, помѣщаемые въ названіи журнала, также даютъ много свѣдѣній, касающихся инородческаго населения въ Россіи.

Не перечисляя подробно этнографическихъ очерковъ «Православнаго Благовѣстника» укажемъ лишь на иѣкоторые, имѣющіе интересъ и напечатанные за послѣдніе два года: «Жрецы и совершиители моленій у вотяковъ», свящ. *Васильева*, № 18. 1906 г.; «Извѣстія съ Алтая», свящ. *Соколова* и *Постникова*, № 2. 1907 г.; «Пасха въ Тундрѣ» № 8. 1907 г.; «Алханай», свящ. *Добромуслова*, № 16. 1907 г. Многія сообщенія настоятеля Обдорской миссіи игумуева *Иринарха* знакомить съ жизнью на далекой сѣверной окраинѣ, съ бытомъ самоѣдовъ, съ трудами

по этнографії братства св. Гурія, образовавшагося въ 1904 г. при Обдорской миссіи. При этомъ братствѣ открыть этнографический музей «Хранилище коллекций по этнографии инородцевъ Тобольского съвера», какъ необходимое пособіе для изученія жизни инородцевъ. При Братствѣ устроена и библиотека, интересная, какъ «хранилище литературныхъ материаловъ о Тобольскомъ съверѣ». Подробный свѣдѣнія какъ о музеѣ, такъ и библиотекѣ сообщаетъ о. Иринархъ въ №№ 12, 18 за 1907 г. Дневники миссіонеровъ, работающихъ на съверѣ, въ киргизской степи, въ Алтайскихъ горахъ, на далекой съв. восточн. русской окраинѣ полны этнографическихъ подробностей, живыхъ картиночекъ изъ инородческой жизни, эпизодовъ, выставляющихъ характерные черты инородцевъ. Въ виду всего вышесказанного, нельзя не признать за журналомъ «Православный Благовѣстникъ» значенія для русской этнографической литературы. (Е. Е.).

Черниговское Епархиальное Древлехранилище и состоящая при немъ церковно - археологическая комиссія, сорганизованная въ 1906 г., издали свой «Уставъ», въ которомъ опредѣляется цѣль ихъ: между прочимъ, собирающе письменныхъ памятниковъ, предметовъ древняго искусства, археологич. древностей, историч. записокъ, писемъ и т. п.

Общество для изслѣдованія Приднѣстровья. Въ г. Сорокахъ, Бессарабской губ., учредилось новое ученое общество, имѣющее цѣлью изслѣдовать области Приднѣстровья (въ частности Сорокскаго у. и прилегающей къ нему части Подолія) въ географическомъ, этнографическомъ, историко-археологическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Наименование его: «Сорокское Общество изслѣдователей Приднѣстровья». Новое общество задается цѣлью кроме своей специальной задачи содѣйствовать знакомству широкой публики съ исторіей, археологіей, бытовыми особенностями края, посредствомъ устройства публичныхъ лекцій, курсовъ, съездовъ, экскурсій, выставокъ, изданія популярныхъ сочиненій. Общество имѣть свою библиотеку и свой музей.

Международная ассоціація для исторического, археологического, этнографического и лингвистического изслѣдованія Центральной Азіи основалась недавно, въ силу постановленій международныхъ конгрессовъ ориенталистовъ въ Римѣ и Гамбургѣ. Подробный свѣдѣнія о ней напечатаны въ «Землевѣдѣніи» 1906 г., кн. III—IV, стр. 147.

Союзъ изслѣдователей фольклора „F. F.“ За послѣднія десятилѣтія дѣятельность фольклористовъ и этнографовъ значительно разрослась, вслѣдствіе чего увеличивается съ каждымъ годомъ количество научнаго материала; послѣдній доставляется не только организованными обществами,

но и отдельными ревностными сбирателями (dr. Рихардъ Воссидло, dr. Яковъ Гурть). Съ одной стороны накопление сырого материала желательно и цѣнно для изыскователя, какъ необходимое подспорье для этнографическихъ изученій, съ другой — это изобиліе дѣстуетъ подавляющимъ образомъ и дѣлаетъ невозможнымъ въ концѣ - концовъ свободное пользованіе собраннымъ материаломъ. Послѣднее обстоятельство создается вслѣдствіе того, что этнографический материалъ находится въ разныхъ мѣстахъ и содержится въ рукописяхъ (часто каждая представлена однимъ лишь экземпляромъ), приходится прибѣгать къ помощи товарищей по научнымъ интересамъ, но это не всегда удобно и для послѣднихъ обременительно.

Въ виду всего вышеизложенного проф. Гельсингфорсского Унив. Карль Кронъ (Kaarle Krohn) и проф. Копенгагенского у-та Аксель Олрикъ пришли къ мысли образовать международный этнографический союзъ въ цѣляхъ научной взаимопомощи. По ихъ плану этотъ союзъ прежде всего долженъ организовать правильные занятія по списыванію, переводу и выборкѣ необходимаго материала изъ рукописей и печатныхъ трудно добываемыхъ изданій. Для выполненія этого первоначальнаго пункта основатели международного союза находить необходимымъ образованіе мѣстныхъ этнографическихъ кружковъ, которые могли бы исполнять роль посредниковъ между изыскователями фольклора всѣхъ странъ. Къ членамъ такихъ мѣстныхъ кружковъ могли бы обращаться члены союза съ просьбою объ отысканіи, списываніи и переводѣ требуемаго материала. Въ видѣ извѣстного обезспеченія необходимо установление небольшого членскаго взноса, уплачиваемаго однажды при вступлении въ мѣстный этнографический кружокъ. Должны быть установлены иѣкоторые условія во избѣженіе злоупотребленій научнымъ материаломъ прежде всего при опубликованіи материала иностраннѣхъ собраний безъ особеннаго на это испрашиваемаго согласія. Отъ подобныхъ мѣстныхъ этнографическихъ кружковъ на первыхъ порахъ ничего не нужно требовать, кроме вышеуказанного посредничества при добываніи того или другого мѣстнаго этнографического материала. Интересъ къ дѣлу постепенно поведетъ къ тому, чтобы собрать этнографический материалъ извѣстной мѣстности въ одинъ мѣстѣ, чтобы сгруппировать его по содержанію, составить каталоги, описи, указатели и т. д.

Союзъ мѣстныхъ обществъ могъ бы далѣе имѣть вліяніе на научныя издашія этнографического материала; печатаніе на туземномъ языке или нарѣчіи необходимо для поддержанія интереса къ этнографическимъ занятіямъ; кромѣ того, иѣкоторый материалъ (особенно пѣсенныій) необходимо долженъ быть издаваемъ на туземномъ языке или нарѣчіи, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть присоединенъ реєстръ на общенаучномъ языке. Наконецъ основатели международного этнографического союза проводить мысль о необходимости стремиться ввести этнографію въ кругъ университетскихъ научныхъ дисциплинъ (указываютъ на примѣръ Христіаніи и Копенгагена).

Приводимъ пункты устава международного этнографического союза.

§ 1. Имя союза обозначается буквами F. F. (Folklore Fellows, Folkeminde-Forskeres Fédération des Folkloristes, Folkloristischer Forscherbund).

§ 2. Союзъ преслѣдуетъ цѣль:

а) Сдѣлать изслѣдователямъ доступнымъ этнографической (фольклористической) материалъ различныхъ странъ и издавать каталоги такого рода собраний;

б) Издавать научнымъ образомъ этнографической (фольклористической) материалъ на легко доступномъ языке или съ рефератами на таковомъ (при текстѣ на туземномъ языке или нарѣчии).

§ 3. Черезъ посредничество союза могутъ быть доставляемы списки и переводы рукописей и малодоступныхъ печатныхъ изданий (такъ же какъ и выписки изъ нихъ), хранящихся какъ въ публичныхъ, такъ и въ частныхъ (по мѣрѣ возможности изъ этихъ пособій) собранияхъ.

§ 4. Пріобрѣтенный союзомъ материалъ долженъ быть употребляемъ лишь для научныхъ цѣлей, для пынъ же (для опубликованія) лишь съ особаго на то разрѣшенія. Если будетъ затребованъ материалъ, который случайно необходимъ для научной работы въ своей странѣ, то посредникъ вправѣ задержать его на извѣстное время.

§ 5. Для каждой страны, которая вошла въ союзъ черезъ членовъ, должно быть учреждено мѣстное правленіе или назначенъ представитель, которые и заботятся о доставкѣ материала.

§ 6. При вступлении въ союзъ членъ вносить 10 франк. для покрытия текущихъ расходовъ союза и для обеспеченія мѣстного правленія или представителя при исполненіи заказовъ.

§ 7. Сообщенія союза доставляются всѣмъ членамъ безвозмездно. За списываніе легкочитаемыхъ оригиналовъ плата назначается 1 фр. за рабочій часъ (или за 1000 буквъ са. 0,35 фр.). За сличеніе и отыскываніе материала — $1\frac{1}{2}$ фр. за 1 ч. Та же плата полагается за списываніе трудно читаемыхъ оригиналовъ и за переводы (NB за литературно обработанные переводы плата по соглашенію). Въ большихъ городахъ при значительныхъ расстояніяхъ и ограниченіемъ доступа въ хранилища книгъ и рукописей должно быть установлено извѣстное вознагражденіе за необходимую потерю времени при исполненіи работы.

§ 8. Редакціонный комитетъ изъ трехъ лицъ публикуетъ сообщенія о рукописныхъ собранияхъ и о мѣстѣ пользованія ими.

§ 9. Этотъ комитетъ долженъ давать свою подпись на публикаціяхъ, отвѣщающихъ цѣли союза. Первыми изданіями союза F. F. будутъ „Международная серія“ и „Сѣверная серія“; въ послѣднюю серію входить скандинавский и финско-эстонский материалъ. Новые серіи могутъ печататься и издаваться съ помощью мѣстныхъ правленій (бюро) и редакціонного комитета.

§ 10. Редакціонный комитетъ долженъ быть избираемъ каждые три года или на общемъ съездѣ или письменнымъ голосованіемъ; каждое мѣстное правленіе или представитель имѣютъ право одного голоса.

Подобнымъ же образомъ рѣшаются и измѣненія въ постановлѣніяхъ союза, при чёмъ необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Въ составленіи этого устава участвовали: Аксель Олрикъ (Dansk Felkemindesamling. Kopenhagen) C. W. von Sydow (Ronneby, Schweden) и Карлъ Бронъ (Финляндія, Гельсингфорсъ). Предложенія о какихъ-либо измѣненіяхъ и извѣщенія объ основанныхъ мѣстныхъ кружкахъ должны быть отсылаемы къ поименованнымъ лицамъ.

Издание FF. Сѣверная серія I.

Monumenta Estoniae antiquae vel Thesaurus antiquus, carmina, sermones, opiniones, aliasque antiquioris aevi commemorationes Estonorum continens. Per multis sociis adjuvantibus collegit et edidit Dr. Jacobus Hurt. Pars prima: Carmina popularia. Volumen primum, secundum, tertium. Helsingforsiae, sumptibus et typis Societatis Litterarum Fennicarum 1904—7. Всего LXXVIII + 1920 (эст.) + 393 (нѣм.) = 2401 стр. больш. 8⁰ формата. Цѣна 16 + 16 + 10 = 42 фр. За умѣренную плату 30 фр. (съ почтов. издерж.) разсыпается эта книга членамъ союза „FF“ финскимъ мѣстнымъ правленіемъ (бюро) подъ бандеролью.

Издание „FF“ Сѣверная серія 2.

Hjalmar Thuren, Folkesangen paa Faeroerne (народны пѣсни Фарерск. о-въ съ рефератомъ на нѣм. яз.). Kopenhagen 1907.

Эта книга также разсылается членамъ союза „FF“ за умѣренную плату датскимъ мѣстнымъ правленіемъ.

Погребальные статуэтки. A. Барзанти, фр. археологъ, открылъ въ Египтѣ около пирамиды Уна (Oupas) петроиную гробницу 5-го в. до Р. Х. По правую и по лѣвую сторону отъ входной двери найдена 401 погребальная статуэтка; они сдѣланы изъ глины и покрыты голубой эмалью; кроме того, найдено 158 эмальированныхъ шаровъ, значение которыхъ не выяснено, и много золотыхъ амулетовъ.

Вновь открытые греческие папирусы. Въ Египтѣ найдены и обнародованы въ настоящее время папирусы, содержащіе въ себѣ болѣе 1,300 стиховъ греческаго поэта Менандра, творца характерной комедіи. Изъ всего общирного репертуара этого писателя (болѣе 100 пьесъ) были извѣстны до сихъ поръ лишь незначительные отрывки, такъ какъ въ XIV в. константинопольское монашество воздвигло гоненіе противъ «печестивыхъ» авторовъ, и сочиненія Менандра были уничтожены. При раскопкахъ въ Египтѣ съ 1897 года попадались папирусы съ отрывками изъ сочиненій Менандра, а въ іюлѣ 1905 г. Гюставъ Леф-Бюръ, главный инспекторъ древностей при Хедивѣ египетскомъ, открылъ, при разломѣ

дома одного феллахъ, на глубинѣ одного метра, развалины древняго жилища въ 3 комнаты, и въ одной изъ этихъ комнатъ нашелъ большой глиняный кувшинъ со святками папируса. Это были различныя дѣловыя бумаги и 17 папирусовъ съ отрывками, весьма значительными, изъ Менандра, изъ его комедій: «Юный самосскій рабъ», «Третейскій судъ», «Стриженая дѣвица».

Древне-египетскіе домики для душъ. *Флайндерсъ Петри* при раскопкахъ въ Риѳѣ нашелъ многочисленные экземпляры древне-египетскихъ домиковъ для душъ. Вымѣленные изъ глины, съ различными архитектурными украшениями, съ рядомъ покоевъ и внутренней обстановки, они возсоздаютъ типъ обыкновенного обывательскаго дома въ древнемъ Египтѣ. Подобные домики ставились на могилахъ, въ нихъ клали пищу для усопшихъ. Душа, выходя изъ могилы, находила нужное ей жилище и пищу; мало того, въ домикахъ ставили вымѣленные изъ глины модели столовъ, стульевъ, постелей и т. д. (Изображеніе см. въ «Illustrated London News» 13-го Іюля 1907).

(*Globus*).

Древнія китайскія зеркала. Въ *Globus XCII. № 8* находимъ указаний на интересную работу Гр. Hirt'a въ *Boas Memorial Volume, N.-Iork. 1906 s. 208—256*—о китайскіхъ металлическихъ зеркалахъ. Трудъ Hirt'a основанъ исключительно на китайскихъ источникахъ. Нѣмецкому синологу удалось установить, что литья бронзовыя зеркала принадлежать къ древнѣйшимъ издѣліямъ китайской индустріи. О нихъ упоминается еще въ 673 г. до Р. Хр. Кромъ металлическихъ зеркалъ, для которыхъ дѣлали особый сплавъ изъ мѣди и цинка (для другихъ издѣлій: колоколовъ, копій, мечей и пр. сплавъ былъ другого состава), употребляли также зеркала изъ нефрита и полированного жѣльза. Китайскія зеркала ввозились въ Японію; Hirt думаетъ также, что открытые Вирховымъ при раскопкахъ на Кавказѣ металлическія зеркала были китайскаго происхожденія. Зеркала служили не только для цѣлей туалета. Они фигурировали и въ кульѣ: напримѣръ, ими пользовались, какъ зажигательнымъ стекломъ, чтобы возжигать священный огонь. Ихъ носили на спинѣ, чтобы отогнать злыхъ духовъ. Съ подобной же цѣлью и въ настоящее время китайцы вѣшаютъ у кровати современного производства зеркало. Иногда зеркала бывають украшены надписями; древнѣйшее, известное Hirt'у, относится къ XII в. Замѣчательно, что орнаменты на зеркалахъ не соотвѣтствуютъ остальному китайскому орнаменту; онъ появляется лишь послѣ похода генерала Чань-Кіяна (126 г. до Р. Хр.) въ Западный Туркестанъ и въ Бактрію. Орнаментъ въ видѣ виноградной лозы также вновь земного—эллинского происхожденія.

Къ изученію цыганъ. Съ юля 1907 г. вновь возродился прекрасный журналъ въ 1892 г. специальный органъ для изученія цыганъ—*Journal*

of the Gypsy Lore Society. Журналъ издается въ Ливерпульѣ (Nore Place, 6). Предсѣдателемъ названнаго Общества состоитъ многое потрудившійся на поприщѣ изученія цыганъ—Dav. Mac Ritchie. Появленіе Journal of the Gypsy Lore Society, первый номеръ втораго отличается богатствомъ содержанія, является весьма желаннымъ — въ виду того особенно, что цыгане, какъ показываютъ новѣйшія наблюденія, постепенно начинаютъ ассимилироваться съ другими народами и утрачивать свой языкъ, вырождающійся въ жаргонъ.

(Globus).

Возрожденіе еврейскаго языка. Интересный образчикъ возрожденія национальнаго, повидимому, уже отжившаго языка, представляетъ стремленіе снова пустить въ обиходъ, въ качествѣ разговорнаго языка литературный языкъ еврейскій. Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, приведены въ статьѣ Dr. Metmann'a: Die hebraische Sprache in der Gegenwart—Ztsch. für Demographie der Juden. 1907 s. 120. Возрожденіе еврейскаго языка началось въ 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Въ Палестинѣ возникли союзы для оживленія іудейскаго языка. Многіе еврейскіе писатели пишутъ уже на своеемъ языкѣ. Между ними есть туристы, признающіе лишь древній языкъ — и новаторы, вводящіе международныя слова. Въ новый языкъ взято много словъ изъпольско-еврейскаго жаргона; наоборотъ, изгоняютъ руссицы и германізмы. Въ стихахъ представители этого нового националистического направлѣнія вынуждаютъ сложеніе и вводить риѳму. Въ Палестинѣ еврейскій языкъ все больше входитъ въ употребленіе въ разговорѣ — и, какъ надѣется Dr. Metmann, онъ будетъ введенъ и между евреями въ европейскихъ странахъ.

(Globus).

Нъ изученію нѣмецкаго съвера. Въ Гамбургѣ въ сентябрѣ 1907 г. открылось новое общество, называющееся Deutscher Heidebund. Оно объединяетъ всѣхъ любителей съверной части Германіи, извѣстной подъ именемъ Die Heide: людей науки, писателей, художниковъ, этнографовъ. Цѣлью общества является всестороннее изслѣдованіе этой области и сохраненіе нижне-саксонской старины и народнаго достоянія. Въ апрѣльѣ 1908 г. выйдетъ первый № органа общества: «Die Heide» (Hamburg, 24, verl. C. V. Lange).

(Globus).

Нѣмецкія этнографическія экспедиціи. «Globus» отѣбчаетъ слѣдующія экспедиціи, въ текущемъ году направляющіяся въ нѣмецкія колоніальные владѣнія съ этнографической цѣлью. Экспедиція Dr. Stephan'a Dr. O. Schlaginhausen'a и E. Walden'a на арх. Бисмарка. Туда же отправляются, самостоятельно, Dr. Sapper и Friederici. Въ южный Камерунъ ёдетъ Гюнтер Tessmann по порученію Любекскаго Этнографическаго Музея и Берлинскаго Зоологическаго Музея для этно-

графическихъ и зоологическихъ изслѣдований. Къ народу былъ командированъ Ankermann Берлинскимъ Этнографическимъ Музеемъ.

Въ центральную Америку и Мексику, въ далекую и длинную экспедицію, въ октябрѣ 1907 г. отправился ассистентъ Берлинского Этнографического Музея Dr. W. Lehmann. Планъ его занятій слѣдующій. Прежде всего онъ приступить къ раскопкамъ въ плоскогорѣ, населенномъ въ прежнее время племенемъ *guetar* и на п-овѣ Никойя. Далѣе въ Панамѣ путемъ раскопокъ будеть изслѣдована область, населенная прежде племенами чирики, и остатки культуры койба. Вмѣстѣ съ тѣмъ Леманъ надѣется спасти остатки самобытного и исчезающаго племени индѣйцевъ гуатузо. Здѣсь будуть имъ произведены антропологическая, этнографическая и лингвистическая изслѣдованія. Леманъ стремится опредѣлить распространение мексиканскихъ элементовъ въ Никарагуи и Никойї. Въ Сальвадорѣ и Гондурасѣ онъ попытается опредѣлить область распространения майя. Леманъ собирается также изучить архивъ и библиотеки Мексики и Центральной Америки, т. к. есть основание предполагать, что въ нихъ можно найти еще неизвѣстныя цѣнныя рукописи.

(Globus).

Вымирающія племена Патагоніи описаны Хэтчеромъ (Hatcher), изслѣдовавшимъ ее въ 1896—1899 гг. и теперь описавшимъ. Это—тѣгуэльчи (всего около 500 чл.), онасы (Onas), алакулоы и яганы (близки къ полному исчезновенію). (Подробности въ «Землевѣдѣніи», 1906, III—IV, 157—159).

О племени индѣйцевъ паэсъ (paes) въ южно-американской Колумбіи, малоизученной, Henry Pittier de Fahrcga написалъ монографію, напечатанную въ Memoirs of the American Anthropological Association. (v I. p. 5. Lancaster, Pa. 1907).—Pittier составилъ интересный грамматический очеркъ языка паэсовъ—первый подобный опытъ, если не считать неудачную попытку въ Nociones gramaticales, 1877; онъ пополнилъ также словарь этого языка, что касается физическихъ признаковъ, Pittier отмѣтилъ своеобразный запахъ, выдѣляемый кожей туземцевъ. Запахъ этотъ имѣть у испанцевъ специальное название—*sahin’o*—и напоминаетъ запахъ, распространяемый мѣстной породы кабанами (*Dicotyles*). Паэсы обладаютъ прекрасно развитою наблюдательностью; у нихъ существуютъ названія для большинства растений и насѣкомыхъ, что, какъ извѣстно, не встрѣчается у крестьянъ европейскихъ странъ. Въ настоящее время индѣйцы паэсъ обитаютъ 34 деревнями; населенія ихъ стоять посреди полей съ кукурузой и плантаціей сахарного тростника. Они огливаются умѣньемъ строить мости изъ бамбука, которые они перекидываютъ смыю черезъ стремительные потоки.

(Globus).

О. Бали (Мал. Зондский архипелагъ) до недавняго времени оставался мало изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Тогда какъ на соѣдниихъ островахъ исламъ побѣдоносно вытѣснилъ языческую религію, на о. Бали туземное населеніе до сихъ поръ исповѣдуетъ древнюю религію—шиваизъ. Голландскій художникъ Nieuwenkamp нѣсколько разъ поѣхалъ на Бали и вывезъ оттуда богатыя этнографическія коллекціи. Онѣ были выставлены лѣтомъ 1907 г. въ Лейденскомъ Музеѣ. Подробный каталогъ къ собранію Нювенкампа составленъ на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ Dr-a H. H. Jugnball (Leiden, E. C. van Doesburgh, 1907). Каталогъ снабженъ таблицами и представляетъ драгоцѣнныи источникъ для знакомства съ этнографіей Малайскаго архипелага.

(Globus).

Нѣсколько преданій и миѳовъ туземцевъ Адмиралтейскихъ о-въ, такъ наз. **моану**—доставленныхъ миссіонеру Мейеру (Meier) однимъ изъ крещеныхъ туземцевъ, помѣщены въ журн. „Anthropos“ (1907, N. 4—5). Миѳы приведены на языкѣ моану съ подстрочнымъ переводомъ.

(Globus).

Дѣтская игра lufambo. Въ Globus, B. XCI. № 14 (1907). Dr Krauss приводить въ рисункахъ и объясненіяхъ игру, очень распространенную среди дѣтей африканского племени ваками (Вост. Африки). Игра—называется она lufambo,—состоитъ въ томъ, что посредствомъ веревочки, накинутой на пальцы рукъ и ногъ, на шею, а также взятой въ ротъ, изображаютъ разныи фигуры: напр. сѣть для лова дичи, дерево съ вѣтвями и корнями, постель и пр. Значеніе фигуръ, получаемыхъ во время игры въ веревочку, для изученія орнамента и его смысла у малокультурныхъ народовъ, было уже отмѣчено нѣмецкими этнографами.

Премія соликамскаго земства. Соликамское уѣздное земское собраніе XXXVII очередной сессіи, принимая во вниманіе общераспространенное мнѣніе о вымираніи инородцевъ-пермяковъ Иньвенскаго края и имѣя въ виду ненормальный фактъ непрекращающихся среди нихъ эпидемій, постановило: въ цѣляхъ выясненія причинъ столь бѣдственнаго положенія цѣлаго инородческаго края учредить премію въ 2,000 руб., для выдачи таковой по конкурсу за лучшее сочиненіе, посвященное всестороннему обслѣдованію и изученію жизни иньвенскихъ пермяковъ, назначивъ срокъ для представлений сочиненій пять лѣтъ.

Объ этомъ соликамская земская управа, въ исполненіе постановленія собранія, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, присовокупляя, что сочиненія на соисканіе преміи будутъ приниматься ею до 1-го сентября 1912 г., послѣ чего приемъ сочиненій будетъ прекращенъ. Объ условіяхъ и порядкѣ подачи сочиненій, разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ и присужденій преміи будетъ объявлено особо.